

УРАЛЬСКИЙ № 9 (579), 2005
Следопыт
РОССИЙСКИЙ ЖУРНАЛ ISSN 0134-241X

сентябрь:

**СОБИРАТЕЛИ
ГОРНЫХ
СОКРОВИЩ**

**ИНОПЛАНЕТНЫЙ
ДЕТЕКТИВ
ИЛИ
ДЕЛО О ГНОМАХ**

**АНАТОМИЯ
ТРЕКИНГОВОЙ
ОБУВИ**

**ЭКСПЕДИЦИОННАЯ
ЖИЗНЬ**

Маршруты Уральского следопыта

Подняться вверх по реке Серебрянке осенью могут только смелые и отважные люди... По преданию, именно этим путем более 400 лет назад прошел ермак со своей дружиной. О путешествии по «маршруту Ермака» читайте статью Вадима Митрофанова.

РЕКА ВРЕМЕНИ

<u>Легенды и были</u>	
А.КОЗЫРЕВ	Былицы старого рудника 2
<u>Клуб собирателей</u>	
И.АРТЕМЬЕВ	О людях-самоцветах 4
<u>Поиски и находки</u>	
Ю.ГОРБУНОВ	Писательницы России 13
<u>Краеведческая копилка</u>	
В.ТУРБАСОВ	Хроники Сылвы 18
<u>Версия</u>	
А.ЛЕОНОВ, С.БАНЫХ	Уральский «Царь-камень» 20
<u>Возвращение из Леты</u>	
В.ГОЛДИН	Забывшие тобольские поэты 24
<u>Ишимские хроники</u>	
О.ОЖГИБЕСОВА	Быть ли на родине Петра Ершова музеем? 48
<u>Легенды и были</u>	
О.АРМАТЫНСКАЯ	Земля алыпов, или Витязь в золотом шлеме 52
<u>Заповедные земли</u>	
Г.УФИМЦЕВ	Тункинская долина 54

АЗЛИТА

<u>Фантастика</u>	
И.СИТНИКОВ С. и Е.ЗАХАРОВЫ	Нечистое место 9 Седьмой гном 27
<u>Миниатюры</u>	
М.ТРЕГУБОВ	Дом, В западне 36
<u>Современная поэзия</u>	
Д.КОЛЧИН	Стихи 48
<u>Эксклюзив</u>	
А.ПАПЧЕНКО	Сокровище призрака 58

ИМЕНЕМ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 36

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

<u>Советы специалиста</u>	
Н.ПАНЫКОВА	Обувь для пеших путешествий 14
<u>Дети в походе</u>	
Н.БЕРДЮГИНА	Путешествие в каменный век 16
<u>Заповедные земли Урала</u>	
В.МИТРОФАНОВ	Край уральский. Маршрутом Ермака 87

Главный редактор
Максим Фирсов

Редакторы разделов -
Юний Горбунов,
Андрей Наседкин,
Вера Соловьева.

Художественный редактор,
верстка -
Юлия Ульянова.

Художник -
Ирина Овсянникова.

Набор -
Валентина Кадочникова.

Корректор -
Нина Зайцева,
Юрий Виноградов

Интернет-версия
Дмитрий Новоселов.

Учредитель:
Общественная организация
«Трудовой коллектив
редакции журнала
«Уральский следопыт».

Издатель:
ООО «Редакция журнала
«Уральский следопыт».

Редакционный совет:
Владислав Крапивин
Сергей Казанцев
Борис Стругацкий
Геннадий Пращкевич
Олег Поскребышев
Юрий Казарин
Станислав Мещавкин

Наблюдательный совет
Евгений Виноградский
м.с.м.к., «Снежный Барс»
Евгений Савенко
чл. Союза фотохудожников России
Семен Спектор
заслуженный врач России

Выпуск издания осуществлен
при финансовой поддержке
**Федерального агентства по печати
и массовым коммуникациям**
при поддержке
**министерства физкультуры, спорта
и туризма Свердловской области**

Регистрационное свидетельство № 441,
выдано 13.12.90 г. Министерством печати
и массовой информации РСФСР.

ООО «Редакция журнала «Уральский
следопыт» обладает исключительным
правом на логотипы и название журнала.
Рукописи принимаются отпечатанными не
менее 12 пт, по 60 знаков в строке, 28-30
строк на странице. Каждая страница
рукописи должна быть подписана автором.
Обязательно прилагать информацию об
авторе; указывать согласие на публикацию в
журнале, на сайте журнала, корректорскую и
редакторскую правки. В первую очередь
рассматриваются рукописи, дополненные
электронной версией (E-mail, дискета, CD).
Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
При отправлении электронных сообщений
обязательно заполнять поле ТЕМА.

Любое использование материалов журнала
допускается только с письменного согласия
ООО «Редакция журнала «Уральский
следопыт». Ссылка на журнал «Уральский
следопыт» обязательна.

По вопросам приобретения журнала
обращаться по тел.(343) 257-10-74.
Подписано к печати 30.08.2005 года.
Формат бумаги: 84x108/16. Бумага
офсетная. Печать офсетная. Тираж 4500.
Отпечатано в типографии
Екатеринбургской Епархии

© ООО «РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА
«УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ»

Адрес редакции:
620142, г. Екатеринбург,
ул. Декабристов, 67. Тел. редакции:
(343) 257-45-01, 257-36-62
E-mail: info@uralstalker.ru
www.uralstalker.ru

«Уральский следопыт», № 9, 2005
Издается с 1935 г.,
возобновлен в 1958 г.

Былицы старого рудника

Любят у нас всякие таинственные истории. А если их нет, то люди сами что-то придумывают, домысливая и приукрашивая услышанное когда-то от стариков. Особенно много легенд ходит о старых горных выработках. Конечно, это не бажовские сказы и в них больше мрачного, нежели сказочного. Но тем не менее...

Один из крупных и самых старых рудников, поставивших руду на Калатинский (Кировградский) медьзавод, находился в поселке Белоречка. В 1913 году там была заложена и шахта Белая. Добываемый в горизонтах шахты бурый железняк стал обогащаться серой и переходить в пиритный и медный колчедан, который и отправляли на переработку. Сначала медная руда поставлялась в Калату гужевым транспортом, однако уже в сентябре 1915 года построили узкоколейную железную дорогу. Небольшие паровозики («кукушки»), работавшие на дровах, возили по две платформы, и на каждую можно было грузить не более десяти тонн. Гражданская война оставила немало тайн.

С 1918 по 1921 год рудник был заброшен, и его затопило водой. Восстанавливать стали только через год. Когда воду из шахты откачали, рабочие нашли несколько человеческих трупов и винтовки. Только в 1924 году на руднике вновь началась добыча руды.

В немногочисленных архивных документах, хранящихся в городском краеведческом музее, двадцатые и тридцатые годы почти не отражены. Этот пробел во времени существует в истории и других рудников, и самого Кировграда. Остались лишь старые фотографии, почетные грамоты, расчетные книжки и сводки о добыче руды. Словно работала на руднике какая-то безликая масса людей, не было аварий, обвалов и всего остального, о чем обыкновенно умалчивалось и в более поздние времена. А обвалы были, случалась и гибель шахтеров. Конечно, спасатели доставали людей, откапывали, но если завалы были большими, а работы по спасению – трудоемкими и длительными по времени, то несчастных оставляли под землей навсегда. Медьзавод простаивать не мог, стране была остро необходима медь.

В шахте работали преимущественно крестьяне из Верхнего Тагила. Про них так и говорили: дескать, и умеют всего только, что за вожжи держаться, говорили так потому, что эти люди ездили в Белоречку на своих лошадях, запряженных в телеги. Однако и среди таких крестьян встречались «само-

родки», которые быстро становились хорошими горняками из-за природной сметливости. Например, Николай Симбирятин, 1845 года рождения, имел лишь начальное образование, но ему удалось сдать экзамены на право ведения горных работ. Начав горнорабочим, Симбирятин дослужился до начальника участка и впоследствии поднялся еще выше по служебной лестнице.

Примерно в это же время в Белоречку стали прибывать репрессированные. Привыкшие только к крестьянскому труду, они боялись шахты и спускались под землю поневоле. В шахте работали не только мужчины, но и женщины, подростки, не достигшие совершеннолетия.

Платили спецпереселенцам гораздо меньше, чем вольным рабочим. В ветхой от времени расчетной книжке Павла Медведева, уроженца Верхнего Тагила, значится, что в 1929 году за месяц ему начислено 33 рубля, в следующей записи значится 27 рублей, но он не получал за свой тяжелый труд забойщика больше пятидесяти рублей.

Первые бараки и казармы в Белоречке появились еще в 1911 году. Интенсивное строительство началось с появлением репрессированных. Как грибы стали расти частные дома, лес выделялся в счет будущей заработной платы. Конечно, это сильно сказывалось на питании, но строиться надо было. Спецпереселенцы, как правило, были люди умелые и смекалистые.

Застраивали поселок не только спецпереселенцы, строил и рудник. После войны в поселке появились больница, школа, почта, баня, а в 1971 году – даже филиал Кировградской музыкальной школы.

При этом основной рабочей силой не только Белореченской шахты, но и остальных кировградских рудников были спецпереселенцы. Сейчас их осталось немного, скоро уйдет в небытие и история судеб этих людей, которые всегда считались как бы людьми второго сорта...

Одна из них, Анна Егоровна, помнит, как ее пятнадцатилетней девочкой вместе с родителями и братьями привезли в шахтерский поселок Белоречку из Курганской области. С собой разрешили взять только одежду да нехитрую кухонную утварь. Жизнь в бараке похожа на лагерную, поскольку семьи разделяли только занавески, сшитые из старых тряпок. Отец Анны Егоровны, привыкший жить обстоятельно, вырыл на первое время большую землянку. И уже потом все вместе построили дом с сараем и стали обживать на новом месте.

Вся семья, за исключением малых ребятшек, работала в шахте – стране была необходима медь. Не по годам рослая Анна тоже катала вагонетки, чтобы не быть обузой. Отмечались в комендатуре, выезжать за пределы поселка без пропуска не разрешалось. Работать приходилось до изнеможения – норму давали высокую, однако хлеба постоянно не хватало.

Однажды ночью приехали за отцом, перед самой войной, и увезли неизвестно куда. Через несколько дней жалостливый комендант сказал по секрету, что их отец находится в невьянском пересыльном лагере. На свой страх и риск, без разрешения Анна с матерью пешком добрались до Невьянска, собрав узелок для отца, куда положили штаны, десяток картофелин и кусок хлеба. Почти не удалось поговорить через колючую проволоку, но Анна запомнила, как отец наказал беречь мать и братьев. С тех пор увидеть его больше не довелось. Лишь по прошествии многих лет узнала, что отец умер в лагере в Пермской области. Собралась и поехала, но на месте лагерного кладбища уже стоял город.

От тоски и голода вскоре умерла мать, а затем и братья. Осталась Аня одна, как перст. Однако жизнь продолжалась. Вышла она замуж за человека старше ее годами, тоже репрессированного. Местные парни засматривались на ссыльных девчат, но жениться не решались. На фронт мужа не взяли из-за неблагонадежности. Хозяином оказался хорошим, не пил, не курил и к Анне относился с любовью. Пошли дети, завели пасеку, купили корову. Анна продолжала катать вагонетки, будучи даже беременной.

На щите возле шахтоуправления ежедневно писали фамилии передовиков, но репрессированных среди них не было, поэтому и нет у Анны Егоровны дома ни единой грамоты. Не задержался долго на этом свете и муж – умер от непосильной работы. Осталась опять одна, пришлось самой сено косить, картошку садить. Ничего, выдержала – вырастила детей, внуков. Однако всю жизнь тяжело жили и чего-то боялись.

Телевизора и радио в доме нет, а вот газету Анна Егоровна регулярно выписывает и читает, водрузив на нос двое очков. Вечерами перебирает старые фотографии, смахивает набежавшую слезу, горюет о тяжелой безрадостной жизни, которая подходит к концу...

За все время существования рудника нагора было выдано более трех миллионов тонн медной руды и около трехсот тысяч тонн серной. В городском историко-краеведческом музее хранится книга «История становления и развития Кировградского медеплавильного комбината с регионами». Автором исследования является бывший главный инженер медькомбината А. Гаренских, и датирована она 1966 годом. В раз-

деле «Белоречка» имеется любопытная запись: «По состоянию на 1 января 1973 года в поселке проживает 1620 человек, и Белоречка снова имеет большое и далеко идущее будущее».

Иначе автор и не мог написать, поскольку надеялся на перспективность Белореченского электротехнического завода, который уже в феврале 1965 года выдал первую продукцию. Это были электро-разрядники для линий электропередач, пользовавшиеся широким спросом. Их отправляли даже в Венгрию, Монголию, Чехословакию, Вьетнам, Сирию и на Кубу. Однако завод по ряду причин просуществовал недолго. Сликвидацией единственного предприятия поселок окончательно захирел.

Сегодня в поселке уже нет ни больницы, ни школы, ни клуба, ни всего остального. Молодежь давно переселилась в города, а из старого поколения спецпереселенцев остались единицы. Шахтные стволы давно обвалились, но кое-где еще остались выходы на поверхность. Их делали на случай завалов. Местные жители боятся подходить к полузасыпанным провалам, поскольку разные разговоры ходят.

В один такой проем попала однажды корова. Говорят, насили вытащили бедное животное. Часто исчезали козы, овцы, молодые бычки и телки. Случайному прохожему ночью слышалось из таких провалов мычание и неясные человеческие голоса, словно разговаривали засыпанные когда-то породой шахтеры. А одна женщина рассказывала, что видела однажды ослепительный голубой столб огня, поднимавшийся прямо из шахтного провала. Не будучи человеком робкого десятка, она подошла почти вплотную – и свечение исчезло, остался только резкий запах озона. Так пахнет свежее выстиранное белье, принесенное с мороза.

Такой же голубой огненный столб видели и над другой белореченской шахтой. Стояло лето, и на следующий день в окрестностях появилось необычно много белых грибов, люди ведрами не успевали носить их. Эта история совсем уже похожа на сказ.

О модях-самоцветах

Первый камень детства
Желтенький пирит
На отвале черном
Огоньком горит.
Довелось родиться
На седом Урале,
Где нас прямо с детства
Камни окружали.
Нам Бажова сказы
Перед сном читали,
И счастливым сном
Мы крепко засыпали.

Всю жизнь думаю, откуда берется в человеке любовь и увлечение – у одних к живописи, у других к технике, у третьих к музыке. Что предопределено, что случайно? Я родился на Урале, в поселке Медный рудник (потом он стал В.Пышмой). Огород выходил на отвалы шахты. Семилетним пацаном я нашел кусочек чего-то сверкающего, желтого и взял ступу с пестиком. В войну и после войны это была нужная вещь в доме, в ней толкли овес для каши и т.д. Так вот взял я этот сверкающий кусочек и раздробил в порошок. Ну, думаю, много сверкающего порошка будет, а получилось черное вещество, которое пачкало бумагу. Разочаровался? Ничуть! Поразился. И это решило мою судьбу, сделало меня счастливым человеком.

Начну с себя, а потом расскажу о таких же счастливых людях, с которыми меня познакомила моя страсть к минералам. Камень, что в детстве я раздробил, был пирит, но об этом я узнал позже. В то время, после войны, моим сверстникам было не до камней, покушать бы чего, а я заболел неизлечимой болезнью. Переехали в Свердловск, и в библиотеке мне попала первая моя любимая книга – А.Е. Ферсман «Рассказы о самоцветах». Потом я прочитал тысячи книг, но эта – лучшая книга в моей жизни. Я с ней спал, я знал ее наизусть. Я бредил камнями.

В то время на Пионерском поселке в «доме с мезонином» жил известный в то время горщик Георгий Григорьевич Китаев. Пришел я к нему, вошел во двор, заваленный камнями: камни на крыльце, камни на завалинке, камни на подоконнике. Встретил меня высокий, худой пожилой – на голове малахай – удивительный человек. Спал

в неотопливаемой комнате, на железной кровати без матраса, а в комнате – полки с минералами и ничего больше. «Дяденька – говорю я, – научите меня искать камни и скажите, как они называются». – «А ты кто такой? Камни воровать будешь?» – спрашивает. А я говорю: «Наверно, буду». – «Ну, тогда буду учить: значит, камни любишь. Приходи». И сколько я узнал от него, где только не побывал! Он имел лошадь. На телеге стояла будка, а в ней печка, топчан... Так и путешествовали по всему Южному Уралу. С гордостью он говорил, что открыл на Южном Урале камень «каслинскит». Это сейчас его называют «солнечный». А он расшифровывал свое название как «Касли-Китаев». Знаком он был и с А.Е. Ферсманом. Ферсман дарил ему свои первые книги в знак уважения к его знаниям. Говорил: «Спасибо тебе, Георгий Григорьевич, за встречу с тобой».

А еще был на Урале «дедушка Мо» – Модест Онисимович Клер. Жил он в двухэтажном деревянном доме с какими-то бабушками, а сам был маленький-маленький и седой. Комната была завалена книгами и образцами, посреди комнаты – огромное кресло; он в нем сидел, как маленький гном. Легендарная личность, занимался качканарскими титаномагнетитами.

Большое дело делал он, приходя к нам во Дворец пионеров, где мы уже занимались в минералогическом кружке; руководителем был Копытов. После каждого похода мы делали отчеты, рисовали копи и схемы, делали альбомы, собирали коллекции. Сколько походов, ночевок у костра и надежды найти что-то уникальное! Оброшенский рудник, Шабровский рудник, Палкинские копи –

эти названия для нас были как песня, как ожидание встречи с чудом, ибо каждая находка – это чудо. Первым делом, найдя кристалл, оближешь его, и он у тебя самый-самый, пока не найдешь новый.

В кружке мы делали минералогические горки и одну самую большую – больше метра – подарили Джавахарлалу Неру и его дочери Индире Ганди, когда они приезжали на Урал.

Встречи с любителями камня – это то же, что находка редкого минерала. Невероятно, но любовь к камню приводила к авантурным поступкам. Спускаться в заброшенную шахту без фонаря, по мокрым, скользким ступеням, с горячей берестой на палке. Мечта, что вот там, в глубине, торчат друзы, толкает тебя вниз, а там – грязь, вода. Вылезешь весь в саже, в грязи и думаешь: как же это здорово – не струсил, не испугался, а ведь жутковато было. Раньше не существовало рюкзаков, палаток, и мы коротали ночи в обыкновенном ватнике, у костра под открытым небом, глядя на звезды. Рядом отвалы, тихая ночь и холодное утро, которого ждешь, чтобы снова, перебирая отвалы, найти те образцы, которые добывали деды. Старые копи – сколько романтики, сколько надежд и счастья!

А встречи с такими же любителями на отвалах, на ямах, на шахтах, в карьерах! В то время образец не меняли на деньги, можно было меняться, но продать – это позор. Вот так, на отвалах, встретил я Валеру Ерохина, одержимого до невероятности. Будучи курсантом танкового училища в Сибири, он каждый отпуск зимой в ботинках и шинели ходил на Адуйские копи искать «Семенуху». Когда не позволяло время днем, ходил по лесу ночью с фонариком искать цитрины на

Костоусово. Боясь высоты и плохо плавая, он лазил Приполярный Урал, Парнук, Неройку, До-До, по десятку раз переходя вброд реки с рюкзаком, который не мог сам поднять, мы ему помогли надеть лямки – и все ради того, чтобы найти волосатик, горный хрусталь с золотистым рутилом. Не деньгами, не наживой измерялось это чудо, а тем, что, вытащив из грязи кристалл волосатика, ты вздрагивал от его красоты, когда тысячи золотых иголок вспыхивали на солнце. Вот ради этого, вечно мокрые, продирались мы по ельникам или ольховнику «кишкодралом» – оборванные, но такие счастливые!

Навсегда я запомнил флегматичного, спокойного и неунывающего Стаса Мерцалова, альпиниста и преподавателя УПИ. (К сожалению, его нет уже с нами.) Впереди Стас, Стас с нами, значит, все будет хорошо. Надежность и сердечность – его основные черты. На порогах Олекмы, в горах Забайкалья, на Памире и на Приполярном Урале оставил он свои следы. Если ему везло, как на Шерловой горе, когда прямо под дерновником он нашел высыпку аквамаринов, он не хапал все себе, а звал всех, чтобы все получили свои кристаллы, порылись с удовольствием. Ему было большим удовольствием видеть, что людям везет и они находят камни лучше, чем у него.

Забайкалье, Якутия, Тунгуска, Чара – названия рек и краев, где мы проходили, никогда не сотрутся из памяти, так как мы шли с такими людьми, как Володя Пивко, Гена Васильев, Сергей Холевин, Володя Пелепенко – бессребреники, неунывающие, веселые любители природы, камня, песни, костров. Сколько с ними перерыто и перелопачено породы! Это не считалось трудом, это было любимое занятие. Найденный камень,

образец жег руки. Хотелось яшму отполировать, хрусталь огранить. Но где тогда этому было научиться? Делали мы станки из старых стиральных машин: мотор, чугунная площадка, наждачный порошок... Это сейчас алмазные планшайбы, алмазные инструменты, а тогда?

А тогда был чудо-человек, прошедший войну, бесподобный знаток и умелец Иван Емельянович Мальцев. Первые успехи огранки мы проходили у него. Он рассказывал нам удивительные истории об открытии демантоидов и вел нас туда, где в речке мы находили мелкие зеленые шарики; водил нас на Уфалейские рудники, где попадался гранат и хризопраз. На Тагильские рудники, Меднорудянку, где удавалось

В.Пелепенко на отвалах родонита. Малые Седельники. 1985

Группа знатоков и ценителей камня (слева направо): Вадим Авдошин, Юрий Кобяшев, Владимир Пивко, Ильдар Артемьев, Владимир Пелепенко

найти редчайший демидовит ну и, конечно, ма-лахит. Он давал нам редкие дореволюционные фолианты, где камни, кристаллы, породы были нарисованы, и каждый рисунок переложен папиросной бумагой.

Интеллигент, он уважительно относился к нам, пацанам, к Леве Наурову, который стал настоящим огранщиком от Бога, хотя сам – дальтоник, но золотое сердце и золотые руки сделали его мастером. И это в те времена, когда считалось, что коллекционер чуть ли не враг народа, хитник, а уж если ты гранил камень, то тебе грозила верная тюрьма. И в то же время дорогу с Ватихи отсыпали аметистами, а под Орском – яшмой. Чтобы искать на месторождении турмалина в Забайкалье, на реке Шилка, нужно было разрешение 1-го отдела, а турмалины вместе с лепидолитом шли в бункера на дробление. А знаменитая Мурзинка, Мекка минералогов до революции, а после революции знаменитая пегматовая жила Мокруша с ее бериллами, топазами, турмалинами, морионами – все это взрывалось и все вместе шло на фарфоровые изоляторы и унитазы. Легендарная «тысячница» – карьер на сырье для изоляторов.

Великое время порождало великое ханжество, и коллекционер собирал и сохранял то, что могло безвозвратно исчезнуть. Иван Емельянович мечтал организовать музей, а его посадили. Это было время «чурбановщины» – зятя Брежнева, когда коллекции просто конфисковывались, а предлог могли состряпать любой, и все коллекционеры ходили, жили и боялись, но никто не переставал искать и находить.

Вот Леня Кондрусик, талант, страстный, нетерпеливый; ему хотелось всюду успеть, все переделать, он торопился жить. Шкатулка, резные поделки, грибочки, ягоды, ежики и т.д. Он был большой ребенок, влюбленный в свое дело. Пос-

ле работы еще отработывал смену творя. Он дарил, улыбаясь, радуясь, что людям нравится, и был счастлив. Счастливым, когда на Синаре находил агат и, еще не добравшись до дома, уже видел, что он с ним сделает. Нетерпение сделать доводило до смешного, он начинал сразу несколько работ: ведь был и ювелиром, и огранщиком, и камнерезом. А с каким удовольствием он делился секретами, как лучше отполировать, отрезать камень! И даже если кто-то добивался большего, он был доволен, что не зря учил, способный попался ученик. Разные были люди, но у всех была одна страсть – любовь к камням.

Вася Тимофеев – легенда Мурзинки, наследник Данилы Зверева. Он знал заветные места лучше всех и никогда не возвращался из леса пустой. Всю жизнь он хотел стать пчеловодом, закончил курсы, знал о жизни пчел очень много, но самоцветы не отпускали его, и он сам как пчелка трудился на копях и в одиночку рыл шурфы до 5-метровой глубины. Удивительный собеседник, он мог не спать ночами, рассказывая о своих походах и находках; лучшие камни Мурзинки были у него, но он никогда не говорил «нет», если спрашивались сходить с ним на копи.

А время летит, и нет уже Мерцалова, Тимофеева, Сидоркина. ...

Виталий Сидоркин родился в каменно-золотом сердце Урала – селе Аятском, что под Невьянском; сын учительницы, чудесной женщины, которая привила ему любовь к камню, к песне, к природе. Он был большим знатоком лекарственных трав и ими лечил людей. Но и камень для него был тоже лечебным. Камнем он лечил души. Когда он рассказывал, он сопереживал, вспоминая свои находки заново, и, казалось, что его нет среди нас – он в копях, в шурфах. Бывало, он ставил пластинки с Шалапиным, когда исполнялось церковное пение, замирал в экстазе, и слезы лились из глаз, как граненые хрустали. А если заводил народные песни, то сам пел их так, что сразу видно – это песни его души, они жили в нем, и язык его был самобытным и сочным, с деревенскими присказками и прибаутками. Однажды у одной женщины он увидел кристалл фенакита, и чтобы выпросить его, полгода ходил нянчиться с ее грудным ребенком.

Чего только не делала с нами любовь к камням. Новогодние каникулы, мороз, снег, а мы с Валерой Пиличевым со станции Аппаратная на тормозной площадке доезжали до Режа, а там на чем Бог пошлет пробирались до Ватихи. Ночевать

останавливались в деревнях. Это сейчас тебя в дом не пустят, а тогда нас привечали как своих детей. Кормили, укладывали спать и утром давали с собой еды – подорожников. В каждом доме когда-то были горщики.

Помню одного слепого высоченного деда. Достал из комода чулок, а в чулке ограненное яйцо из цельного кристалла аметиста и трехгранная призма из топаза. С какой любовью он гладил их, показывая нам, и уже не казалось, что он слепой. Выводил нас на крыльцо и с крыльца показывал, где высыпка аметиста, где яма с турмалинами, и чудилось, что он видит. Какие были люди?!

С Виктором Губиным я познакомился на Адуиских коях – 9 мая мы уже бродили по коям. Еще снег не везде стаял, а мы, одержимые, стремились в лес, на ямы, шурфы и копи. Виктор – фанатик редкостей, образцов, которые без микроскопа-то и не увидишь, и не каждый знает их названия. А он сам определяет, прекрасно знает кристаллографию и минералогию. Преподаватель радиофака УПИ, он к камням относится как ученый. Досконально изучает места по литературе и отчетам, прекрасно разбирается в геологии, и в одиночку в любую погоду может сорваться за своим невзрачным, но таким желанным образцом. Чтобы потом возиться с микроскопом, определять свои находки и лучшие образцы дарить Минералогическому музею Горного института, где его знают и уважают.

Среди профессионалов-геологов считалось неэтичным собирать коллекции, но несмотря ни на что, любовь к камню брала свое. Любитель яшмы начальник партии Сергей Павлович Смирнов собрал прекрасную коллекцию шаров из яшмы. Каждый образец он делал сам, и все проявления яшмы Урала были в его коллекции.

Царьгородцев, один из лучших знатоков минералов, с детства мечтал о геологии и окончил Горный институт, но коллекционировать не бросил и собрал чудо-коллекцию, теперь она в Музее камня В.А. Пелепенко.

Анатолий Степанович Таланцев – профессионал высочайшего класса, знаток самоцветов, писатель – с каким знанием дела, с какой любовью он писал статьи в газетах и выпускал книги о камнях, чтобы не умирала у новых поколений уральцев любовь к камню. Он никогда не отказывал в совете, рассказывал о местах Южного Урала, где проработал многие годы, – Пласт, Борисовские сопки, пегматитовые жилы, занорыши. Храню его подарок – индигалит и словно бы вижу его – увлеченного, молодого, нестареющего. Нет его, нет Царьгородцева, нет Смирнова, но они с нами, они в нашей памяти, и их образцы-самоцветы смотрят на нас их глазами. Не зря прожита жизнь.

Канонеров – «цыган». Удивительный человек. Для него путешествие – все. Небо над головой, палатка, лопата, каелка – друзья. Сотни образцов, тысячи маршрутов... Он оставил свое имя в мине-

ралогии. Канонеровскит – минерал, открытый им в давно изученной-переизученной Мурзинке. Оставил он нам прекрасные образцы и рисунки в отчетах о местах, где он работал.

Любители камня никогда не уходят совсем. После них остается то, что они передали нам, живущим. Стремление, беспокойство души, мечта о местах, где еще не был, о ненайденных образцах, и когда мы идем в поход, они рядом с нами, они впереди нас, и мы идем с ними след в след.

«Все остается людям», – сказал великий артист Черкасов в одном из фильмов, и он был прав. Образцы, книги, мысли остаются людям. Остаются для будущих поколений в музеях. Сейчас такой музей есть в Екатеринбурге. Это Музей камня Владимира Андреевича Пелепенко. Он создавался и как памятник любителям камня, людям-самоцветам.

Многие мечтали создать такой музей еще в годы советской власти. Иван Емельянович Мальцев мечтал о таком музее. И теперь он есть, в нем хранятся образцы многих коллекционеров. Он создан для тех, кто неравнодушен к красоте камня, кто любит это чудо природы. Вдруг да замрет перед чудом-кристаллом, и захочется ему самому найти такой же и поддержать на своей ладони эти овеществленные «миллионы лет». А потом, может быть, написать и свою судьбу, создать свою коллекцию.

Николай Меркурьев

НЕЧИСТОЕ МЕСТО

Фантастика

– И все-таки, кто желает побродить по тайге? – повторил вопрос редактор. Корреспонденты «Бульварного вестника», развалившись на стульях, откровенно зевали и тоскливо глядели на шефа. В кабинете повисла напряженная тишина.

– Дмитрий Владимирович, – высунулся из угла Стас Партиев, ведущий журналист «Вестника», – а нам это надо? Какие-то аномальные зоны. Чушь все это. Давайте лучше сделаем материал о ночных клубах.

Редактор медленно перевел взгляд на осмелившегося перечить журналиста. Партиев, выделявшийся из общей массы журналистов аккуратной финской бородкой, казалось, не замечал испепеляющего взгляда шефа и продолжал невозмутимо крутить в руках диктофон.

– Вот именно ты и поедешь, – прорычал редактор. – Чтобы завтра же вместе с Сашкой были готовы к отъезду.

Сашка, единственный фотограф издания, чье участие в экспедиции было давно предreshено, расплылся в улыбке. Лучшего компаньона, чем Стас, он и не желал. Редактор, моментально уловивший перемену в настроении фотографа, громко ударил по столу кулаком.

– Ни грамма спиртного! – предупредил он. – Вас вместе отправлять на задание нельзя. Взрывоопасная смесь. Если узнаю, что вместо поездки на Чертову поляну отдыхаете с бабами – уволю.

– Так бабы, они ведь еще хуже чертей, – подал голос худенький корректор Иванов, которого частенько поколачивала жена. Женская половина коллектива, возмущенная его репликой, злобно зацыкала. Мужчины же, включая редактора, понимающе переглянулись.

– С этим вопросом разобрались, – сказал редактор. – Командировка у вас на неделю, деньги получите в кассе. В общем, Стас, не мне тебя учить, нужна сенсация. Тираж падает, надо поднимать.

– Поднимем, – уныло проворчал Стас, – поработаем виагрой.

– Будет нужно – еще не тем поработаешь, – осадил его редактор. – Значит, так. Если ничего не накопаете, придумай что-нибудь. Голова у тебя на плечах есть, фантазией тоже Бог не обделил. Так что с тебя сенсация.

– Премия-то хоть будет? – спросил Стас, уже распрощавшийся с намеченными планами на выходные.

– Все тебе будет. И премия, и аудиенция с па-

пой римским. Только работу сначала выполни.

Редактор удовлетворенно закурил. Вслед за ним облегченно полезли за сигаретами и остальные работники «Вестника». Никому не хотелось ехать в забытый богом уголок и исследовать якобы имеющуюся там аномальную зону.

– Все свободны, – сказал редактор, прихлопнув газетой ползущую по столу муху.

Стас обреченно вышел на крыльцо редакции и, проводив взглядом симпатичных девушек, идущих по улице, достал телефон. Батарея оказалась разряженной.

– Ты кому звонишь, – спросил высунувшийся из приоткрытой двери Саша.

– Да этому...будь он неладен, Антон Антоновичу.

– Я с ним уже переговорил. Завтра на вокзале встречаемся. По дороге он нам про все и расскажет, – сообщил Саша.

– А кто он хоть такой? – все еще хмурясь, спросил Стас.

– Специалист по аномальщине, – засмеялся Саша. – Экстрасенс и уфолог в одном флаконе. Говорят, забавный тип.

– Посмотрим, – буркнул Стас.

– Да не переживай ты так. Съездим в глухую деревеньку, там, кстати, еще городок небольшой рядом. Все девчонки наши, – Саша улыбнулся. – Фотографий таинственных я нащелкаю, Антоныч тебе все расскажет, с местными жителями поговоришь. Название пострашней придумаем, вот тебе и материал на разговор готов.

Саша похлопал друга по плечу и кивком указал на ближайшее летнее кафе.

– По пивку? – заговорщически шепнул он.

– А что? Мы, считай, уже в командировке, – заметно оживился Стас. – В конторе делать нечего, а поезд только завтра. Пошли.

Друзья торопливо направились к столикам летнего кафе, заботливо защищенным от назойливо палящего солнца большими матерчатыми зонтами.

* * *

Высокий сухопарый старик нетерпеливо прохаживался по перрону. До отправления поезда оставалось менее десяти минут, а журналистов «Вестника» все еще не было. Наконец от толпящихся на автобусной остановке людей отделились две понуро бредущие фигуры и направились в его сторону.

– Ну, и где он? – спросил Стас.

– Да вон же, стоит, – сквозь зубы процедил Саша, в голове которого веселые медные молоточки при каждом слове отбивали забавную трель.

Старательно обходя попадавшие по дороге лужи, они подошли к перрону, где в нетерпении топтался их попутчик.

– Антон Антонович, – протянул руку старик.

– Это Стас, а я Александр, – представился Саша. – Мы с вами вчера разговаривали.

Старик кивнул и закинул на плечо рюкзак.

– Опаздываете, молодые люди, – с неудовольствием заметил он

Получив от проводницы постельное белье, компания с удовольствием расположилась в купе. За окном моросил мелкий осенний дождик, и небольшие группки провожающих зябко кутались в плащи и куртки.

– Погодка испортилась, – вздохнув, произнес Стас.

– А что это вы, Александр, при таком параде? – ворчливо поинтересовался экстрасенс, с ног до головы оглядывая фотографа.

– Он всегда так ходит, – ухмыльнулся Стас, – костюм, галстук, начищенные туфли.

Иван Антонович раздраженно дернулся.

– Да вы хоть понимаете, куда мы едем? Во-первых – это глушь, тайга, грязь, комарье! А во-вторых, еще неизвестно, с чем мы там столкнемся.

– Да не переживайте вы так, – Саша пнул ногой большой рюкзак, – все необходимое у меня с собой.

Мерный стук вагонных колес вкупе с плотным ужином навевал сон. Удобно расположившись на своих местах, Саша и Стас мирно переговаривались. Вдруг Антон Антонович, все это время демонстративно молчавший, достал из пакета пачку изрядно пожелтевших бумаг.

– Вы должны серьезней отнестись к цели нашей поездки, – сказал он.

Прервав беседу, журналисты удивленно обернулись к нему. За те часы, которые они провели в поезде, этот взбалмошный старик, обиженно пылевший в углу, начал порядком их раздражать.

– Так просветите нас, – зевнул Стас.

Антон Антонович нацепил на крючковатый нос древние, с треснувшей дужкой очки и трясущими руками начал перебирать бумаги.

– Вот, слушайте, – начал он. – О чертовой поляне, или, как еще называют это место, дьявольском кладбище, ходят легенды. По количеству аномальных явлений она занимает четвертое место в мире!

Антон Антонович возбужденно жестикулировал.

– Только за последние пятнадцать лет в этом таинственном месте погибло и пропало без вести около ста человек.

Журналисты переглянулись.

– А что с ними случилось? – спросил Стас, все еще недоверчиво улыбаясь.

Старик снял с переносицы очки и протер стекла подвернувшимся под руку полотенцем.

– Никто не знает, – произнес он, – но эта аномальная зона буквально усыпана костями зверей и птиц.

– Какой ужас, – хихикнул Саша.

– А местные жители поговаривают, что и человеческими костями, – понизив голос, добавил Антон Антонович.

В небольшой городок Рябиново, гордо именуемый районным центром, поезд пришел вечером следующего дня. Покинув вагон и помахав на прощание гостеприимной проводнице, участники экспедиции отправились на поиски гостиницы. Журналисты, отлично выпавшиеся в поезде, всю дорогу непрестанно шутили, веселились и рассказывали анекдоты. Приподнятое настроение передавалось даже Антону Антоновичу, который стал гораздо благожелательней поглядывать на молодых спутников.

– Сегодня переночуем в гостинице, отдохнем как следует, а завтра с утра в путь, – на правах старшего решил он.

– Как скажешь, Антоныч, – перешел на «ты» Стас. – Будешь у нас за командира.

По узкой безлюдной улочке они, наконец, вышли к двухэтажному зданию местной гостиницы.

– До пятизвездочного отеля немного не дотягивает, – присвистнул Стас. – Пошли, вещи закинем, а там видно будет.

Поздно вечером троица расположилась за столиком в гостиничном баре. Помимо легких закусок и горячего, на столе торжественно возвышалась бутылка водки. Журналистам потребовалось пустить в ход все свое красноречие, дабы уговорить старшего спутника не возражать против покупки спиртного. Клятвенно пообещав Антону Антоновичу с завтрашнего дня употреблять только безалкогольные напитки, журналисты выпили за успех экспедиции.

На третьей рюмке сломался и экстрасенс.

– Наливай, – махнул он рукой, – перед серьезным делом можно немного и расслабиться.

Уже через полчаса, разгоряченный алкоголем, он объяснял дальнейшие планы группы.

– От города до деревни Потомак совсем недалеко – километров шесть. А там уже рукой подать и до чертовой поляны.

– Ну и здорово, – кивнул Стас, – доедем на такси до деревни, встретимся с местными жителями и вперед.

– Чертей гонять, – поддакнул Саша, подзывая официантку.

Против второй бутылки водки Антон Антонович возражал уже не так рьяно.

– Я занимаюсь этой аномальной зоной почти пятнадцать лет, – рассказывал он, дожжевывая черствый бутерброд, – с тех пор, как здесь пропало десять туристов из Иркутска. Поговаривают, что они превратились в призраков и иногда появляются в окрестностях Потомака.

– Ну ладно, отец, хорош уже нас пугать, – нахмурился подвыпивший Стас. – А то один пойдешь.

Антон Антонович нахмурился и замолчал, красноречиво посмотрев в сторону початой бутылки.

– Вас понял, шеф, – хохотнул Саша, разливая горячительную жидкость по рюмкам.

Пробуждение оказалось неожиданным и неприятным. Трое путников лежали в мокрой пожухлой траве недалеко от проселочной дороги. Рюкзаки с вещами и аппаратурой валялись неподалеку.

– Чем вчера все закончилось-то? – спросил Саша, потирая рукой лоб, на котором красовалась огромная шишка.

Стас приподнялся на четвереньки и с удивлением рассматривал мерно посапывающего в бурьяне экстрасенса.

– Нарезались, наверное, – просипел он простуженным голосом. – Надо Антоныча будить.

Холодный пронизывающий ветер с редкими каплями дождя заставил обоих журналистов крепче запахнуться в куртки.

– Когда это я переодеться успел? – удивленно спросил Саша.

– Вон твой костюм из рюкзака торчит, – проворчал Стас. – Напились вчера и, наверное, решили сразу в путь двинуться.

Саша достал из кармана мятую пачку «Пэлл Мэлла», вытащил промокшую сигарету и с удовольствием закурил.

Антон Антонович, разбуженный Стасом, долго тер виски пальцами и что-то невнятно бормотал. Затем с ненавистью посмотрел на помятых журналистов.

– А вы что, еще и подраться успели? – пробурчал он. – У одного губа разбита, у другого лоб.

– Еще бы вспомнить, что вчера было... – грустно произнес Стас.

– Н-да... – Саша проверил карманы. – Деньги и документы на месте. Пошли, здесь вроде немного осталось.

Потомак они увидели сразу за березовой рощей, возле которой дорога выписывала замысловатый зигзаг, огибая глубокую канаву. Несколько десятков покосившихся домиков трудно было назвать деревней. Скорее, они напоминали заброшенный хутор, жители, которого отправились искать лучшую долю в другое место. Однако деревня оказалась не такой безжизненной, как показалось сначала. Тут и там из-за заборов доносился лай собак, а из печных труб неторопливо поднимался дым.

– Надо найти деда Захара, – сказал экстрасенс. – Он должен показать самую короткую и безопасную дорогу к аномальной зоне.

Хлюпя сапогами по лужам, путешественники подошли к ближайшему дому, на крыльце которого стояла маленькая девочка в замызганном пальтишке с растрепанной куклой в руках. Увидев направлявшихся в ее сторону мужчин, девочка громко заплакала и, прижав к себе куклу, убежала в дом. Почти тотчас же в дверях появилась старая, неопрятного вида старуха. Близоруко щуриглаза, она молча рассматривала незваных гостей. Но только Стас собрался спросить дорогу, как старуха, неистово крестясь, закрыла перед ними дверь.

– Похоже, здесь одни ненормальные живут, – высказал общее мнение Саша.

Дом деда Захара им указал проезжавший мимо на старенькой скрипучей телеге мужичок. Осмотрев путников с ног до головы, он молча махнул рукой в сторону потемневшего бревенчатого сруба и, дернув поводья, двинулся дальше.

– Что-то меня колотит, – пожаловался Стас.

– С похмелья, а может, и от холода, – прокомментировал Саша.

Антон Антонович окинул их хмурым взглядом.

– Пришли уже. Сейчас согреетесь.

Дед Захар встретил их настороженно. Его большая, давно не стриженная борода топорщилась в разные стороны, а суровый взгляд из-под густых бровей был неприветлив. Молча выслушав о цели их приезда, он нерешительно потоптался на месте.

– Извиняйте, хлопцы, в хату не пушу, – пробасил он. – А дорога к чертову кладбищу вон сразу за тем пригорком находится. По ней, почитай, несколько лет никто не ходит, однако ж не зарас-

тает. Ни бурьяном, ни репьем каким. Вы ее сразу найдете.

Выдав, по его мнению, всю необходимую информацию, дед повернулся и неторопливо направился к дому.

– Подождите, – крикнул ему вслед Стас. – Можете, расскажете нам об этом месте.

– Не о чем мне с вами говорить, – не останавливаясь, прогудел дед Захар, – наговорился уже.

– Ну и черт с ним, – раздраженно сказал Саша. – Я себя в лесу буду лучше чувствовать, чем в этой чокнутой деревне.

– Староверы... – будто оправдываясь, вздохнул Антон Антонович.

Стас, поеживаясь от холода, закурил сигарету.

– Ладно, пойдем. Нечего здесь грязь месить.

Взвалив на плечи мокрые рюкзаки, путешественники, не оглядываясь, пошли к указанному им пригорку, за которым начиналась дорога, ведущая к чертову кладбищу.

Дождь моросил не переставая. Повсюду вдоль тропинки, по которой шли путники, стояли высохшие деревья. Казалось, достаточно одного сильного порыва ветра – и они рассыплются в труху. Все вокруг казалось безжизненным. Небо, точно савааном натянутое хмурыми тучами, окончательно допняло и без того безрадостную картину.

– Далеко еще? – спросил Саша, поудобнее закидывая на плечи рюкзак.

Антон Антонович, идущий впереди с картой и компасом, остановился.

– По рассказам очевидцев, чертова поляна представляет собой выжженный овальный участок земли. От тридцати до двухсот метров в поперечнике. Так что увидим сразу. Кстати, стрелка компаса там тоже ведет себя необычно. Показывает только на север.

– Устроим перекур? – спросил Стас и, не дожидаясь ответа, скинул на землю рюкзак.

Антон Антонович между тем продолжал рассказывать.

– Мясо зверей и птиц, побывавших на страшной поляне, становится неестественного ярко-красного цвета. Собаки, забегавшие на поляну, переставали есть и погибали.

Журналисты настороженно слушали. Стас, зажав зубами сигарету, безуспешно пытался зажечь отсыревшие спички. Сломав очередную спичку, он чертыхнулся.

– Зажигалку дайте.

– Есть какое-нибудь научное объяснение? – спросил Саша, протягивая другу зажигалку. – Можете, радиация?

Антон Антонович пожал плечами.

– Да вроде нет, ребята здесь и с дозиметрами ходили. Радиационный фон чистый. А ученые считают все это страшной легендой, не более.

– А может, ну ее к чертям собачьим? – с надеж-

дой спросил Стас. – Что мы там не видели? Лес как лес. Текст я для статьи придумаю, не впервой. А ты, Саня, шелкнешь поваленное дерево под хорошим ракурсом.

– На месте разберемся, – сказал Саша, – не верю я в страшилки. Пошли, нам еще до темноты надо успеть палатку поставить, да и возле костра обсушиться не мешало бы.

Стас нехотя взвалил на плечи рюкзак и заковылял вслед за попутчиками. Идти становилось все тяжелее, ноги наливались свинцовой тяжестью, натертые плечи болели.

Антон Антонович остановился. Стрелка компаса начала лихорадочно дергаться в разные стороны.

– Уже пришли, – сообщил он журналистам.

Они поднялись на небольшую горку и огляделись. Перед ними раскинулась огромная выжженная поляна, со всех сторон окруженная сухими деревьями с обугленными, будто после пожара, ветками.

– Есть версия, что под этим местом горит каменный уголь, в результате выделяется угарный газ, который, как известно, не имеет ни цвета, ни запаха, – сказал Антон Антонович. – Но лично я в это не верю. Слишком много нестыковок и противоречивых фактов.

Группа настороженно спустилась на поляну. Пока Александр доставал фотоаппарат, а экстрасенс колдовал с какими-то загнутыми спицами, проверяя по его словам энергетический фон, Стас мрачно ходил по поляне, пиная черные, покрытые странной копотью камни.

– Не нравится мне здесь, – сказал он. – Надеюсь, лагерь на пригорке разобьем. Там хоть трава растет.

Вокруг стояла гнетущая тишина. Даже слова отдавались в теплом густом воздухе как-то глухо и нереально. Антон Антонович внезапно повернулся к журналистам.

– Как вы себя чувствуете? – спросил он.

– Жутковато, – признался Стас.

Экстрасенс близоруко щурил глаза, вглядываясь вдаль.

– Я не о том. Покалывания в теле не ощущаете? Хотя, может, это у меня старческое.

По спине Стаса пробежал холодок, лоб покрылся липким потом.

– Пошли отсюда, – дрожащим голосом произнес он.

Саша замер с фотоаппаратом в руках.

– Смотрите, – он вытянул руку, показывая на дальний край поляны.

Там, на высоте полуметра от земли, возникая прямо из воздуха, начал клубиться призрачный серебристый туман.

Он стелился по поляне, медленно надвигаясь на незваных гостей. Застыв на месте, все трое напряженно следили за происходящим.

– Валим, – рявкнул Саша и начал торопливо захватывать фотоаппаратуру в стоявший рядом рюкзак. Стас и Антон Антонович продолжали оцепенело стоять на месте. Туман приближался все ближе, в воздухе раздалось едва слышное потрескивание. Саша, повернувшись к спутникам, попытался что-то сказать, но не смог. Все мышцы, казалось, онемели. Ноги и руки начали покалывать тысячи невидимых иголок. Внезапно ему показалось, что он различает тихие голоса и постанывания, раздающиеся с разных сторон, и в этот момент их накрыл туман. Они стояли в белой, точно парное молоко, субстанции. Перед глазами мелькали холодные алмазные искорки. Вдруг белизну тумана, будто молния, прорезала яркая синяя полоса. Раздался оглушительный хлопок, и все трое повалились на землю, сметенные холодной равнодушной силой...

Пробуждение оказалось неожиданным и неприятным. Трое путников лежали в мокрой пожухлой траве недалеко от проселочной дороги. Рюкзаки с вещами и аппаратурой валялись неподалеку.

– Чем вчера все закончилось-то? – спросил

Саша, потирая рукой лоб, на котором красовалась огромная шишка.

Стас приподнялся на четвереньки и с удивлением рассматривал мерно посапывающего в бурьяне экстрасенса.

– Нарезались, наверное, – просипел он прожужженным голосом. – Надо Антоныча будить.

Саша достал из кармана мятую пачку «Пэлл Мэлла», вытащил промокшую сигарету и с удовольствием закурил.

Антон Антонович, разбуженный Стасом, долго тер виски пальцами и что-то невнятно бормотал. Затем с ненавистью посмотрел на помятых журналистов.

– А вы что, еще и подражаться успели? – пробурчал он. – У одного губа разбита, у другого лоб.

– Еще бы вспомнить, что вчера было... – грустно произнес Стас.

... Хлюпя сапогами по лужам, путешественники подошли к ближайшему дому, на крыльце которого стояла маленькая девочка в замызганном пальтишке с растрепанной куклой в руках. Увидев направлявшихся в ее сторону мужчин, девочка громко заплакала и, прижав к себе куклу, убежала в дом. Почти тотчас же в дверях появилась старая, неопрятного вида старуха. Близоруко щуря глаза, она молча рассматривала незваных гостей. Но только Стас собрался спросить дорогу, как старуха, неистово крестясь, закрыла перед ними дверь.

– Похоже, здесь одни ненормальные живут, – высказал общее мнение Саша.

... Дед Захар встретил их настороженно. Его большая, давно не стриженная борода топорщилась в разные стороны, а суровый взгляд из-под густых бровей был неприветлив. Молча выслушав о цели их приезда, он нерешительно потоптался на месте.

– Извиняйте, хлопцы, в хату не пуцу, – пробасил он. – А дорога к чертову кладбищу вон сразу за тем пригорком находится. По ней, почитай, несколько лет никто не ходит, однако ж не зарастает. Ни бурьяном, ни репьем каким. Вы ее сразу найдете.

Выдав, по его мнению, всю необходимую информацию, дед повернулся и неторопливо направился к дому.

– Подождите, – крикнул ему вслед Стас. – Может, расскажем нам об этом месте.

– Не о чем мне с вами говорить, – не останавливаясь, прогудел дед Захар, – наговорился уже.

* * *

Взвалив на плечи мокрые рюкзаки, путешественники, не оглядываясь, пошли к указанному им пригорку, за которым начиналась дорога, ведущая к чертову кладбищу.

Юний ГОРБУНОВ

ПИСАТЕЛЬНИЦЫ РОССИИ

(Материалы для
био-библиографического словаря)

А

АРГУТИНСКАЯ Люся Александровна (1897 - 1968), прозаик.

Была сестрой милосердия на турецком фронте в 1916 году. Участница войны с финнами и Великой Отечественной. Первое произведение - пов. "В водовороте" (1928). Большинство ее книг посвящено гражданской войне на Сев. Кавказе - "Огненный путь" (1932). "Татьяна Соломаха" (1937), а также борьбе партизан во время Великой Отечественной - "Повесть о любви и ненависти" (1941), "Земля в крови", пов. (1943) и др.

КЛЭ; Третьяк С. "О прошлом для будущего". - "Москва", 1957, № 7; Мацуев.

АРГУТИНСКАЯ-ДОЛГОРУКАЯ С., княг.

Сотр. газ "Школа и жизнь" (1913).
Венгеров. Источ.

АРЕНДТ Софья Андриановна (урожд. кн. Сонцева-Засекина; 1840 - 1894), писательница.

Жена докт. медицины Н.А.Арендта. Авт. рассказа ("Вест. Евр.", 1877) о любви к ней Лассалья; "Воспоминания сестры милосердия. 1877-1878" - "Рус. слово", 1887, т.55, № 7,8. Подпись: Сестра милосердия.

Венгеров. Источ.; ИДРДВ. Т. 3. Ч. 2, № 3745. Языков. Росс. арх.

АРЕНС Вера Евгеньевна (в замуж. Гаккель; 1883 - 1962), поэтесса, переводчица.

В доме А. в Царском Селе собирався кружок "Салон наук и искусств". Печатала стихи и короткие рассказы в "Игрушечке", "Современнике", "В. Европы", "Аргусе" и др. журналах, выступала на поэтич. вечерах. В лирике ощутимо влияние акмеизма. Интерес к поэзии А. проявлял Н.С.Гумилев, посвятив А. неск. стихотв., в т.ч. "Сады души" - его письма А. хран. в ЦГАЛИ. После 1917 года занималась в основном стихотв. переводами; ее переводы из Гейне редактировал А.А.Блок и некоторые высоко ценил. Стихи А. - в сб. "Царское Село в поэзии".

Русские писатели (портр); Сто одна поэтесса серебряного века.

АРЕНЦВАРИ Валентина Степановна

Актриса. Оконч. Драматич. школу при Московской консерватории. С 1903 по 1913 - в труппе театра Корша. Член Московского литературно-худож. кружка (с 1909). Жена Я.Д.Южного, актера, исполнителя устных рассказов.

Диаспора. 1.

АРЗАМАСЦЕВА Е., переводчица.

Переводила Киплинга «Вдоме Саддуху (Рассказ)». - сб. рассказов, стихотв. и статей «Грех». М., 1911.
Голубева.

АРИНШТЕЙН Мария Марковна (1900 -)

"За их улыбку", пов. Грозный, 1957; «Приключения Алика». Грозный, 1957.

РНБ.

(Продолжение на стр.23)

ОБУВЬ для пеших путешествий

Едва ли не самым важным элементом экипировки при пешем путешествии является обувь. Простой и достаточно удобный рюкзак можно сделать из обычного мешка или куска брезента. Куртка или брюки тоже не имеют решающего значения, т.к. в случае холодной погоды согреться можно быстро двигаясь, а в жару необходимость в них просто отпадает. А вот попробуйте пройти несколько метров в неудобной обуви, сразу придется ее снять и пытаться идти босиком. А ходить так сейчас могут единицы. Поэтому, отправляясь в пешее путешествие, обратите особое внимание на то, как вы обуты.

Лучший вариант обуви для путешествий – это специализированная трекинговая обувь. Сейчас в магазинах продается большое количество такой обуви, разного качества и по разным ценам. Производители подразделяют трекинговую обувь на несколько мелких категорий: горные ботинки, обувь для восхождений, для путешествий с рюкзаком, усиленные ботинки, спортивные ботинки (кроссовки), походные сандалии, обувь для охоты, для ходьбы по пересеченной местности, ежедневная обувь и банальные походные ботинки. Между этими категориями существуют заметные на глаз отличия и не столь явно выраженные сходства. Постараемся, не вдаваясь в дебри запутанной терминологии, разобраться в основных характеристиках трекинговых ботинок.

Трекинговые ботинки бывают трех видов:

1. Для легкого трекинга.

Равнинная местность. Температура ноль градусов и выше. Ваш рюкзак весит не больше 15 кг, поэтому двигаетесь вы в хорошем темпе. Естественно, понадобится максимально легкая обувь. Толщина внешней кожи до 3,5 миллиметров. Материал – нубук. Носок подошвы может слегка гнуться, но только в одном направлении. На таких ботинках допускается большое количество швов и вставка из синтетических материалов, например, кордуры. Это делается для облегчения.

2. Для среднего трекинга.

Пересеченка. Температура до минус двадцати. Вместе с рюкзаком потяжелели и ботинки.

Толщина кожи внешнего слоя до 4,5 миллиметров. Теперь они не гнутся совершенно, обеспечивая наилучшую поддержку для ноги. Материал по-прежнему – кожа или нубук. Синтетические вставки здесь исключаются, но ботинки все еще могут быть многосоставными по крою. На нижней части появляется обечайка из резины, которая защищает их от механических повреждений.

3. Для тяжелого трекинга.

Ваша цель – горы, где температуры чрезвычайно низкие. Поэтому толщина верхнего слоя ботинок увеличивается до 6,5 миллиметров. Они цельнокроеные, и резины по периметру здесь куда больше. Используемый материал – спилок. Эти ботинки предназначены для работы в зоне льда, поэтому имеют специальное рант-крепление под «кошки». Gore Tex уже может не использоваться, поскольку ноги здесь практически не потеют.

С маршрутом определились, а следовательно и с климатическими особенностями предстоящего места восхождения. Остается самое главное – подобрать обувь для себя, да еще и так, чтобы всерьез и надолго! А для этого рассмотрим поподробнее сам ботинок и его основные характеристики.

Анатомия трекинговой обуви

Любой ботинок состоит из трех слоев. *Внутренний слой*, или, проще говоря, подкладка, может быть сделана либо из перфорированной кожи, либо мелкоячеистой сетки. Или самый модный вариант – мембранный материал Gore-Tex, который не пропускает воду в жидком состоянии, но пропускает в парообразном.

Средний слой ботинка и подошвы отвечает за теплоизоляцию и отвод влаги от внутреннего слоя ботинка в его верхнюю часть, откуда через специальные отверстия она испаряется в атмосферу.

Внешний, непромокаемый, слой в походных ботинках выделяется не столько разнообразием, сколько качеством и особенностями обработки. (Сейчас среди обувных производителей в качестве материала для верха ботинок очень популярна кожа. В профессиональных ботинках она обычно бывает структурирована и пропитана водоотталкивающим составом. Но и кожа может быть разной. Для изготовления гражданской обуви обычно используют внешний слой шкуры: он лучше всего выглядит. Но в режиме частого намокания и высыхания такая обувь покрывается микротрещинами и теряет свои свойства. Поэтому чаще используют нубук. Он имеет шероховатую поверхность и растрескивается гораздо меньше. И все же наилучшим вариантом для трекинга является спиллок (или выворотка), который получают из

внутреннего слоя шкуры. Этот материал гораздо прочнее, хотя и не так привлекателен внешне.

Подошва трекинговых боти-

нок изменяется не сильно. Для ее производства используют специальную износостойкую резину разных марок. В последнее время подошва становится все более рельефной и обрела выраженные

контуры за счет профилированной стопы и резинового «бампера» на носке, ставших ее неотъемлемой частью. Самой известной фирмой-производителем подошв является фирма Vibram, однако существует очень большое количество других фирменных подошв, не уступающих по качеству Vibram. Важными характеристиками подошвы являются ее возможности сжиматься,

гнуть и поддерживать ногу, а также хорошее или плохое сцепление.

Одним из основных критериев походной обуви является ее водонепроницаемость. Остановимся подробнее на понятиях водостойкости, водонепроницаемости и водоотталкиваемости. Водоотталкиваемые свойства обувь приобретает за счет нанесения специального реппелента на внешний слой верха. Наружный слой может быть на 100% водоотталкиваемым, но если он протрется или ботинок разносится, вода непременно попадет внутрь.

Водостойкость обуви обычно означает, что не только материалы верха отталкивают воду, но и

вся модель, все швы обработаны специальным образом для предотвращения попадания воды.

Водонепроницаемость, а еще лучше – гарантированная водонепроницаемость, являются наивысшим промышленным стандартом качества. Такой ботинок при нормальных условиях не пропускает воду даже после длительной эксплуатации.

Выбирая ботинки, обратите внимание на следующее.

– Язычок ботинок должен составлять с верхом одно целое, это делает их непромокаемыми, пригодными для перехода через мелкие ручьи и по росистой траве.

– Шнурки должны продеваться не через дырки, а в петли, пришитые сверху.

– Внутри ботинка не должно быть швов, которые прощупываются руками.

– Лодыжки должны быть защищены мягкими накладками.

– Мысок – усилен металлической прокладкой.

Несколько советов по подбору походной обуви.

– Мерять необходимо на тонкий шерстяной носок.

– Шнуровать сильно не стоит.

– Наденьте оба ботинка, попробуйте в них немного походить, пятка не должна отрываться подошвы. Никаких сдавливаний быть не должно.

– Проследите, чтобы фаланги пальцев чувствовали себя свободно.

– Лучше взять ботинки немного больше чем нужно, чем наоборот.

Удачных покупок и комфортных приключений вам!

Наталья БЕРДЮГИНА,
фото автора

Путешествие в каменный век

Дети в походе

Кто в детстве не мечтал о путешествиях, приключениях, таинственных кладях и сокровищах? Мальчишкам и девчонкам из Верхнепышминского детского дома-школы посчастливилось этим летом отправиться в далекое путешествие и соприкоснуться с тайной, над которой еще долгое время будут ломать головы ученые-историки.

Вместе с туристической компанией "Команда Искателей Приключений" ребята приняли участие в самой настоящей археологической экспедиции, которую проводили на озере Нижнем, под Североуральском, НПЦ по охране памятников культуры Свердловской области и Институт Истории и археологии УрО РАН. Это уже не первое совместное путешествие. В этот раз жили ребята в детском палаточном лагере на берегу озера вместе со школь-

никами из Серова и поселка Черемухово. Работы хватало всем. Ребята трудились на отвалах и на раскопе, и в лагере помогали.

Находки свидетельствуют о том, что, начиная с мезолита до раннего средневековья, люди населяли берег Нижнего озера. Они научились делать каменные орудия, затем – плавить металл и лепить из глины посуду, украшая ее затейливым рисунком. Жили они сначала в землянках, а затем в полужемлянках. И климат в тех местах был гораздо теплее, чем в наше время.

Все это смогли увидеть ребята, помогая ученым-археологам слой

за слоем расчищать древнее поселение. Мы совсем немного опоздали, и самую интересную находку, ставшую символом этой экспедиции, нашли без нас. Это отлитая из металла фигурка лося. Но юным археологам по-

Фигурка лося, отлитая из металла

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

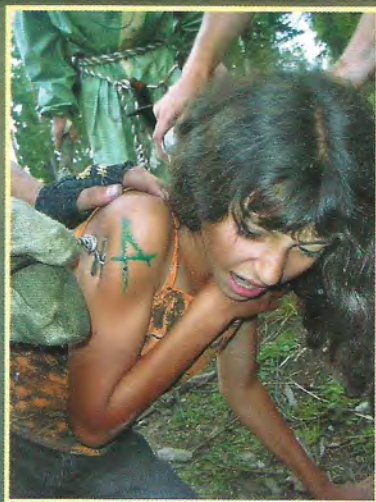

посвященными посвящаемым, получили все! А еще был поход в Усольцевскую пещеру (на сегодняшний день самая древняя из известных на Урале, в которой жили люди), и песни у костра, и купание в озере, и походы за настоящими кедровыми шишками. А еще – вышка в селе Всеволодо-Благодатском, с которой видны старик Денежкин камень, вековая кедровая тайга и синие озера.

Время пролетело незаметно. Уезжать не хотелось. Если получится, обязательно возьмем ребят еще и еще в свои путешествия. И спасибо ребятам, которые не испугались трудностей и с честью выдержали все невзгоды экспедиционной жизни!

счастливилось откопать крупные осколки керамики, каменные отщепы, нуклеусы. Только представьте себе, что может чувствовать ребенок, самостоятельно нашедший каменное орудие труда, пролежавшее в земле не одну тысячу лет!

Но не только работа на раскопе под жарким летним солнцем ждала наших путешественников. Праздник посвящения в археологи запомнится им надолго. Суровые испытания выдержали все. Клеймо археолога и ритуальный напиток, рецепт которого передается из поколения в поколение

Хроники Сылвы

Владимир Кириллович Турбасов, ветеран труда и армии, вложил много сил в изучение истории родного села и судеб своих земляков. Его очерки содержат ценную краеведческую информацию и являются своеобразной летописью поселка.

В частности, автору удалось составить родословную семьи Быковых – Клевакиных, издавна проживающей в этом селе.

Наш журнал публикует лишь небольшой фрагмент «Хроник Сылвы».

Село Сылва Шалинского района Свердловской области расположено в центре Уральских гор и имеет богатую историю. До XVIII века по реке Сылве и ее притокам жили вогулы, что подтверждается названиями нескольких деревень. Само название реки – «сыл-ва» – на языке коми-пермяков означает «тихая вода», ведь по сравнению с другими уральскими

реками течение Сылвы действительно тихое.

Леса, богатые пушным и хищным зверем, реки, полные рыбой, обилие полезных ископаемых – все это издавна привлекало людей в эти края.

Сылвинский завод, давший начало селу Сылва, строился в 1732–1739 годах. Место для завода было выбрано у слияния рек Сылвы и Сарги, богатое

лесом и рудой. Первой была возведена плотина в верховьях Сарги, что позволило накапливать воду в сылвинском пруду. В наши дни по плотине проходит асфальтированная дорога из Шали до Первоуральска и Екатеринбурга.

По обеим сторонам пруда и руслу реки Сылвы строилось жилье для поселенцев. Здесь оказались тысячи крепостных

крестьян со всех регионов страны. Поэтому в Сылве и проживают люди с самыми разными фамилиями и прозвищами.

Основное производство Сылвинского завода было листопрокатное. Во время войны с Наполеоном здесь отливались пушечные ядра, сабли, ружья. Сылвинское «глянцевое» железо обладало высоким качеством – бывало, что толщина листа равнялась толщине папиросной бумаги. Железо вывозилось за границу, а в 1897 году на выставке в Париже оно получило высокую оценку, за что заводу была выплачена премия.

Сылвинский завод в середине XVIII века был передан графу П.И. Ягужинскому в «партикулярное содержание». С 1778 года заводом владел Савва Яковлев, а потом его потомки.

Во второй половине XIX века в селе, благодаря деятельности управляющего А.Семовского, были построены школа, больница, православная церковь и лютеранская кирха. В это же время жителей села стали призывать на службу в армию – до того времени они считались неблагонадежными.

Каждое воскресенье, особенно ого люда приезжала из Кунгура. На таких базарах можно было купить все, что пожелает душа и позволит кошелек. Предприимчивые торговцы были и в самой Сылве: Макаровы, Доровских, Бобковы, Верхотуровы и другие.

Работа в Сылвинском заводе остановилась в 1910 году. Прокатные станы и другое оборудование перевезли на Верхисетский и Ревдинский заводы, туда же перебрались многие мастера и квалифицированные рабочие. Около Сылвы началось строительство углевыжигательных печей, которые поставляли высококачественный древесный уголь для металлургии Урала.

Вскоре после закрытия завода началось строительство Западно-Уральской железной дороги, которая должна была пройти и через Сылву. Но богатые сылвинчане откупались от проектировщиков, и железная дорога прошла на десять километров западнее. Так образовался поселок Шаля с железнодорожной станцией.

В 1930 году в Сылве был создан колхоз «Красный партизан». В 1935 году с сылвинского храма были сброшены кресты и сняты колокола, чему автор был свидетелем. Внутри церкви устроили библиотеку и зрительный зал для показа кинофильмов. Первыми фильмами, которые увидели жители Сылвы, были «Чапаев» и «Огни большого города».

XX век многое изменил в Сылве. Первая мировая война, на которую ушли многие сылвинчане; военнопленные австрийцы, работавшие в селе; гражданская война, в которой участвовал и мой будущий отец, 18-летний Кирилл Турбасов, тогда командир группы конной разведки... Потом, в 1942 году, Кирилл Антонович Турбасов, командир батальона, умер от ран в военном госпитале под Сталинградом...

Автор очерка был призван в армию в ноябре 1949 года. Долгое время пришлось служить во многих военных городках, в разных уголках страны. Только через сорок лет удалось побывать в родной Сылве и поразиться произошедшим изменениям. Не стало колхозов, разворовано поголовье скота и сельхозтехника, заросли бурьяном поля. Нет уже многих деревень. Но остались плотина, пруд и православный храм в центре села. Их построили на века наши предки, мужеству и стойкости которых хочется поклониться.

Андрей ЛЕОНОВ
Сергей БАННЫХ

УРАЛЬСКИЙ «ЦАРЬ-КАМЕНЬ»

Сохранившиеся следы древних культур в различных регионах мира убедительно свидетельствуют о глубокой взаимосвязи и внутреннем родстве различных больших и малых очагов цивилизации. Не является исключением и древняя история Урала. В памятниках старины и легендах уральского края можно выявить элементы культов, свойственные великим цивилизациям Древнего мира.

В этом плане особый интерес представляют окрестности озера Шарташ — одного из наиболее примечательных мест Екатеринбургa: «Визитной карточкой» этого лесопар-

ка являются так называемые Каменные палатки — три высоких каменных пика, как бы выложенные из массивных глыб. Хотя «палатки» относят к уникальным природным образованиям (скальным обнажениям), по стилю они похожи на древнейшие циклопические постройки в Египте, на Мальте или в Латинской Америке. Быть может, «палатки» действительно выложены древними людьми из плит, подобно пирамидам в Древнем Египте, или высечены из скалы, как египетский Сфинкс. На наш взгляд, есть все основания считать шарташские Каменные палатки реликтом древней культуры, сакральным центром архаичного Урала.

Продолжение. Начало в № 3, 4, 6-8, 2005

Само слово «палатки» не является туристическим жаргоном, а связано со словом палаты, которое, в свою очередь, является родственным греческому слову *Palaios* («древний») и латинскому *palatium* («дворец»). То есть «палатки» уже по названию определяются как древние сооружения важного назначения. Кроме того, в итальянском языке есть слово *Palafitta*, означающее «свайные постройки» или «постройки на воде». Это определение также подходит к шарташским «палаткам», поскольку они являются озерным сооружением. Соответственно с этим мы относим их к древнейшим сакральным монументам – Осиреоном.

В предыдущей статье [см. УС, № 8, 2005 г.] было рассказано о легендарном египетском боге Асаре (Осирисе) и связанных с ним эзотерических культах и мистериях. В качестве авторской гипотезы предполагается, что бог-царь Асар являлся первым «императором», принесшим на обитаемые земли взамен варварства и дикости основы цивилизации и разделившим весь Древний мир на «административные округа». Это согласуется с текстами многих священных и других книг, в которых говорится о «маркировке земной поверхности». В качестве священных сооружений в «административных центрах» этой «империи» возводили Осиреоны, представляющие собой холмы- курганы, расположенные на островах. По своему смыслу они символизировали древнейшую сакральную традицию «спасения из вод потопа» [см. УС, № 7, 2005 г.]. Эти священные монументы являлись первыми религиозно-духовными сооружениями, предназначенными для проведения мистерий и празднеств в честь богов, наподобие более поздних храмов, церквей, соборов и других культовых сооружений. Наличие Осиреона закрепляло за местностью статус «омфала» («пупа земли»), то есть своеобразной «столицы» государства или племенного союза.

Следы древних Осиреонов можно обнаружить по всему миру, что характеризует всеобщность культа Асара (Осириса) и масштаб его «империи». Это и древнеегипетские Осиреоны (в Абидосе, Гизе, Гелиополе, Саисе) и месопотамские зиккураты, окруженные храмовыми водоемами, и монументы на островах озер (Тана, Титикака, Ван и другие). Для нашего рассмотрения из этого перечня особо интересен знаменитый комплекс пирамид на плато Гизе, который также можно считать Осиреоном. Известно, что в древности

русло Нила находилось гораздо ближе к пирамидам, чем сейчас. Поэтому вполне возможно, что вокруг пирамид существовало священное озеро, подпитываемое водами Нила, которое превращало плато Гизе в остров, как это и описано в древнем египетском документе «Тексты Строителей Эдфу». Таким образом, изначально пирамидный комплекс на плато Гизе являлся Осиреоном.

Мы считаем, что по своему сакральному смыслу шарташский монумент «Каменные Палатки» также представляет собой классический Осиреон и стоит в одном ряду с древнеегипетскими пирамидами. В этом можно убедиться при сопоставлении «палаток» с описанным египетским комплексом пирамид на плато Гизе. Делая поправку на масштаб, можно выявить очевидное сходство уральского и египетского «пирамидных» комплексов и по композиции, и по сакральной символике.

Как и комплекс пирамид в Гизе, «палатки» состоят из трех каменных пиков. В древние времена они, как и положено классическому Осиреону, находились на острове, окруженном водами озера Шарташ, которое имело гораздо большие размеры. К востоку от «палаток» лежит и свой «сфинкс» – ровная горизонтальная плита весом несколько десятков тонн. Так же, как водоем вокруг пирамид по особому каналу соединялся в древности с Нилом, так и озеро Шарташ по протоке в юго-западной части озера соединялось ранее с рекой Исетью, аналогом египетского Нила. При этом необходимо отметить, что в архаичные времена Нил олицетворялся с богиней Исидой, супругой бога Осириса. Точно так же и уральская река Исеть, на наш взгляд, олицетворялась с богиней Исидой, поскольку в оригинале на древнеегипетском языке имя богини Исиды звучит как Исет.

Что касается озера Шарташ, то это название пе-

Египетские пирамиды, окруженные в древности священным озером.
На фото слева: Каменные палатки, Шарташ

Богиня Исида (Исет) в головном уборе, напоминающем три пика «палаток»

ренесено на озеро позже. Первоначально так назывался сам монумент «Каменные палатки», поскольку корень «таш» означает камень. Первая же часть названия – «шар», или иначе «сар», происходит от имени египетского бога-царя Асара, и соответственно во многих древних языках означает «главный» или «правитель». В русском языке от корня «сар» происходит слово «царь». Поэтому название комплекса Шарташ мы озвучили как «Сарташ», или в переводе – «Царь-камень». Также можно отметить, что и слово озеро созвучно со словом Осирин и, вполне возможно, восходит к этому понятию.

Еще одной отличительной чертой многих Осиринов является наличие каменного ограждения вокруг водоема. Об этом, например, сообщает Геродот, описывая мистерии в древнеегипетском Сакисе (цит. по книге «Геродот. История в девяти книгах», Л., 1972): «Позади святилища... в ограде стоят большие обелиски, и вблизи находится озеро, окруженное каменной стеной в форме круга... На этом озере по ночам они [почитатели культа] воспроизводят события жизни этой личности; египтяне называют это Мистериями». Вокруг озера Шарташ также имеются остатки древнего берегового вала, который подобно каменному барьеру опоясывал озеро. Высота сохранившегося фраг-

мента этого вала, сложенного из больших глыб, составляет 2 – 2,5 метра, а его ширина – около 10 метров.

Таким образом, монумент «Каменные палатки» на озере Шарташ является по своему сакральному смыслу древним культовым сооружением – Осиринионом. Он возведен в соответствии с архаическим культом бога-царя Асара (Осириса) и имеет наименование «Царь-камень». В древности этот монумент, как и его «собратья» в других регионах Земли, в рамках «империи» Асара имел статус омфала («пупа земли») – регионального религиозно-духовного центра, где проводились священные мистерии и отправлялись культы. Языческие культовые центры всегда находились на значительном отдалении от населенных мест, поскольку языческая религия, вызывавшая в душах древних людей священный трепет, носила замкнутый характер. В глубине Рифейских гор уральский «Царь-камень» являлся центром «Рифейского нома», объединявшего обитателей Зауралья и Приуралья. Это вполне соответствует довольно уникальному географическому положению озера Шарташ, которое находится практически в середине котловины между относительно высокими хребтами Среднего и Южного Урала. Это обстоятельство способствовало тесному взаимодействию таких больших суперэтносов, как индоевропейский и финно-угорский (возможно, и алтайский), развитие которых многие историки связывают с территорией Среднего и Южного Урала [см. УС, № 4, 2005 г.].

В течение тысячелетий шарташский «Царь-камень» хранит тайны ушедших веков. Например, известны легенды индейцев Америки об их древних учителях и наставниках Катчина, что в переводе означает «высшие и почтенные посвящен-

Реконструкция Озера Шарташ в древности

ные». По преданиям, эти Катчина вместе с предками индейцев жили в древние времена на другом континенте, в некоем таинственном месте под названием Палаткати. Как видно, это название очень созвучно со словом «палатки». Может быть, легенды индейцев под именем Катчина упоминают древних жрецов уральских «палаток»? С Уралом могут быть связаны и легендарные переселения народов. Так, например, распространенными изделиями древних уральских металлургов были медные фигурки хищных птиц с распахнутыми крыльями и круглые диски с солнечными лучами. Вполне очевидно, что эти изделия являются разновидностью знаменитой «эмблемы» всех древних империй – крылатого солнечного диска [см. УС, № 8, 2005 г.]. Но кому предназначались эти «имперские» птицы? Не здесь ли истоки великой Персидской империи (ветви индоевропейского этноса), покорившей в свое время Древний Восток под «эмблемой» крылатого солнца – Фаравахара? В таком случае и легендарный ирано-персидский пророк Заратуштра мог быть связан с уральским краем. На эту мысль, помимо всего прочего, наводит созвучие имени Заратуштры (перс. Зардешт) с наименованием Шарташ (Сарташ). В литературе встречается мнение, что в исторических хрониках фигурируют разные личности, носящие имя Заратуштры, которое является скорее родовым именем или жреческим титулом, чем личным именем. Почему бы не предположить, что этот титул носили жрецы «Сарташа» – «Царь-камня», которые позднее стали жрецами ираноязычных народов Древнего Востока.

Уже ближе к современной эпохе Шарташ также считался сакральным местом. Так, например, в XIX веке старинный поселок на Шарташе, основанный староверами, посетили с небольшим временным интервалом (в 1824 и в 1837 годах) два русских царя – Александр I и будущий царь Александр II. Интересен также и такой известный факт: Каменные палатки, отделенные от города болотом и лесом, являлись излюбленным местом сбора местных революционеров, многие из которых были далеко не чужды эзотерическим доктринам. Это место было для них настолько важным, что первый автобусный маршрут в 1924 году связывал центр города именно с Шарташом.

Таким образом, древнейшую историю уральского края никоим образом нельзя считать обособленной и «периферийной», а тем более примитивной. Она тесно вплетена в общеисторический процесс развития цивилизации. А в отдельных моментах, как мы попытались показать в этой статье, история Урала является необходимым звеном для более полного понимания исторической «панорамы» как Древнего мира, так и последующего развития цивилизации.

АРИСТОВА В.

Сотр. "Семейных вечеров" (1884). Масанов.

АРИШИНА Клавдия Андреевна

"Александр Невский" Казань, 1911. РНБ.

АРИЯН Прасковья Наумовна (урожд. Белинская; 1865 -), издательница.

Из евр. купеч. семьи. Училась на Высших женских курсах, сдала экз. на звание домашней учительницы. Раб. в яслях «Дет. помощь», учрежд. Н.В. Стасовой, в школе для рабочих. Была знакома с Софьей Перовской, Гесей Гельфман, В.В. Стасовым. Сост. "Первый женский календарь" (1899?) - Рец.: "Женское дело", 1900, № 1, с. 99; "Заветы", 1913, № 6, с. 242.

Венгеров. Автобиографии.; Масанов.

АРКАДИНА (Аркадьина ?) Нина

(См. Фефелова, Анна Константиновна)

АРКУНИНА А.В., авт. воспоминаний.

Одна из авторов подборки "Из воспоминаний пансионеров Убежища" (О М.Г. Савиной) - "Изв. Совета имп. Рус. театр. об-ва", 1915, № 17\18, с. 6-7. ИДРДВ, т.3, ч.3, № 6753.

АРМАНД Инесса (Елизавета) Федоровна (урожд. Стеффен; псевд.: Блонина, Елена; Олофина, Елена; 1875(4) - 1920), публицист.

Парт. работница. Препод. парт. школы в Лонжюмо (1911). "Почему я стала защитницей Советской власти?" Р.-н.-Д, 1920; Статьи в "Работнице", 1914 (?) № 3,4; в сб. "Памяти Карла Маркса", вып. 1. М., 1918; "Очередные задачи по работе среди женщин". - В сб. "Коммунистическая партия и организация работниц". М., 1919.

Масанов; Подлещук П.И. "Товарищ Инесса".

АРМАНД Лидия Мариановна (урожд. Тумповская; — не ранее 1921), публицист.

Из семьи петерб. врача., сестра поэтессы М.М. Тумповской (см). Была членом партии соц.-рев. Писала по вопросам кооперации; в 1913-21 гг. выпустила свыше 20 брошюр и книг. О ней в восп. Б.Бабиной-Невской в сб. «Доднесь тяготееет». Вып.1. 1989. С.145-146.

«Минувшее». Вып.2. С.64.

АРНОЛЬД Евгения Юрьевна (в замуж. Курепина), издательница.

Жена фельетониста А.Д. Курепина. Заведовала конторой журнала «Будильник», была официальным его издателем-редактором (1883-1892).

Амфитеатров.

АРНОЛЬД Елизавета, поэтесса.

«Ночь» - стихи в «Дамском журнале» (1829. Ч. 25. № 1).

Слов. рус. писательниц.

АРНОЛЬД-ЖУКОВА В.А. (псевд. Вера Вертер; 1881 - 1963), поэтесса-переводчица.

Актриса. Пер. подборку стихов Анри де Ренья из цикла "Королевство Вод" ("Рус. Мысль", 1914, № 1). Ей посвящена кн. Б.Лившица "Волчье солнце". Упом.(Вера Вертер) в кн. "Сто одна поэтесса серебряного века". С.5.

(Продолжение на стр.35)

Забывшие тобольские поэты

Тобольск для Сибири, что Москва для России. Первый центр, с которого начала формироваться культура сибирского края. Но Тобольск известен и как место ссылки.

В конце XIX века в Тобольск была сослана семейная пара Костюриных. Мария Николаевна, в девичестве Емельянова (1863-1942), местная уроженка, окончила тобольскую Мариинскую женскую школу. Училась на Высших женских курсах в Санкт-Петербурге, но за революционную деятельность была сослана в Восточную Сибирь вместе с мужем. М. Костюрина была известна за пределами Тобольска как собирательница русского фольклора, народных песен сибиряков, а также как редактор-издатель газеты «Сибирский листок» (1900–1919). Ее супруг Виктор Федорович Костюрин (1853–1919) известный народоволец. Все свои силы в Сибири он отдал работе в газете и был фактически ее неофициальным редактором. Эта интеллигентная семья во многом способствовала развитию литературного процесса в сибирском городе. Особую поддержку находили здесь местные поэты, с которыми, по признанию поэта Васи-

лия Силина, много занимался Виктор Федорович.

За двадцать лет (1900–1919) на страницах «Сибирского листка» выступили более сотни поэтов – как из центральных районов России, так и из уральских и сибирских губерний.

Одним из первых был выпускник мужской гимназии Иван Иванович Северный (настоящая фамилия Почокас, родился в Тобольске, умер 29 мая 1906 года в Томске). После окончания гимназии Северный едет в Одессу, поступает в Новороссийский университет и одновременно сотрудничает в одной из газет. Казалось, что человек, покинувший Сибирь и устроившийся в южных краях, нашел свое счастье. Но сила притяжения малой родины породила у поэта ностальгию по родным местам. Она стала одной из основных тем творчества И. Северного:

*Смотрю ли я в морскую ширь,
Любуюсь ли природой юга, –
Я рвусь к тебе моя Сибирь,
К твоим тайгам, снегам и выюгам –
На берег желтый Иртыша.*

Наконец поэт возвращается в Тобольск и сотруд-

начает в газете «Сибирский листок» (1903). Однако молодому человеку становится тесно в родном городе, и он переезжает в Томск, служит помощником присяжного поверенного и сотрудничает в местной прессе. Жизнь И. Северного оборвалась внезапно: сердце не выдержало нагрузки. Накануне у его родителей в Тобольске сгорел дотла лесопильный завод, так, что не подлежал восстановлению. Может быть, эта семейная драма ускорила смерть.

Людмила Ивановна Славнина (псевдонимы: М. В.; Л. Персина) родилась 22 октября 1878 года в Тобольске, преподавала в тобольской женской гимназии и одновременно сотрудничала в газете «Сибирский листок» (1903, 1905, 1909–1911). Главной темой творчества поэтессы была сибирская природа и социальные проблемы, характерные для города ссыльных:

*Всюду плачи и отчаянья робкие крики,
Алтари для ничтожных богов,
Лжи, насилья победные клики
И бряцание тяжелых оков.*

По-видимому, служба в гимназии и семья отнимали много времени, творческие порывы были импульсивные, поэтому ее стихи появлялись только в одной газете.

Т. Н. Садовский сотрудничал в тобольской газете «Сибирский листок» (1911) и тюменской «Сибирской торговой газете» (1910–1912; 1914–1916). В тобольской типографии Епархиального братства в 1916 году вышла его небольшая книга «Стихотворения». Судя по подписям, которые автор ставил в конце стихотворений, корни его творчества были в Сибири. В 1916 году появилась пос-

ледняя публикация его стихов в сибирской периодике.

Василий Михайлович Силин родился в городе Туринске 26 декабря 1894 года в семье учителя, который в конце карьеры получил чин коллежского асессора. Окончил Тобольскую мужскую гимназию. Именно здесь, в Тобольске, начинающий поэт получил поддержку со стороны В. Костюрина. Первые стихи Силина появились в «Сибирском листке» в 1913 году, с этой газетой он не порывал связи до момента ее закрытия. Силин сотрудничал также в газетах «Ленские волны» (1914–1916), «Сибирский студент» (1913), «Утро Сибири», «Сибирской торговой газете» (1915). В Тобольске при поддержке В. Костюрина в 1916 году вышла его книга «Стихотворения».

После окончания гимназии В. Силин учился в Томском университете, в Иркутском военном училище. Гражданская война смяла жизнь и творческую судьбу поэта, его следы исчезают вместе с последней публикацией.

Нина Георгиевна Салмина родилась в пос. Березово в семье командира местной военной команды. Заниматься поэзией начала в Березове в некоем союзе «Орловцы», который ставил целью «стремление к образованию». В самый разгар гражданской войны Н. Салмина окончила тобольскую Мариинскую женскую школу-гимназию. Первые публикации юной поэтессы появились в газете «Сибирский листок» в 1916 г. В ней она сотрудничала до закрытия газеты.

Н. Салмина печаталась также в газетах «Сибирский стрелок» (1917, 1919), «Земля и воля» (1919), «Тобольский рабочий» (1917), «Тобольс-

кие епархиальные ведомости» (1919), в журнале «Уральский кооператор» (1918).

Казалось бы, творческий путь молодой поэтессы начался вполне благополучно. Но... в ее жизнь вторглась гражданская война. Воспитанная в духе русской литературы XIX века, Салмина не приняла смены власти в России. Она смело, с юношеской бесшабашностью защищала белое движение. Дружеские советы поэтов Василия Силина и Аркадия Филиппова вернуться к истокам своего творчества, т.е. к пейзажной лирике, Н. Салмина решительно отклонила:

*Не суди, загляни в мою душу большую,
Там дрожат переливы кровавые слез:
Слишком сильно и свято Россию люблю я,
Слишком резко оборвана нить юных грез.*

Василий Силин и Нина Салмина только-только заявили о себе, раскрыть их талантам в полную силу помешали обстоятельства, которые пережила наша страна. Судьба их неизвестна; их имена после 1919 года больше не появлялись в периодической печати Тобольска и других городов Урало-Сибирского региона.

Иван СЕВЕРНЫЙ

К Сибири

Смотрю ли я в морскую ширь,
Любуюсь ли природой юга, —
Я рвусь к тебе, моя Сибирь,
К твоим тайгам, снегам и выюгам —
На берег желтый Иртыша.
Природа юга хороша:
Прозрачен воздух, море чудно
И отражает небеса.
Листовою тонкой изумрудной
Под солнцем нежатся леса...
Пусть все прелестно здесь — нет нужды,
Пусть хороши — они мне чужды:
И этот лес, и моря ширь,
И воздух, полный аромата!
Невзрачна ты, моя Сибирь,
Твоя природа не богата
И не роскошна так, как юг...
Но я твой сын — и я твой друг!

«Сибирский листок», 1902, 12 января.

Людмила СЛАВНИНА

Осенний мотив

Смыты последние краски,
Сорваны дерзко цветы,
Тенью безжизненной сказки
Вешние тают мечты.
Прячется в саван тумана
Грудь обнаженной земли —
На сердце чары обмана

Траурной лентой легли...
Грозные тучи ненастья
Гасят желаний огни,
Гасят лучистое счастье —
Веру в грядущие дни.

«Сибирский листок», 1905, 4 августа.

Василий СИЛИН

Тобольск

Вечерней тихою порой,
Когда сребристою луной
Тобольск, заснувши, озарится,
Когда далеко под горой
Иртыш шумливою волной
Под лунным светом серебрится, —
Тогда тропинкою крутой
Иду к кремлю. И мой покой
Ничто вокруг не нарушает...
Сижу под башней вековой,
И ночь далекою мечтой
Мой ум усталый усыпляет.
И с новой силой предо мной
Встают видения толпой
И песню счастья навевают.
Весь город скован тишиной.
Давно все спят... И лишь порой
Далеко где-то за рекой
Огни дрожащие сверкают.

«Сибирский листок», 1913, июль.

Нина САЛМИНА

Чайка

Широка река сибирская,
Обь — кормилица людей.
Ходят волны богатырские
В бурю грозную по ней.
Страшны, страшны бури грозные,
С шумом катится волна,
А над ней лишь чайка носится,
Томной грустию полна.
Ах ты, чайка белокрылая,
Ты красавица морей,
Ты снеси привет сердечный мой
Оби — матушке моей!
— Не слетать мне в бурю грозную,
Не снести привета мне.
Середины Оби-матушки
Не видала я во сне!
Краса-чайка в бурю носится
Над кормилицей-рекой,
С ней мечта моя уносится
И поклон реке родной.

«Сибирский листок», 1916, 27 ноября.

Светлана и Евгений ЗАХАРОВЫ

Пишут юмористическую фантастику, детскую фэнтези, а также мистику, ужасы, триллеры, детективы. Рассказы и другие произведения публиковались в журналах «Ракетный корабль «Гагарин», «НФ гетто», «Порог», «Техника-молодежи», в центральных и краснодарских краевых газетах. В феврале 2004 года приняли участие в мастер-классе А. Громова, проходящем в рамках «Роскона-2004», попав в тройку финалистов.

Седьмой зном

Когда высокий, стройный и красивый корреспондент «Центральных Вестей» Святослав Захаров уже почти подошел к извозчику, который должен был отвезти его в нужную ему точку на Колесе, его догнала высокая, стройная, некрасивая девочка с сумкой и, положив ему руку на плечо, сказала:

– Папа.
– Нет, – простонал Захаров, оборачиваясь.
– Да, – кивнула девочка.
– Не надо!
– Надо. Каникулы.
– Какие каникулы, у вас курс рукоделия до конца месяца!

– Русского или центрального?

Захаров хлопнул себя ладонью по лбу и застыл в отчаянии.

– Это ты меня не предупредила, – сказал он наконец.

– Предупреждала.
– Я забыл! Ты должна была мне напомнить!
– Напоминала два раза. Последний раз я передала тебе по телепону сообщение и какую-то идиотскую модную песню.

– Я думал, это ты меня поздравила с днем рождения.

– Русским или центральным?

Все это время Слава, не сбавляя шага, почти бежал по коридору станции. Но после этого заявления дочки он резко остановился, круто повернулся, оставил палец куда-то в сторону выхода в Центр и сказал:

– Все, ты мне надоела. Проводила? Иди домой.

– Ты квартиру сдал, – ядовито напомнила отцу девочка. – До конца месяца. Центрального. А я закончила учебу как положено, по русскому времени. Приезжаю домой. И что? Дома даже дверь не открывается, а из окна высовывается чей-то чужой ребенок и посылает меня куда подальше. Телепону в газету. Спрашиваю: где мой любящий отец? А отец, отвечают мне, уехал в командировку. Давно? Нет, только что. Бегу. Догоняю. Ну и?

– Что – ну и? – не понял Слава, уже держась за ручку двери нужной кабины. – Езжай к бабушке с дедушкой.

– Ты давно с ними общался?

К чести Славы сказать, он слегка покраснел. И ничего не ответил.

– Так вот, – вздохнув, просветила его дочь. – Их тоже нет дома, и уже давно. Дедушка поднимает целину фантастической литературы одного из миров четвертого порядка тринадцатого сектора. В том мире с труднопроизносимым названием все

фантастические выдумки земной литературы прошлого – суровая реальность. Все эти непонятные космические агрегаты, нуль-транспортировки и прочее. Так что, чтобы не дать аборигенам загнуться от рутины, дедушка ваяет романы о буднях хлеборобов. Расходятся, как горячие пирожки. Тамошнее правительство премию имени него учредило, которую ему же регулярно и вручает.

– А бабушка?

– Насколько я знаю, она сейчас тоже где-то в провинции. Руководит культурным досугом детей Правителя одного из Шаров-Близнецов.

– Интересно, а как дедушка к этому отнесся?

– Привык. Тем более, что у них уже, по-моему, телепатическая связь выработалась, никакого телепона не надо.

– Ясно, – мрачно сказал журналист. – Ты намекаешь, что деваться тебе некуда. И чтобы я взял тебя с собой.

– Я не намекаю, а ясно говорю. Кстати, ты куда?

– Поехали, по пути расскажу.

Слава повернул ручку двери. Та открылась. В проеме двери возник наклонный красноватый экран со светящимся изображением Колеса вверх и контура человеческой ладони вниз. Голос диспетчера из динамика над дверью произнес:

– Здравствуйте. Вы находитесь на Ямской станции Четвертого сектора.

Рисунок на экране изменился. Теперь он изображал Четвертый сектор Колеса и входящие в него планеты ближайших нескольких порядков. Голос диспетчера продолжил:

– Нажмите на точку, обозначающую нужную вам планету.

Слава дважды нажал на крайнюю слева планету. Рисунок еще больше раздробился. Теперь экран был уже полностью, весь занят светящимися точками, изображающими планеты и целые системы. Слава долго высматривал, шевеля губами, и наконец нажал трижды на одну из точек.

– Ясно, – загробным голосом прокомментировала его действия дочь, – Едем освещать конференцию шестиногих кролиководов, или того хуже.

– Программа на планету Рудники задана, – сообщил диспетчер.

– Папа! – в притворном ужасе возопила девочка. – Неужели тебя наконец сослали за умопомрачительную статью, разоблачающую козни Центрального Правительства?!

Слава только недовольно на нее покосился. Вступать в перепалку во время настройки он побоялся: собьешься – и начинай все сначала.

– Сообщите количество путешествующих, – вновь раздался голос диспетчера из динамика.

– Двое, – сказал Слава.

– Сообщите по очереди ваши имена, вид, прапланеты, последнее место жительства и приложите правую ладонь к отпечатку.

– Святослав Захаров. Человек. Россия. Центр.

– Эрццутщ Захарова. Человек. Россия, Секста-

гон. Россия.

– Счастливого пути.

Экран свернулся и исчез. Захаровы вошли в кабину, и дверь за ними со свистом закрылась.

Кабина извозчика представляла собой обычную комнату со старомодной обстановкой и даже пневмопаласом на полу.

– Никогда не понимал, как ты можешь выговорить собственное имя? – заметил Слава, снимая шляпу и пиджак и плюхаясь на диван.

– Бестактный вопрос, – мрачно ответила девочка, располагаясь в кресле. – Меня интересует другое – кто из вас придумал называть меня Люлей, пользуясь моим младенчеством и неспособностью протестовать?

– Я же тысячу раз рассказывал. Сначала мы никак тебя не звали. Потом однажды, когда ты уже слегка могла бормотать, бабушка пошла укладывать спать. Через пару часов мы хватились, пошли в спальню – никого. Заглянули в твою гипнокабину – а вы там с бабушкой лежите, обнявшись; бабушка уже спит, а ты ее убаюкиваешь: «Люли-люли-люли...». Так и привыкли звать тебя Люлей.

– Но сейчас, когда мне двенадцать лет... я требую, чтобы меня при посторонних так не называли! – отчеканила Люля. – Мне нравится имя Леонора. Через год, когда получу паспорт, впишу его первым именем. Так что только попробуй назвать меня Люлей при ком-нибудь!

Она подумала и сказала:

– Хотя тебя предупреждать о чем-либо бесполезно, я уже убедилась.

– Сама виновата, – с удовольствием проговорил отец, – сама напросилась.

– Ладно, бывают имена и похуже Люли, – смирилась девочка. – Когда я в прошлом году ездила на сборы вязальщиц крючком, там была одна девочка с Гаммы-Гаммы, так ее дома называют Псевдоподиком. А есть и вообще имена, звучащие как старинные русские неприличные ругательства.

– А где это ты слышала старинные русские неприличные ругательства? – заинтересовался Слава.

– Папа, – мягко ответила Люля. – А дома? Это не вы случайно с дядей Карлом в соседней комнате в электрические шахматы ежевечерне играете?

Слава смущенно хмыкнул. Игра в шахматы ему и так никогда не давалась, а тут еще... когда за каждый неправильный пространственный ход бьют током...

– Ну так куда мы едем? – прервал его размышления голос дочери.

– Ты же слышала – на Рудники.

– Там открыли месторождение какого-нибудь редкого металла? Представляешь, вот бы было здорово, если бы ты это шикарно описал, и аборигены в благодарность назвали бы находку святославитом! Или захаровидием!

– А я бы попросил, – включился в игру Слава, – назвать его в честь моей любимой дочери – эрццутшчем!

– Вот, – подняла палец Люля, – когда надо какую-нибудь гадость сказать – всегда выговорим все, что захотим.

– Не металл, – со вздохом признал отец. – Не открытие и не сенсация, к сожалению. Обычная заметка на десять строк в колонку «Сегодня на Колесе».

– Ну, и что у нас сегодня на Колесе?

– Ежегодный марш гномов.

– Что?!!

– Марш гномов.

– Кого?

– Гномов. Ты плохо слышишь?

– Слышу я хорошо, я понимаю плохо.

– А что тут понимать? На планете Рудники, как мне рассказал наш главный редактор старина Карл Даблю Джаз-старший, осталось всего семь коренных жителей-рудодокопов, которых остальные обитатели Колеса, по аналогии с персонажами многочисленных легенд, окрестило гномами. Они такие, с...

– Папа, я знаю, кто такие гномы и как они выглядят. Ты земную сказку о Белоснежке и семи гномах читал в детстве?

– А кто ее написал? Толстой?

– Пушкин, блин!!!

– Не ругайся. У Пушкина разве не про семь богатырей было?

– Папа!!! Про гномов братья Гримм написали. Они были немцы.

– Ты же знаешь, я инопланетную литературу не очень...

– Иностранную, папа. Они жили в девятнадцатом веке еще на Земле.

– У-у-у... Я в такие дебри не залезаю.

– И зря. Иначе был бы уже сам каким-нибудь редактором, а не мальчиком на побегушках в газете отца твоего школьного товарища.

– З-Р-Щ-У-Т-Ш-Ч!!!

– Все, уже заткнулась.

– Я спать буду. Разбудишь, когда приедем.

– Спи. Я пока почитаю.

Люля вздохнула, достала из сумки ноутбук, связалась по кабинному телепону с Вилнетом и принялась за дело.

...Оказавшись в пункте назначения, корреспондент Захаров сразу понял, что желающих попасть на захудалый ежегодный марш гномов несколько больше, чем он ожидал. Если честно, то он вообще ждал, что пойдет маршем за гномами и будет восьмым в их стройном ряду.

– ... Почему же ты не спрашиваешь, как всякая примерная девочка, у своего старика отца: «Папа, а почему здесь так много народу?» Или что-нибудь в этом роде, – пропыхтел Захаров, с трудом протискиваясь сквозь толпу.

– Я знала, что на Рудниках будет давка, – коротко ответила Люля, как катерок за ледоколом, продвигаясь за отцом к выходу со станции.

– Ой-ой, можно подумать! Ты и про Рудники-то ничего не знала!

– Теперь знаю. Я про них читала, пока ты спал.

– Ну, и чего интересного вычитала?

– А того, – назидательно сказала Люля, когда они выбрались с рудничной ямской станции и продолжили протискивание сквозь народные массы, текущие рекой по подземному коридору. – Поверхность планеты безжизненна, поэтому на Рудниках вся общественная жизнь ведется под землей.

– Это я уже заметил, – с сарказмом отозвался отец, буквально выдергивая ее за руку из какого-то на редкость тестообразного прроттубберранца, который как раз растекся по проходу и в который Люля умудрилась влипнуть. – Ты какой-нибудь путеводитель читала? Где тут гостиница? И пункт аккредитации прррессы?

– А зачем тебе гостиница? – спросила Люля, с омерзением обирая с себя клочья прроттубберранца, – Давай сразу на пункт. Мы же не на экскурсию по пещерам приехали. На марш ходим – и домой.

– Логично, – признал Слава. – Куда нам?

Девочка с минуту смотрела на него, потом сказала:

– Пропадешь без меня. Вперед!

И они лихо вывалились из толпы в какое-то ответвление шахты. В этом коридоре оказалось не в пример просторнее. В нескольких идущих рядом Слава сразу опознал коллег, и пошли приветствия

и похлопывания по плечам и их заменяющим частям тела.

На корпункте тоже оказалось людно. Слава захихнул Люлю в какой-то угол на скамейку (где она тут же достала ноутбук и уткнулась в него), а сам пристроился в хвост очереди за смутно знакомым карпакианцем в желтом прапунусе с капюшоном. Карпакианец оглянулся, откинул капюшон – и оказался Прраком, соучеником Захарова по Центральной технической школе, в которой они оба учились лет пятнадцать назад. Слава, конечно, не мог в этом поклясться, но у карпакианца, видимо, память оказалась лучше.

– Славка! – воскликнул он и попытался хлопнуть Захарова по плечу. Получилось плохо, ведь рук у карпакиан нет. А их тела – если это вас интересует – напоминают собой древний земной музыкальный инструмент под названием туба и представляют собой набор трубочек разной толщины, затейливо изгибающихся и переплетающихся между собой, который заканчивается раструбом наверху. Карпакиане по желанию могут вытягиваться в одну прямую длиной в парсек либо сминаться в крошечный комочек. Они всегда считались непревзойденными воинами, а их цивилизация в прошлом была весьма агрессивной. С основанием Колеса Карпак прекратил войны с соседями, и теперь его жители занимались тем, что моделировали и разыгрывали многочисленные битвы прошлого различных планет.

– Привет, Пррак, – отозвался Захаров, пожимая какую-то из трубочек. – Надеюсь, я тебя схватил не за причинное место. В вашей анатомии я никогда не разобрался.

– Зато я в вашей хорошо разбираюсь, – зловеще прогудел Пррак. – Помню, эдак в битве при Калке...

– Ладно, ладно. Приехал на гномов поглядеть? Вот уж не думал, что ты тоже журналист!

– Завотделом пехоты общевойскового журнала «За Даппр, кацурра и Карпак!». Приехал изучить тактические характеристики гномов – годятся ли для длительных марш-бросков, или только окопы рыть. А ты где нынче?

– «Центральные Вести».

– О-о-о! И кем?

– Его должность в газете в театре называется «кушать подано», – подала голос из угла Люля, не отрываясь от ноутбука.

– Кто это? – понизив голос, спросил Пррак, – Жена? Насколько я помню, ваши женщины несколько крупнее размерами.

– Я не женат, и никогда не был, – ответил Захаров, – Это – моя дочь Зрщутшч. Мы ее обычно зовем Лю.. Леонорой.

– С ума сойти! Запомнил с первого раза! – возрадовалась в углу Зрщутшч, новоявленная Леонора.

– У нас дети появляются в результате ответвления, – интимно понизив голос, сказал приятелю

Пррак. – Но у вас-то, насколько я помню, дела обстоят иначе. Участвовал я как-то лет пять назад в мятеже на Сенатской площади. А сержанта Кррд назначили моей женой, так мы потом в Сибири... Мда. Но у нас тогда никто, слава Даппр, не ответил-ся.

– Моя история проще и печальнее, – со вздохом ответил Слава. – Дело в том, что мать моей дочери – с Секстагона. Поэтому у девочки и имя такое странное – Зрщутшч.

– С Секстагона?! Но как...

– Пррак, твоя очередь регистрироваться. Ей-богу, потом расскажу.

...Как приятелям сообщила Люля по пути на место действия, марш гномов ежегодно проходит по одному и тому же маршруту. В старину, когда гномов было значительно больше семи и в шахтах Рудников активно велась добыча полезных ископаемых, в самой дальней и глубокой пещере пращуров нынешних обитателей планеты вырубил в скале статуи своих богов. И раз в год вереница гномов с драгоценными дарами и факелами в руках спускалась по коридору в эту пещеру и оставляла там свои подношения.

Шли годы, гномы вымирали, но никто так свято не следовал традиции, как они. Каждый год все меньшее количество гномов маршировало по проторенному пути. Тогда как туризм на Колесе, наоборот, процветал и развивался. И дура... гм, любознательных людей, желающих тряхнуть несколько дней на извозчике, чтобы только посмотреть на восход солнца в Пурримурре или ритуальное совокупление моллюсков Второва Присыва, становилось все больше и больше. Гномы сперва всячески сопротивлялись нашествию на Рудники туристов и вообще не хотели входить – и долго не входили – в Колесо. Но потом страсть к наживе победила – открывались новые рынки сбыта металлов, да и туристы за походы по пещерам платили хорошо. При этом, что ценно, к самим гномам никто не приставал, как будто их вовсе не было на планете, не просил отломить сталактитик или поддержать факел... И гномы вздохнули с облегчением.

Как оказалось – рано. С открытием их Колесу сразу же половину оставшихся гномов как ветром сдуло. Остальные поклялись, что нога их с поверхности планеты не ступит, иначе кара неминуемая и ненависть богов на веки вечные. Поэтому гномов так редко встретишь на Колесе, хуже только секстагонцы – те вообще из области легенд.

Организаторы туров на Рудники к делу приступили с размахом. Специально для желающих посмотреть на марш гномов, в скалах вдоль того самого коридора прорубили тоннель, отгородили его прозрачной перегородкой и пустили поезд с вагонетками. Одна из вагонеток целиком предназначалась прессе. Журналисты, кто как мог, в ней расположились. Люля шепотом пожаловалась, что ее нервирует репортер с планеты Райс, который для удобства обернулся летучей мышью и теперь

висел под потолком вагонетки прямо у девочки над головой, омерзительно цыкая зубом у нее над ухом. Слава не преминул злорадно напомнить, что ее никто с ним ехать не заставлял, и Люля обиженно умокла.

– Идут, идут! – крикнул кто-то из журналистской братии – кажется, француз, который все это время высматривал гномов в стекло дальнего обзора. Тут же все разговоры прекратились, и репортеры прильнули к бортам вагонетки, которая тронулась с места и медленно покатила по рельсу.

Сначала все увидели только далекие огоньки. Они становились все крупнее и крупнее, пока не превратились в пламя факелов. В их колеблющемся свете все лучше и лучше становилось видно приземистые фигуры гномов, которые и несли в руках эти самые факелы. Наконец первый гном поравнялся с вагонеткой прессы. Шел он быстро и не оглядываясь по сторонам, так что вскоре ее обогнал. За ним шел второй, за вторым – третий... Выглядели они, по мнению Люли, как на картинках в старых книгах и на снимках из Вилнета, но в то же время и по-другому. Похожий вид имел бы, подумала Люля, ее русский крестьянский прапрадедушка Ваня, уменьши его вдвое, одень в меховой жилет и кожаные штаны и заставь отрастить бороду, а также заткни ему за пояс кирку и сунь в одну руку факел, а в другую – ларец с дарами. Пожалуй, дедушка сломался и сбежал бы уже на кожаных штанах.

Чтобы никому не было обидно, что приходится все время обозревать профиль четвертого гнома или заплату на штанах последнего, в поезде были установлены стекла дальнего вида и круговые зеркала, а поезд то убыстрял, то замедлял ход.

– И что интересного? – спросил один из представителей прессы. – Идут себе и идут.

– Красиво же... – тихо сказала Люля.

Стены коридора, по которому шествовали гномы, были сделаны из причудливо вырубленных из декоративного камня плит и украшены драгоценностями. В свете факелов глазам поезжан и впрямь представала изумительная картина. Не все, правда, приняли это близко к сердцу.

– Красота! Сплясали бы они на ходу, что ли, – зевнув, сказал Слава Захаров.

В это время поезд остановился. Рельс, по которому он ехал, закончился, тогда как коридор, по которому шли гномы, свернул под прямым углом. Огни факелов стали удаляться.

– Это и все? – удивился кто-то. – А святилище?

– На то оно и святилище, – сказала Люля, – чтобы туда посторонних не пускали. Вон они уже и факелы погасили. Я про это читала.

– Зачем? – спросил Пррак.

– В честь Великой Тьмы, Породившей Гномов. Сейчас возложат все, что положено, опять зажгут факелы и вернутся. Давайте уже разворачиваться, сейчас назад поедем.

Журналистская братия заворочалась, перекидывая ноги и у кого что вместо них через сиденья и

меняясь местами. Люля, все это время не отрывавшая взгляда от гномьего коридора, подергала Славу за рукав и тревожно сказала:

– Па, гляди, что-то у них там не то.

Слава приник к стеклу – и правда: далекие огоньки двигались как-то беспорядочно, как будто гномы вместо того, чтобы идти чинно, друг за другом, беспорядочно метались из стороны в сторону. Потом огни стали быстро приближаться. По стенам металась отблески пламени. На мгновение показалось, что мелькнула какая-то тень, затем пробежал один гном, другой, третий... Потом они стали возвращаться, бегущие за ними что-то взволнованно спрашивали, размахивая руками... Наконец один из гномов остановился перед стеклянной стеной и, растерянно глядя прямо на туристов, стал шевелить губами.

– Пррак, как ты думаешь, что ему надо? – спросил Захаров.

Карпакианин прижался раструбом к стеклу. Оно было звуконепроницаемое, но возможности карпакиан почти безграничны, так что Пррак, видимо, что-то разобрал. Потому что он повернулся и сказал:

– Говорит, у них там убили кого-то.

...При всех своих многочисленных недостатках Слава Захаров был из тех людей, что не моргнув глазом берут на себя, образно говоря, управление гибнущим кораблем, даже не зная толком, где у этого корабля штурвал. При этом у него будет такой уверенный вид, что ни у кого из перепуганных пассажиров ни тени сомнения не возникнет – этот бывалый морской волк все сделает как надо, снимет судно с мели и поведет к светлому будущему.

Поэтому когда в поезде поднялся шум, половина туристов стала рваться посмотреть на труп, а половина, наоборот, захотела сбежать куда подальше. Кто первым поспел в оскверненный священный коридор?

Слава.

Кто огородил место преступления услужливо вытянувшимся Прраком?

Слава.

Кто согнал туристов в гостиницу и запретил ее покидать?

Опять он, наш бесстрашный репортер. Оснований на то у него никаких не было, но удостоверение одной из самых влиятельных столичных газет сделало свое дело, к тому же больше никто бразды правления в руки брать не желал. Старейшина гномов был в шоке и все порывался опять погнаться за убийцей, но Слава углубляясь в пещеры до приезда полиции запретил. К телу приближаться тоже – чтобы следы не затоптали. Поэтому гномы тихо сидели в углу и даже не разговаривали, настолько потрясла их смерть сородича.

Убитый гном лежал лицом вниз почти у самого входа в святилище. В спине его зияла рана, а ря-

дом валялось окровавленное орудие преступления – его же собственная кирка. Увидев кровь, сквозь заслон попытался прорваться одуревший корреспондент – летучая мышь с планеты Райс, но попал Прраку в раструб и был выплюнут на сверхдальнее расстояние.

Когда туристский поезд и священный коридор опустели, рядом с местом преступления, кроме гномов и Пррака, остался еще кое-кто. А именно – возле основного массива Прраковых трубочек стояла маленькая одинокая фигурка, комкая в руках мешок. Конечно, это была Люля. Она везде следовала за отцом, а тот, отдавшись на волю волн руководства, забыл ее в священном коридоре. Где она и осталась, чтобы не быть затоптанной бегущими туристами. Ожидая спасения, она даже несколько раз украдкой взглянула на тело. Выглядело все очень страшно, но она крепилась. В конце концов прибежал Слава и, ругаясь, утащил Люлю за собой на корпункт. Пррак уже вслед им крикнул, чтобы принесли чего-нибудь поесть-попить. Бывалому воину ничьими останками аппетита не отобьешь.

...Полиции на Рудниках не водилось. С гномами проблем не было никаких, а туристы защищались силовым полем. Спасатели были, целых два человека – пещеры все-таки, – да и те особо работой не загружены. Теперь оба перепуганных спасателя сидели на корпункте, как школьники, сложив руки на коленях, и смотрели в рот Захарову, который всецело отдался любимому занятию – распоряжаться и руководить. Репортеры же выстроились в очередь к телепону, чтобы поскорее сообщить о происшедшем в свои газеты.

– Комиссар Джаз придет к вечеру, – отойдя от телефона, сообщил Захаров. – Пока мы все сделали правильно. Туристов не выпускать, гномов арестовать, и тэ дэ, и тэ пэ. Все, умываю руки, и попить бы не мешало.

Они с Люлей пошли в гостиничный ресторан, но там оказалось полно народу. Тогда они взяли себе по бутерброду и попить и уселись на скамейке, вырубленной в скале, в парке сталагмитов, недалеко от гостиницы.

– Па, как ты думаешь, кто его убил? – сразу спросила Люля, как только они уселись. Слава с куском бутерброда за щекой укоризненно посмотрел на дочь.

– Ну, не за едой же, – пробубнил он и, прожевав, ответил: – Свои, ясное дело.

– А мотив?

– Господи, ну драгоценности не поделили, хранил кому-то на ухо, кирку у кого-то отнял – мало может быть причин?

– Ты сам в это веришь?

– Нет.

– Вот, даже ты не веришь. А я – тем более. За всю историю гномов у них не было НИ ОДНОГО убийства, они, кроме работы, ничего не понимают, поэтому так растерялись. И потом – мы же видели, как убийца удирал по коридору. Тень, по-

мнишь? Все подтвердят.

– Ну, и кто бы это мог быть? Туристы и мы были за стеклом, спасатели, ямщики и организаторы тура завтракали в ресторане. Приедет дядя Карл – и разберется. Свое дело я сделал, в газету сообщил, вернусь – забабахая статью...

Некоторое время ели молча. Доев, так же молча сидели еще некоторое время. Потом Люля сказала:

– Пап, у меня есть два вопроса. Можно я пойду, выясню кое-что?

– Одной нельзя, – ответил Слава. – Может быть, ты права, и тут где-то бродит злобный убийца гномов. Я тебя провожу.

Сперва Люля отправилась в ресторан. Там она подошла к провозжато туристской группы, который сидел на бегемотьего вида чемодане и мрачно пил пиво, и что-то спросила. Получив ответ, она кивнула и отошла. Потом они с отцом вернулись на корпункт, и Люля пристала к одному из спасателей. Слава хотел послушать, о чем они говорят, но его окружили коллеги и принялись помогать подробностей, которые и так все знали. Досадливо отвечая на вопросы, Слава успел краем глаза заметить, что к беседе дочки со спасателем присоединился вампир с планеты Райс. Слава плюнул на все и стал проталкиваться к девочке, но та уже шла ему навстречу. Лицо у нее было взволнованное.

– Пап, запроси по телепону компьютер их грузового извозчика.

– А ты через свой ноутбук связаться не можешь?

– Так телефон-то занят! Вон еще очередь стоит!

– Ну, подождешь.

– Пап, это очень срочно! Пожалуйста!

– Что у тебя за идеи бредовые?

– Пап, только все начало складываться! Если и впрямь бредовые – я ж себя сама загрызу и засовещу, ты же знаешь. И наказывать не придется.

Слава вздохнул, сделал начальственное лицо и подошел к телефону. Очередь хором взвыла. Слава, стойко выдержав упреки коллег, связался с компьютером.

– Что узнать? – крикнул он дочери, которая тянула шею, выглядывая из-за плеча высокого телемоканина.

– Запроси – не получал ли гном... – Люля достала бумажку и по ней зачитала имя гнома, состоящее почти сплошь из кашля и рычания, – недавно груз, а если получал – то с какой планеты!

Слава некоторое время слушал, потом кивнул и крикнул:

– Получал! С Формалиана. А что?

Люля пискнула и молниеносно выдернула из сумки ноутбук.

– Папочка! – взмолилась она. – Не отходи от аппарата еще пять минут, я посмотрю, что это за планета!

– Скорее, – попросил Захаров, – не то меня убьют коллеги.

После нескольких минут лихорадочной работы

Люля захлопнула ноутбук, сунула его обратно в сумку и крикнула:

– Папа! Пойдем скорее!

– Куда? – покладисто спросил отец, торопясь за дочерью.

– На место преступления!

– Эй, да ты что? Туда нельзя!

– У тебя там друг висит, растянутый в пятьдесят раз, а ты говоришь нельзя!

– Точно! – охнул Захаров. – Надо ему чего-нибудь отнести! Что же они едят?

– Папа, потом!

– Зачем такая спешка?

Люля остановилась и повернулась к отцу.

– Папа, – сказала она, – я знаю, зачем убили и кто убийца. Осталось только окончательно убедиться, а потом поймать его. Затем и спешим.

...В священном коридоре уже было светло – спасатели принесли прожектор и установили его у входа. Гномы не протестовали, сидя в углу, а только подслеповато моргали глазами. Пррак находился

– Пап, но это очень важно!

– Глупости! Вообразила себя сыщиком, а меня толкаешь на должностное преступление!

– Где там что нужно искать? – подал голос Пррак. – Давайте я найду, мне ковыряться, в принципе, нечем.

– На левом колене!

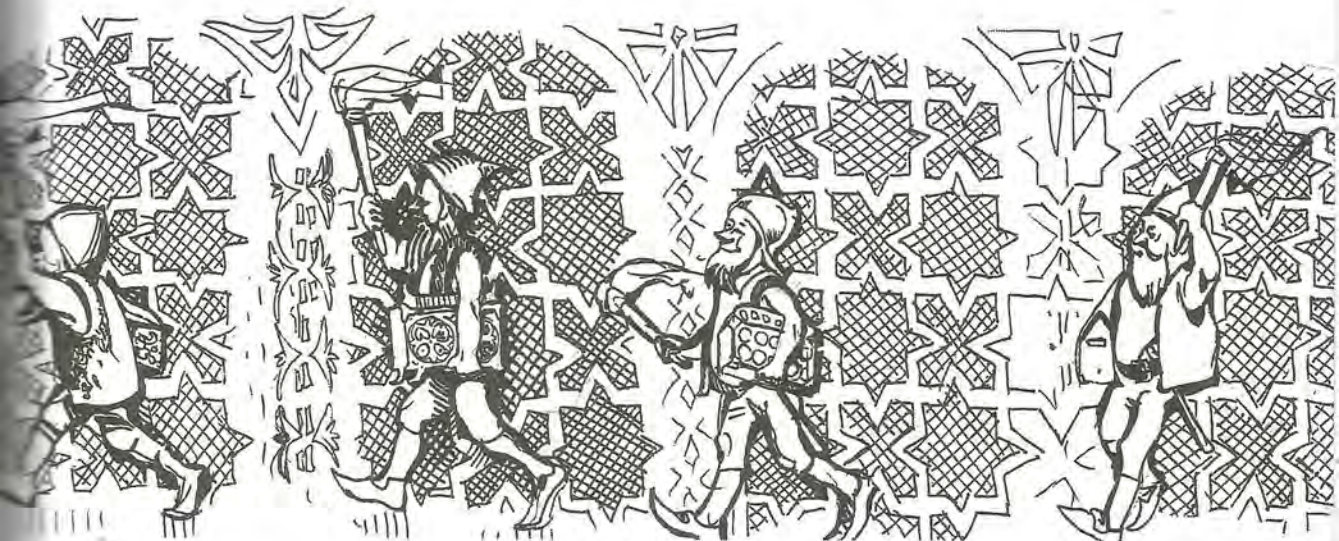
– Ну, и как ты себе это представляешь? – фыркнул Слава, – Чтобы увидеть колено, надо его перевернуть, а трогать ничего нельзя!

– Ничего, – утешил его Пррак. – у меня много глаз.

Одна из его трубочек удлинилась и сплюснулась, а затем заползла в штанину мертвого гнома. Люля зажмурилась. Слава скептически хмыкнул. Ожидание, казалось, никогда не закончится, но Пррак вдруг крикнул, и слова его гулко раскатились по коридору:

– Есть! Какие-то цифры и буквы! Какие – в темноте не разберу.

– Ура! – крикнула Люля и зажала себе рот рукой, испуганно глядя на сердито загалдевших гномов.

в том же положении, в каком его и оставили.

– Поесть принесли? – сразу спросил он.

– Я забыл, чем вы питаетесь, – смущенно признался Слава.

– Папа! – дернула его за руку Люля, – мы не за этим пришли.

Она глубоко вздохнула.

– Папа, если тебе не страшно, пойд и найди на теле кое-что.

– И не подумаю, – возмутился отец, – сам всех гонял, чтобы следы не затапывали, а сам пойду в убитом гноме ковыряться?

– Я сказала – не в теле, а на теле!

– А мне без разницы! – отец был положительно сердит.

– Что теперь? – скрывая волнение, спросил отец. – Сошлось?

– Сошлось! Бежим на станцию!

– Опять голодать, – со вздохом констатировал Пррак.

Кабины грузового извозчика находились там же, где и пассажирские, только у противоположного края станции. Поэтому, когда Захаровы, запыхавшись, выскочили на площадку, они нос к носу столкнулись с комиссаром центральной полиции Карлом Даблю Джемом-младшим, который как раз только что приехал.

– Дядя Карл, мы все раскрыли, айда с нами! – закричала на ходу Люля.

– Дайте сперва хоть место преступления осмот-

реть, шарлатаны! – возмутился комиссар Джаз, но, справедливо рассудив, что тело никуда не убежит, отправился вслед за другом и его запыленной дочерью.

А те уже пристали к работнику станции, отвечающему за грузовые перевозки. Комиссар подоспел как раз к окончанию разговора:

– Я взял на себя смелость не отправлять, – сказал ямской сотрудник. – Убийство же, сказали, ничего не трогать.

– Правильно, – кивнул Карл Даблю Джаз, вынимая удостоверение. – Комиссар Джаз, центральная полиция. Что за груз?

– Наш убитый отправил, – сказал Слава. – Карлик, посмотрим, что там?

– Обязательно!

Они прошли за сотрудником в кабину, где стоял большой продолговатый ящик. Люля забежала вперед и нажала кнопку, открывающую крышку.

– Дамы и господа! – торжественно сказала она, – Позвольте вам представить...

Она зашарила по карманам, а потом сказала с нескрываемой досадой:

– Как его зовут, я забыла, а бумажку с именем потеряла. Черт!

Однако и так все было ясно. В ящике лежал и растерянно щурился «убитый» седьмой гном...

* * *

– Так, а теперь отвечаю на вопросы следствия, – строго сказал Карл Люле, побывав везде, где надо, осмотрев все, что нужно и не дав растерзать несчастного гнома его расвирепевшим собратьям. – Для начала – как ты догадалась?

– Папа сказал, что гнома убил кто-то из своих, – начала отчет девочка. – Я сперва тоже так подумала. Мало ли – тюкнули в темноте, а потом забежали – ах, ох, убийство! Но мы все видели тень убийцы, который побежал из коридора в пещеры, а за ним уже выбежали гномы с факелами, и их было шесть, я сосчитала на всякий случай. Хотя они так метались, что это было сложно. Потом – если убили не участники шествия, значит, убийца засел в святилище или где-то возле него, дожидаясь, пока они не погасят факелы, а потом уже... Согласись, что бегать так по пещерам может только тот, кто хорошо их знает.

Карл кивнул. Люля продолжила:

– Я решила, что убийца – гном, но не местный, а кто-то из тех, кто раньше сбежал с планеты на Колесо. Тогда он должен был приехать сюда под видом туриста. Я спросила у руководителя группы, не отлучался ли кто из туристов во время марша или, может, вообще на него не поехал. Оказалось, что у них все посчитаны по головам, да и гномы – существа малорослые, ему трудно было бы под кого-либо замаскироваться. Я подумала – не отправился ли он сразу с ямской станции по какому-нибудь тайному ходу сразу в святилище. Спросила у спасателя – они все коридоры знают, на то и спасате-

ли, у них даже планы пещер есть...

– А почему ты решила, что это не какой-то из спасателей? – перебил рассказчицу Карл.

– У них алиби, они каждый день в это время всей администрацией планеты завтракают в гостинице. Так вот. Тут бы я и сдалась, но... Вампир с планеты Райс, – мне он сначала не понравился, но сейчас я его расцеловать готова, – сказал, что кровью от трупа не пахло. Представляешь, весь пол кровью залит, а ею и не пахнет! Меня как громом поразило – это не настоящий труп! Далее. Откуда он взялся? Стала бы я думать, что гном его выгесывал из камня долгими ночами, потеряла бы время. А так я почему-то сразу вспомнила про всяких там роботов. Но робот тоже должен был откуда-то взяться. Я попросила папу связаться с грузовой станцией, и точно – наш гном получил посылку с Формалиана. Я залезла в Вилнет и выяснила, что Формалиан занимается в основном тем, что выращивает клонов для различных празднеств и карнавалов шествий.

– На грядке, что ли, они их выращивают? – сердито спросил Карл. – И, насколько мне известно, клон – это живое существо. Выходит, что наш ни в чем не повинный бородатый друг все-таки убийца?

– Да что ты! Клонами формалианцы называют свои игрушки, потому что они в точности похожи на людей, ну прямо как андроиды. Только внутри – никакого синтетического разума. Болванки, одним словом. Только и умеют, что ходить да руками махать – а что еще на шествиях надо? Вот наш гном и послал им свои параметры, и они вырастили ему клон. И не цепляйся к словам.

– Я и не цепляюсь, – покраснел комиссар, – просто «вырастили» – это одно, а...

– Ладно, – отрезала Люля, – как маленький, честное слово. Так что имей в виду: если у тебя будет какое-нибудь загадочное убийство президента банка, ты сперва погляди – если у трупа на коленке буквенно-цифровой код, которым формалианцы метят свою продукцию, – значит, твой президент банка жив и со всеми деньгами умотал куда-нибудь на Тропику, под пальмы.

– Не забивай мне мозги президентами, – сердито сказал комиссар. – Дальше я и сам догадаюсь. Этот гном спрятал клон в святилище, потом в темноте рубанул его киркой и сбежал. А вы всей своей веселой семейкой пошли, дружно нашли у «трупа» на коленке код и выяснили, что это – клон. Дальше что? С чего ты взяла, что этот гном сидит в посылке? Может, он где-то в пещере скрывается?

– Я почему-то сразу поняла, зачем ему это, – виновато ответила девочка. – Я про эти Рудники читала, пока мы сюда ехали. Они ему осточертели. А просто так уехать его не отпускали. Все гномы тут клятву дали, что нога их не ступит с поверхности планеты. Этот же явно был умным гномом. И все-таки гномом. Для него было проще разработать всю эту комбинацию с подставным трупом и поездкой в посылке, чем нарушить клятву и просто послать всех...

– Люля!

– Что «Люля»? Ах, да. Пардон. Так вот. Потом мы с папой побежали на станцию, встретили тебя и чуть не опоздали. Отгрузка посылок – автоматическая, а гном подгадал время, когда на станции никого не будет. Традиции – страшная вещь. Весь здешний персонал строго в одно и то же время завтракает. И гном это знал. Поэтому после того как он воткнул кирку в спину клону, промчался по коридорам и прибежал на станцию, там никого не было, поэтому он тихо упаковался и стал ждать отгрузки. Там даже в накладной – особые пометки, посмотришь – «Не кантовать, кислородный режим перевозки»... Нам повезло, что работник станции оставил погрузку. Иначе уехал бы он на Формалиан, а оттуда еще куда-нибудь, и ищи-свищи.

Люля подумала и добавила:

– Мне интересно – теперь гномы пересмотрят свои намерения насчет клятвы? Мне бы хотелось, чтобы его отпустили. Тут он – как в тюрьме.

Комиссар Джаз встал со скамеечки в сталагмитовом саду, на которой они все это время сидели.

– В тюрьме не в тюрьме, но за хулиганство он схлопочет свои пятнадцать центральных суток, – пообещал он. – Стало быть, я его арестую и увезу. А уж возвращаться после отсидки, я думаю, он сам не захочет. Пошли на корпункт, там сейчас будет весело. Твоего отца начнут душить взволнованные коллеги.

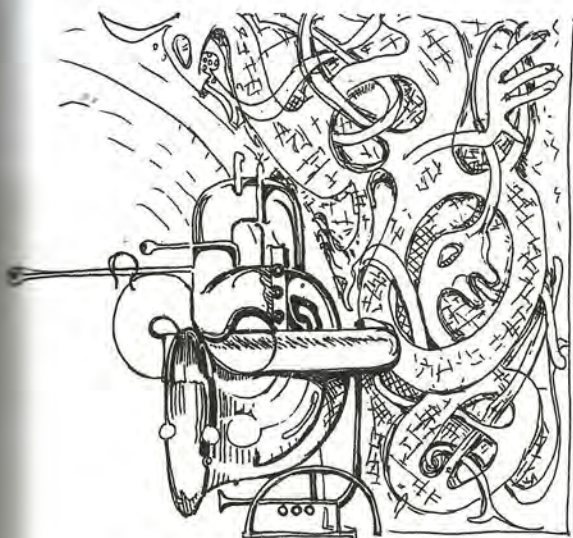
– Вот здорово! – сказала девочка.

Комиссар только рот разинул.

– Нет, не то что придушат, – поправились Люля, – а то, что папка теперь здоровскую статью напишет. И дядя Пррак тоже. И назовет ее: «Вокруг и около места преступления». А тот вампир – «Кровью там и не пахло! Только пластиком»...

– Выдумщица, – проворчал комиссар.

– Так точно, сэр! – весело откликнулась Люля, и они с Джазом пошли на корпункт...

АРНОЛЬДИ Анна

Авт мемуаров "Последние дни и кончина архиепископа (Курского и Обоянского) Стефана (Николая Архангельского, 1861-1914). - "Курск. епарх. вед.", 1914, № 27\28, с. 578-593.

ИДРДВ. Т.4, Ч.1.№ 1227.

АРНОЛЬДИ Нина (Анна) Александровна (1843 ? - 1921), прозаик.

Имя А. связано с революционным народником П.Н.Ткачевым и издаваемым им журналом "Набат". В 1879 г. в Женеве вышел роман А. "Василиса" (крипт.Н.А.). Исследователи считают, что герой этого психологического и политического романа представляет якобинца-"набатовца" ткачевского толка. Несколько произведений написаны А. на франц. языке, а повесть "Страничка жизни" перев. с франц. на русский (СПб., 1911). Нек. совадения в биографиях Н.А.Арнольди и К.С.Мещерской (см) позволяют предположить, что Арнольди - псевдоним К.С.Мещерской.

Русские писатели (портр); КЛЭ; Масанов.

АРОСЕ(О)ВА Н.

(См. Миронова Н.А.)

АРСЕНЕВА Клара Соломоновна (наст. фам. Арсенева-Букштейн; 1889 - 1972), поэтесса, драматург, переводчица.

Поэтическими наставниками А. были Вяч. И.Иванов и А.А.Блок. Печат. в журн. "Рудин", "Журнал журналов". Стихотв. А вошло в сб. "Восемьдесят восемь совр. стих., избранных З.Гиппиус" (П., 1917). Кн. А. "Стихи о жизни" (П., 1916) отмечена приверженностью к "петербургской" теме, воспринятой через Блока и А.А.Ахматову. Критика находила в ее стихах "необычайную для наших поэтов детскость восприятия..." (В.Еникальский). В Тифлисе вышла кн. "Стихи" (1920), позднее - "Весна на окне", "Сокровенные просторы". Переводила грузинских поэтов. Оставила "Воспоминания о Блоке". - В кн.: Александр Блок в воспоминаниях современников: В 2-х т. М., 1980. Т. 2. с.97-98.

Русские писатели (портр.); Сто одна поэтесса серебряного века; ИДРДВ. Т.5. Ч.1. № 1085.

АРСЕНЬЕВА Анна Константиновна (1879 -), автор воспоминаний.

Жена путешественника и писателя В.К.Арсеньева. Воспоминания А. напеч. в кн.: Пермьяков Г.Г. Тропой женьшена. Хабаровск, 1965. С. 83-102, ил. ИДРДВ. Т.4. Ч.3, № 5108.

АРСЕНЬЕВА Анна Сергеевна (1897 -)

Сотр. "Утра России", в соавт. с В.С.Арсеньевым (1914, № 140).

Масанов.

АРСЕНЬЕВА Вера Сергеевна (1893 -), писательница.

Масанов.

АРСЕНЬЕВА Мария Васильевна (1865 - 1918), переводчица.

"Радость христианина" (1896).

Масанов; Арсеньев В.С. Воспоминания. - РГБ ОР. Ф.369, 375.18.

(Продолжение в следующем номере.)

Дом

Здесь, где по ночам тупыми черными когтями скребутся в стенах мыши, где кошки с фосфорическими глазами с ухмылкой смотрят из открытых окон; здесь, где возвышается огромная труба, сверкают цинковые крыши, и воздух наполняется весной. В озоновых неровных дырах синее небо. И ветер, будто дьявольский хозяин, гуляет в закоулках чердака и радостно танцует на отсыревших нивах. Где ожерелья утренней росы сверкают частотой среди изогнутых ветвей. Глаза струятся теплыми слезами от непомерной ширины могучих девственных лесов. Где тихие глубокие озера пронзительно невозмутимы. Густые черные морщины ложатся вдоль песка, и волны шепчут берегам, а в зарослях урчат лягушки. Вечерний палевый туман, сползая по холмам, огромным одеялом окутывает землю. И страшная гроза, мелькая паутиной на лице, ежеминутно напоминает о себе. Здесь, где за большим мохнатым пнем таятся облики чертей, песчаной бурей пробегая по лицу. Здесь, где судорожно поеживаясь возле багряного костра, проводят время люди. Потрескивают и лопаются жиром большие, сочные сардельки, туманят ароматом и с аппетитом исчезают вместе с пивом. На проводах сидят вороны и аккуратно чистят перья, завидев путников, лениво и бесследно улетают в пурпурно-желтые, пустые трещины угрюмого заката. Словно невидимая нота брутального мотива, неспешно тянется по небу предчувствие холодного прокуренного мрака. Невольная привычка — держаться на мизинцах и, наблюдая вниз головой пробегающие автомобили, мечтать и рассуждать о двусторонних мелочах. Здесь, где утром так приятно, до ломоты в костях, потягиваться и, зевая, всей грудью ощущать и восхищаться пьянящим воздухом весенних дней. Бродить неслышно, как лунатик, с протянутыми руками босым и невесомым в потоках прохлады утреннего света. И, улыбаясь, больше не чувствовать обид и одиночества. Здесь, где мы с тобой одни, находится мой дом!

Дом — это источник света, жизни и тепла, передающий человеку великую любовь, его душа, его не умирающий двойник.

В западне

Человек долго жил в собственном мире, постепенно смывая границы своей физической и духовной сущности. Все мысли и желания оставлял в электронной паутине. В полном безумии становился холодным зомби. Погружался на дно, безнадежно растворяя время в чертовой машине, которая незаметно разрушала его индивидуальность и неповторимость.

Но однажды выключили свет, и сотни сигарет... — в рифму. И глоток тишины — в кайф.

Луна. Он так долго смотрел в окно. Он никогда не знал, что у луны такое ласковое лицо. Он вспомнил, что когда-то у него были друзья, любящие родители и то, что называют любовью. Он, не переставая, звонил в забытые углы огромного города и повторял:

— Люблю, люблю, люблю...

Он стремился просто куда-то бежать, не говоря ни слова, беспрерывно махать руками и поворачиваться вокруг своей оси. Он чувствовал, как весенний воздух наполняет его сознание.

— Господи, жизнь прекрасна! — шептал он.

Он прислушивался к шуму реки. Вообразил себя огромным облаком, летящим через горы и долины, где встречный ветер перехватывал дыхание. Чувствовал беспокойные удары своего сердца. Вытирал с лица огромные слезы радости. Смеялся:

— Да! Какой волшебный день!

Какой волшебный день! Он нежно целовал свою самую единственную. Они танцевали под дождем, промокшие насквозь, но полные любви.

Простое человеческое счастье!

ИМЕНЕМ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

...руководствуясь ст. ст. 194-198 ГПК РФ, суд РЕШИЛ:

Обязать ответчика — свердловскую областную общественную организацию «Трудовой коллектив редакции журнала «Уральский Следопыт» в срок до 1 октября 2005 года опубликовать в журнале «Уральский Следопыт» и разместить на сайте www.uraistalker.ru авторский текст рассказа Грачевой Екатерины Евгеньевны «Здесь был Федор», в сопровождении опровержения в следующей редакции:

«Решением Ленинского районного суда города Екатеринбурга от 27 июля 2005 года установлено, что в апрельском 2004 года номере журнала «Уральский Следопыт» редакцией журнала без ведома и согласия автора были опубликован рассказ Грачевой Екатерины Евгеньевны «Здесь был Федор» с несанкционированными автором редакторскими правками, искажившими образы персонажей, и июльским 2004 года притча «Осторожно, светлое прошлое», финальную фразу которого следует читать как «Корабль умирал из сегодняшнего дня, чтобы родиться в завтрашнем»...

Прим. Здесь и далее выдержка из текста решения суда и текст рассказа Грачевой дается без изменений.

Здесь был Фёдор

*Нет покоя мне и сна: помню мамины я речи
Про богатые леса да хлеба, что мне по плечи...
Михаил Богатырёв*

Что могут сказать слова или фотографии там, где молчит сердце и безмолвствует опыт? Ничего. Вот скажешь: «курумник», и кто-то засмеётся, а компьютер вообще подчеркнёт это слово и посоветует написать «кур умник». Умник куриный... Снимок панорамный покажешь – тоже могут сказать: «Ну, груды камней, ну и что».

А я на этой груды камней целую жизнь пролежал, пока выкарабкался. Камни сверху горячие, снизу ледяные, лишайники на них – серые, чёрные, зелёные, жёлтые... кружево такое причудливое, как сказка о глубокой древности. Солнце во всё небо – белое-белое, почти фиолетовое. А внизу в темноте ручей под курумником поёт: лики-карли-нярли-орлуврил... И то холодно и широко пахнет бесцветной, глубокой подземной водой, то лёгкий ветерок принесёт запах травинки. Именно не травы, а травинки – тонкую такую полоску жёлто-зелёного запаха посреди бело-фиолетового солнечного аромата с тёплыми и суховатыми шариками дыхания лишайников. Кто не лежал в курумнике с застрявшим меж глыб рюкзаком – не знаю, поймёт ли.

Вы спросите, как я умудрился так застрять, да ещё и лёжа. Как, как – ракурс подходящий для снимка искал...

Фотографией я с самого детства увлечён. Если вы бывали недавно в Доме творчества – там на втором этаже три моих работы висят: «Здесь был Вася», «Король на дозоре» и «Я люблю». Мимо первой работы вы вряд ли прошли бы равнодушно. Там пихтовая веточка с повязанными на ней пёстрыми верёвочками, вся уродливо пережатая, со следами ран и смоляных слёз. Это я на Тагане заснял, в Долине сказок. Каждый куриный умник, проходя, повязывает на эту бедную пихту ленту, тряпку, кулёк, носок и чего похуже – у кого куда фантазия повернута. Любители природы!

Другие снимки – с той же плёнки. Но лучше рассказать по порядку.

Началось с того, что одноклассник старшего брата – Борька Люттик – пришёл к нам, когда я снимки сушил. Штук тридцать снимков, и на всех Ленка Седова, да-да, та самая, что и на снимке «Я люблю». Мы с ней в одном театральном кружке занимаемся, она меня на три года старше; было мне тогда двенадцать, а ей пятнадцать, а Борьке, стало быть, шестнадцать было. Вот увидел он мои снимки и давай дразниться: мол, невеста и так далее. Я только усмехнулся, потому что догадывался, что дальше будет. Не то чтоб Ленка была сильно красивая, но лицо у неё очень выразительное, а взгляд глубокий и всегда немного новый. Вот Борька смеялся, смеялся, а я уже следил, на какой по счёту фотографии он попросит его с Ленкой познакомиться... Как там всё это вышло, мне рассказывать скучно, но, в общем, пошли мы втроём на Таганай. Мы-то с Ленкой дальше горсада раньше не путешествовали. А Люттик был весь из себя знаток и бродяга: с прозрачным водяным компасом, с заслуженной картой, с прожжённым рюкзаком выше головы, с гитарой и даже каким-то чудодейственным жёлтым зубом на шнурке. Зуб этот якобы принадлежал ископаемому тигру, а потом был собственноручно Борькой вырыт в каком-то городище и обладал опугивающим влиянием на всю тигриную родню. Я посмеялся, но он сказал:

– Вот встретим по дороге рысь, тогда посмотрим, кто смеяться будет.

– Ага, – говорю, – может, сразу льва?

Борька мне сунул какой-то буклет, где я прочитал, что на Тагане есть рысиный распадок, что можно там встретить и лося, и кабана, и медведя, и рысей, и волков... Ух! А я, честно говоря, почему-то думал, что мы уже выжили всех животных, кроме коров, в красную книгу.

Отщёлкал я тогда Люттика много и думал назвать эту серию «зов предков». Вот он тушёнку с ножа ест, вот в очаг из камней голову погрузил – огонь из углей раздувает, вот он в полёте – скачет с топором с холма. Но потом я эту серию подальше запрятал, что-то она мне разонравилась своей лютостью.

Ещё больше я природы отснял. Началось это с самого входа в заповедник. Дорога широкая, и хотя вход шлагбаумом перегорожен, вся изрытая то ли шинами, то ли ручьями. Вода в промоинах ярко-рыжая и не просыхает даже в самую жару.. И потому время от времени лесники

Высылаю текст своего рассказа, заверенный, как Вы просили, на каждой странице. Пунктуация авторская, не изменять. Иллюстрации авторские, также прошу их не подвергать обработке. Данные материалы продублированы в электронном виде (в электронном виде – иллюстрации отдельно, ТИФ-файлы).

собирают всякий хворост и мелкий валежник (это так деревья упавшие называются) и стаскивают в эти ямы. Получается нетёсаная деревянная мостовая. Идешь по ней и думаешь, интересно, во времена телег дороги вот такие же были?

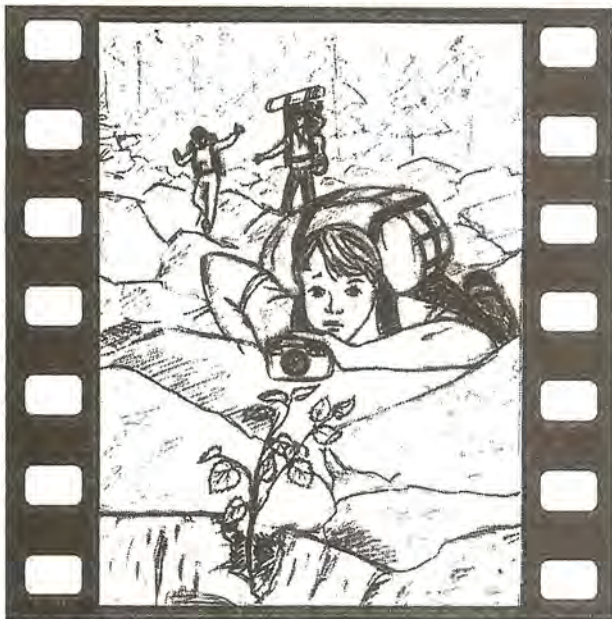
Потом переправлялись мы через речку Тесьму. Вода в ней студёная, чистая, каждый камушек светится, блики отражает – такая отрада! Век бы сидел, глядел. Но если б сидел, то не увидел бы, что дальше.

А дальше навверх тропа – уже каменная. В очень дождливые времена, говорят, по ней прямо ручей течёт. Идешь и дивишься мастерству сказочного подгорного народца, который эту тропу слагал. Иначе и не скажешь: ведь если случайно намыта дорога, тогда камням вразброс валяться положено. А здесь живут камни меж пихт с такою красотой, с таким ладом! У каждого поворота – своя летопись, никаких свитков не хватит всё запечатлеть.

А бурелом видели? Суровая, угрюмая, могучая тайнопись. Какие такие ветры-богатыри в небе бушевали, со столетними деревьями сражались, так что падали зелёные великаны? Падали, да не выпускали из своих цепких корней каменных плит земли. Лежат теперь навзничь опрокинутые, открывая подземные клады, до сих пор обнимают огромные камни. Камни эти только снаружи серые, а на сколе прозрачными блёстками негромко сияют, и прямо внутри камня живые ягодки багрового граната рассыпаны. Как зародились они внутри глыб, как раздвинули плотные частицы? Загадка...

Насилу до верху добрались – вышли на стоянку Белый ключ. Бежит ручей под камнями, музыкальный, как тысяча маленьких колокольчиков, поёт с утра до утра и песни не повторяет.

Дальше дорога на Гремячий ключ шла, по лесу да через курумники. Там уже я вымотался, ничего почти не видел, даже чуть носом в цветок лишайниковый не влетел. Представьте такой тенистый-тенистый сумрак, чёрную засохшую пихту – и на ней, словно крючком из тонких ниточек связанный, бутон расцвёл...

Ближе к Гремячему мы слегка заплутали и тропу потеряли, когда шли по курумнику, и я подозреваю, что кое-то слишком уж хотел эту тропу потерять, а нас с Ленкой, горожан нетолковых, трудно ли в трёх соснах по кругу за нос водить? Вот, пока Ленка женственно балансировала на камнях, а Борька мужественно её ловил и спасал, я берёзу трухлявую углядел, а из неё две тоненьких веточки проросли. Светятся насквозь под солнцем. Это ж надо, какая сила жизни! Как бы её заснять суметь? На колени встал – мало, сел – мало, утрамбовался в щель меж валунами – есть! Кадр есть, а курумник меня обратно не выпускает... За жадность, наверное...

Борька завидел такое дело – нет чтоб помочь, так он фотоаппарат отнял и давай снимать, как я меж камней уяз.

– Кадр-шедевр! – говорит. – Фотограф переусердствовал!

Вот за это ему наказание было: встретились нам на тропе туристы и сказали, что родник у Откликного гребня, куда Борька нас вёл, пересох. Пришлось Борьке ещё семь литров воды в канистру набрать и на спине до самого конца нести.

Миновали мы Гремячий ключ с его сердитою водой и побрели через цветущие пригорные луга под палящим солнцем. Брели, брели – сделали привал под огромной тройной пихтой. Ленка не успела присесть – запросила бумагу и карандаш. Карандаш мы ей нашли, а бумагу нет; упрямая Ленка тогда начала на сухой травинке писать. Она пишет, а я читаю. «Кто познал, что такое раскидистое дерево в час жары, тот закроет собою идущих следом в час, когда битва будет особенно горяча и огонь особенно яр». Вот какие мысли записывает измождённая Ленка, едва освободившись от рюкзака, представьте себе!

А потом мы шли мимо огромной травы, мимо стеблей борщевиков, которые были на голову нас выше – и уже разглядывали вершинки гребня из-за этого пёстро-зелёного моря. Тропа то ныряла с солнечных полянок в тенистые хвойники со сладковатым запахом смоляных игл, то снова катила высокие травяные волны, на гребнях которых мирно жужжали шмели... и вдруг резко кончилась, и открылся Откликной. Ох, братцы мои! Я такое видел однажды в иностранном сказочном фильме, так я был уверен, что это всё капроновые декорации, а оказывается – оно бывает!! Это ж надо: ровная площадка, сияюще-изумрудная трава, фиолетовый огонь иван-чая, тёмные худенькие пихты – и резко вверх уходит огромный чешуйчатый хребет бронтозабра, сплошь из каменных глыб.

Я встал – и немею, не соображу даже рюкзак расстегнуть, а Лютик тем временем уже палатку разворачивает, топором машет – очень хочет Ленке понравиться.

День был субботний, погода хорошая, народу – яблоку негде упасть. Не найдя удобной стоянки, стали на полянке без костровища. Ленка рюкзак под пихту уронила, потом себя саму рядышком. Я хотел ее заснять, но только так она заманчиво отдыхала, что я слабо махнул рукой и улегся тоже. Благодарь! А Борька с костром возится, чтобы нас накормить. Ему походы привычнее, конечно, да только и рюкзак у него нашим не чета: и палатка у него, и топор, и вода, и гитара ещё.

– Ленка, – говорю, – посмотри на этого труженика. У меня такое чувство, что теперь мы оба как честные люди должны за него замуж выйти. А?

– Это чтобы всю жизнь вот так? – умирающе спросила она. – Да ни за что!

– Ничего! – бодро сказал Борька. – Ещё не вечер.

– А что будет вечером? – с опаской спросила Седова, сразу ожив.

– Посмотрим, – деловито ответил Борька, посмотрел на небо, поплевал на ладони – и опять за топор.

В небе же летала птица. Большая, я таких никогда не видел, чтоб они в воздухе держались. А она высоко парила и кричала так, будто утренний петух кукарекать собирается, но перед самым кукареком внезапно замолкает. И оттого казалась мне эта птица загадочной, молчаливой. Я вообще привык, что птицы поют: о солнце, о радости, друг о друге – разговаривают, перекликаются, перепеваются. А эта птица была одна-одинёшенька и именно кричала кому-то далёкому-далёкому, мудрому, по-птичьему понимающему – о том, что видела сверху...

Вечером был костёр и звёзды. Мы с Ленкой уже отдохнули и уплетали за обе щеки Борькино варево, а он достал гитару и начал петь. И всё бы хорошо, если бы не соседи со стоянки под самой горой. Потому что Борька никак не мог их переорать: их было человек пять или семь, а он всего один. И в репертуаре у них было по одной песне на каждого, но горланили они до часу ночи.

Устали мы с Ленкой от этого состязания и решили идти спать. Я посередине лёг для общей безопасности. Ленка замотала уши свитером и кое-как уснула. Бедная Седова, у неё дома слушают только классику.

Утром мы с нею встали только к обеду – к уже готовому обеду. Стоянка крикунов была пуста, только висели высоко на пихте колготки, валялись в костре обугленные полторы буханки хлеба, а на бревне красовались кривые вырубленные буквы: «Казань, 3 августа. Мы хотим вернуться». По поляне валялись банки и продукты. Я начал возмущаться, а Борька сказал:

– Очень добрые люди, притащили на себе в такую высоту тяжёленькую морковку и бесплатно подарили нам. И дров оставили. Уплетаешь мой пловчик за обе щеки – небось вкусно, а? Сиди и молчи!

Я замолчал, но мне почему-то сразу стало невкусно.

Лютик тоже присмотрел себе бревно, сделал из него зубастого чура, в землю вбил у палатки, а на нём вырезал очень красиво: «В твоих объятьях, Откликной, мы ночевали в выходной. Боря, Лена». На моё имя ему якобы не хватило длины бревна. Но меня это ничуть не огорчило. Часам к трём мы запечатали палатку и отправились налегке в Долину сказок.

Долина сказок – это такая седловина между Откликным гребнем и горой Круглицей. Почти в самом дне этой чаши есть словно бы средневековая крепость, только из настоящих скал. А ведёт в неё узенькая песочно-каменная гномья дорожка, по краям которой растут пихточки, иногда совсем крошечные, и рядом высоченные стебли цветов, тоже очень миниатюрных и точёных в чашечке.

Люттик сказал, что это из-за климата тут такие деревья. Которые повыше – те падают под ветром, и то и дело вдоль дорожки нависают их огромные косматые корни, под которыми, пожалуй, можно даже втроём спрятаться от дождя. Это деревья, когда росли, сильно старались широко-широко закрепиться на камнях, удержаться, но... А некоторые пихты засыхают, и их ветви густо обрастают разноцветным лишайником. Ух, как здесь может быть неуютно ночью! Ах, как здесь бесконечно чудесно при игре солнечных лучей!

Ленка пришла в неопишуемый восторг, глубоко вдыхала при виде каждого лешего, камня или муравейника и, по-моему, забывала выдыхать. А вдоль дороги то и дело выпархивали из кустов маленькие трескучие птахи и сопровождали нас, как почётный эскорт. Я так и назвал их про себя – «поршки», а кто они в самом деле, не знаю.

– Вадька, можешь смеяться, но мне сейчас остро хочется надеть кольчугу, смастерить секиру и стать тут при дороге, – сообщила Ленка, когда мы дошли до самой крепости.

– Почему вдруг кольчугу, а не венок? – спросил Борька.

– Не знаю, – удивилась она. – А почему вдруг венок? Я бы хотела быть стражником, охраняющим рубежи этой сказочной страны. Понимаете, чем больше меня восхищает эта гномья дорожка, этот детский рай, тем острее хочется отсюда вырасти и уйти в поход настоящий, настоящий! Тот, который лежит за рубежом этих стен... – она неопределённо махнула рукой влево, в сторону одной из «сторожевых башен», и все мы остановились, а я схватился за фотоаппарат. В косых предвечерних лучах, ярко-солнечный на ярко-солнечных камнях, стоял спиной к нам величественный человек. Были на нем тёмно-зеленые штаны и такая же куртка вневременного покроя, такие простые, что проще не бывает. Перепоясывал куртку широкий плетёный ремень, на нём ножны кожаные, из которых видна была резная рукоять. Стоял человек среди самых высоких глыб так, как стоят хозяева своих владений, как дозорные на посту. Вот его-то вы и видите на снимке «Король на дозоре». Солнечный и суровый, непостижимый король...

Мы остановились, как я сказал, и вдруг пролетела над нами та самая птица с Откликного и громко крикнула, словно бы ему! Человек неспешно повернулся, поглядел на нас и отвернулся снова. Потом как-то быстро скользнул вниз.

– Колоритный дядечка, – сказал Борька и поспешил вверх по тропе. – Сейчас увидите дерево желаний, там и моя памятка должна быть...

– Осторожно, – сказал голос, и это опять-таки был голос короля. – Муравьи тоже эту тропу облюбовали.

Я потанцевал, стараясь никого не задавить, потом поднял голову и увидел дерево желаний. Несчастное, заматанное наглухо сотнями грязных бинтов и тряпок, одиноко и беспомощно жалось оно к каменной плите, словно жертва на заклятие перед буйствующей толпой. И великая куча тряпок лежала под ним, а мой король молча срезал ножом одну за другой, бросая их вниз под ноги.

Борька от возмущения чуть не захлебнулся и разразился речью. Смысл речи был в том, что парень этот вандал и рушитель чьих-то священных дружб и надежд, в том числе его, Борькиной.

– Нет, я – исполнитель желаний, – спокойно сказал тот. – Читать умеешь? Читай: «Хочу вернуться сюда и ещё раз увидеть эту красоту». Так вот чтобы кто-то мог видеть здесь красоту, надо её как минимум не уничтожать.

– Ты какой-то больной, – ответил на это Борька. – Это одно-единственное дерево. Каждый турист такое сжигает за поход, и ничего, сколько лет уже стоит Таганай. Подумаешь, красота! Это больше, чем красота, это переплетение лучших мечтаний, это братство людей!

– Вот это братство? – парень сунул ему под нос заскорузлый носок. – Или вот это? – он качнул сигарету в упаковке из-под лапши. – Изуверство это, а не братство. А то давай тебя тут положим, жгутами перетянем, всё это к тебе перецепим и напишем по всему телу разными цветами братские слова. Сколько в мире людей ежедневно помирает, авось и без тебя земля не обеднеет. Хорошая идея, а?

– Вася, ты не прав, – многозначительно сказал Борька, а крепче выражаться не стал, поскольку парень был взрослее, суровей и с ножом.

– А я не Вася, – сказал тот. – Я Фёдор.

Ленка вдруг подскочила к дереву и давай тоже веревочки снимать. И я за ней.

Борька взросло хмыкнул и ушёл за камни. А мы молча веревочки отвязывали, а пихта дрожала и плакала рубцами.

Тогда я и заснял «Здесь был Вася». А заодно и Ленку заснял. А потом отошел и их обоих незаметно сфотографировал – без всякой художественности, так просто. Потому что уж догадался, что Ленке такая карточка великой ценностью станет... Но это к слову.

– Однажды, – сказал вдруг Фёдор, – мне было очень, очень плохо, я еле добрёл до леса, упал под сосну и долго там пролежал, и слышал, как она по капельке возвращает мне жизнь. А потом я спросил у неё, чем я могу отплатить ей? И услышал внутри себя: «Когда можешь пройти не по траве, пройди не по траве»... Понимаете, братцы? Когда можешь...

– Ну короче! – сказал Борька, появившись из-за скал. – Мы вместе или не вместе? Мне надоело вас ожидать. Или вы идёте, или это не по-товарищески.

Пришлось идти.

– Сбегаем до Круглицы и вернемся, – ободрял Борька.

А когда мы там повыше поднялись, Ленка оглянулась – чуть с тропы не съехала: краской по камням, большими жёлтыми буквами было написано: «Не смейте губить ёлку, а не то худо будет! Фёдор».

– Вадька! – потрясённо сказала она.

Я бы тоже затосковал, если бы карман у Борьки не топырился, как будто там баллончик лежит. И там, на вершине, когда Борька полез шнурок навязывать на палку (тоже там мусорная палка гору венчала), я сказал:

– А краску-то, что ли, всю извёл?

– Какую? – круглит невинные глаза.

– Жёлтую! – отвечаю. – Какую! Вредитель!

Обменялись мы разными любезностями, но драться не стали. Стыдно. Кружила над нами загадочная птица и курлыкала жалобными тихими вздохами, и всё видела, и всё запоминала.

– Гора, – сказала Ленка. – Далеко-далеко по всей округе отсюда музыка льётся. Здесь бы храм, здесь бы орган, колокол, красоту, а что вместо того? Палка с мусором, кто-то даже штаны наматал, чтобы все знали, что он вниз без штанов шёл! А камни, камни – точно кладбищенские обелиски! Вадька, смотри: такой-то город, такая-то школа, имя, дата... Упокоились!

Я только за рукав её подёргал. С другой стороны, внизу, жаждущие славы и памяти накатали по полю больших глыб и имена свои из них сложили. Чтоб даже из космоса видать было: «Здесь был Вася!» Вот они мы какие, любуйся, Вселенная: это мы! Мы! Мы!..

Пока мы смотрели по сторонам, Борька спускаться начал. Пришлось догонять. Так ведь он нарочно взял в сторону, завёл нас на другую тропу по другому склону, мы долго плутали и не видали больше ни пихточки, ни надписи той, и ни Фёдора, конечно. Еле доплелись затемно до лагеря. Но зря он старался, Борька, потому что земля круглая и рано или поздно все наши поступки и непоступки к нам же и вернутся.

Народ почти весь ушёл, остались только костровища, примятая жухлая трава да мусорные кучи – где побольше, где поменьше.

– Не рыдай, – сказал мне Борька, хотя я вовсе не рыдал. – Не первый век стоит Таганай, как видишь, не упал ещё. Природа живучая, умеет восстанавливаться. В конце концов, есть здесь всякая администрация, это их забота – о порядке думать, мусор вывозить или там закапывать. А мне за это не платят. Не потащишь же ты эти банки вниз на своей спине, а? Я-то лично небось тоже хочу что-нибудь увидеть, кроме камней под ногами. Что, кто ужин будет готовить – опять я?

Мы с Ленкой начистили картошки и пошли по стоянкам. На одной Ленка чуть не расплакалась: у кого-тохватило ума половину живых пихт надрубить. В другие деревья где гвозди повбивали, где кору ободрали. А если с них самих вот так кожу?

Борька наладил костер – за нами пошёл. Холодно уже, а ему всё нипочём: идёт раздетый, мышцы по телу катает, зуб на груди болтается.

– А, – говорит, – глядите: вот тут ножички метали. Это, братцы, ещё какое искусство. Слабо вот так с трёх шагов в цель попасть.

Достал из кармана нож и как метнёт в пихту!

– Ах, как метко! Видно, долго тренировался? – восторженным голосом спросила Ленка.

– Да уж с первого раза так не выйдет, – довольно согласился Борька.

– Ах, вот как, ну молодец! – сказала Ленка. – А в меня – в меня тебе не слабо попасть? С трёх шагов! А?

Ушла в лагерь, спальник свой (то есть, напрокат взятый, конечно) свернула и пошла из палатки на другую стоянку. Я думал – не пойти ли за ней, но не пошёл, потому что у меня ангина

хроническая – лишний раз не погеройствуешь. И остался, как последний трус. Ленка-то не обиделась, а вот я сам на себя очень обиделся.

А Борька усмехнулся, костёр пожарче развёл и за гитару взялся. Теперь уже никто его не перекрикивал – бился его голос об Откликной гребень и далеко по округе разносился. Пел Борька про женское коварство, про неласковую судьбу, про политическую несправедливость... Этаким тоскующий бунтарь-одиночка. Которого жизнь побила, любовь обманула, и который ни во что уже не верит. Пел проникновенно, и я на месте Ленки, возможно, прослезился бы и простил его. Но Ленка, кажется, нимало не слезилась и только застегнула свой спальник полностью.

Ночь была звёздная и холодная. К утру совсем заоченеть можно было. Зато утром солнце глянуло, чуть потеплело, и уснули мы с Борькой крепче крепкого, и проспали аж до полудня. Кстати, не исключено, что Борька спал так долго из принципа: у него под головой котелок картошки стоял, которой Ленке так вчера и не досталось.

А проснулся я оттого, что затопал кто-то по тропе, и мужской голос сказал:

– Да-а, видать, и здесь был Фёдор!

Оба мы с Борькой подскочили. Он, видать, испугался, что ему палатку испортили или как-то ещё отомстили. А я, удрученный своим малодушием, ринулся хотя бы сказать, что Фёдор ни при чем и надпись на сторожевой башне – совсем не его.

Вылезли мы из палатки и поразились. Убрана была наша полянка, щепки подметены, банок наших пустых как не было. А в костровице на четвертушке альбомного листа – компьютерная распечатка. Я её полностью перепису, очень уж она полезная.

«Человек!

Если ты разводишь огонь там, где нет костровица, прошу тебя, пожалуйста, потратить десять минут на то, чтобы защитить природу. Возьми нож или топор и аккуратно срежь верхний слой дёрна – сантиметров в пять высотой. Скатай его в коврик и отложи. А когда будешь уходить, разровняй золу, положи сверху коврик и полей его. Ведь это так просто.

Пожалуйста, не разводи костер около корней деревьев. Им больно. Ещё больнее живым деревьям, когда их рубят или заживо обдирают с них кожу.

Консервные банки совсем недолго обжечь в костре и заплющить топором. Лёжа после этого в костровице, они постепенно превратятся в окалину. А алюминиевые банки прогорают целиком, как и пластиковые бутылки.

Пожалуйста, потрудись убрать за собой щепки. Траве так же трудно расти сквозь них, как нам жить, если бы у нас с тобой дома валялись бы разные посторонние предметы.

Ты уже снял палатку? Прошу тебя, потратить еще чуток сил на то, чтобы полить траву, которую ты примял за ночь. Пусть ей хватит сил оправиться от твоего визита.

Если кто-то из твоих друзей не знает этих простых правил, расскажи ему. К сожалению, кроме тебя, больше никому этого сделать.

Человек, пожалуйста, будь человеком. Это так важно. Спасибо тебе, если ты меня услышал, а я как сумел, так и написал. Ф.

P.S. Что посеем, то и пожнём...»

Пока Борька это дело осмысливал, я к проходим туристам побежал справедливость восстанавливать.

– Вы, говорю, с Долины сказок?

– С Круглицы, а что?

– Это не Фёдора, – говорю, – надпись!

– Какая надпись?

– Жёлтым по камням, где пихта с тряпками была.

– Никакой надписи я там не видел, – говорит один. – А если где и есть, то уж конечно, не его надпись.

– Ну, коли уж там Фёдор был, теперь там никаких надписей не осталось, – сказал второй. – Вот человек, а! Столько стоянок очистил, теперь, должно быть, отлёживается где-то. Дай Бог здоровья. Ты-то его знаешь, что ли?

– Не совсем, – говорю. – Так... видел. А в каком смысле отлёживается?

– В таком, что попробуй сожги килограмм полиэтилена, и посмотрю я на тебя, какой ты бодрый будешь!.. Кстати, имей в виду: если когда-нибудь вот так дымом отравишься, пей рябиновый отвар.

– Ладно, идём, – кивнул первый. И ушли они по тропе на Гремячий. И у этого первого рюкзак так звякал, словно доверху был бутылками набит стеклянными. А может, мне уж это так помечталось, не знаю.

Пошёл я на полянку с ранеными пихтами Ленку будить. Чистота там была – не узнать. Зарубки смолой замазаны и ещё чем-то. Банок нет, мусора нет, очаг поправлен, пакет соли под камень упрятан, чтоб дождь не мочил. Только Ленка под деревом спит застёгнутая, комочком свернувшись.

– Ленка! – говорю. – Это не ты тут чудо сотворила?

Она голову высунула – разохалась. Не она.

– Эх, ты, всё проморгала! – говорю. – Не видишь, белым по чёрному написано: здесь был Фёдор! А ты-то и не проснулась.

Ленка вскочила, спальник к палатке оттащила и по стоянкам пошла. Везде чисто-чисто. А на дальней поляне мы костровище нашли, в котором сплошь банки обожжённые и заплющенные – штук сто, не вру! И поленница рядом аккуратная, пакетом прикрытая от дождя. Видно, здесь больше всего Фёдор был. Был – и ушёл...

Ленка вернулась, два сухаря в карман, бутылку маленькую воды прихватила и пошла.

– Куда ещё? – сказал Борька.

– На Откликной.

– Не ходи, – буркнул он. – Там такая сложность, ступишь куда не надо – и рухнешь.

– А с тобой можно? – спросила она.

– Со мной хоть на край света, – ответил Борька. – Но это если мне захочется. Если передо мной извинятся по-хорошему.

– Если с тобой можно, то и без тебя можно, – сказала Ленка. – Айда, Вадька! Где твой фотоаппарат?

Стали карабкаться. Ленке непременно надо на самый верх. Вчера на Круглице дрожмя дрожала, а тут в такие щели лезет, что оторопь берёт. Как вернёмся – непонятно. Я уже лез от безысходности за нею, чтоб одному не остаться.

– Ленка, ты чего такая?

– Может, мы его увидим сверху, – сказала она.

– Кого? – удивился я. – Что ли, Фёдора? Ты, никак, Ленка, влюбилась, а?

– Не твоё дело, – сказала она.

Значит, так и есть...

Ну вот, а я за нею лез, лез и всё думал... Кажется, одинаковые камни как внизу, так и наверху, но разница между ними есть. Потому что с каждым шагом в высоту растёт ответственность. Внизу я прыгну даже на шатающийся камень, уповая на тот один случай из пяти, что авось всё будет нормально, ну а нет – так нет, невелика беда. Как дело в гору пойдёт – я уже только за тот камень возьмусь, который на девяносто процентов надёжен. А на самом, самом верху, где под ногами – бездна из бездн, мне нужен только тот камень, который на все сто надёжен. А если нет такого, я лучше сто раз подстрахуюсь и другие пути поищу.

И ещё я вот о чём думал: если сорвусь я или Ленка – ну, поплачут родственники, приятели... А если, братцы, Фёдор сорвётся, по нему весь Таганай каждой травиночкой заплачет. Вот какая у него должна быть ответственность – даже внизу, даже внизу...

Ну, а если нет ни одного камня надёжного, а наверх надо во что бы то ни стало? Не просто так, как мне сейчас, а человека спасти, например? Что тогда... Эх...

Влезли мы почти на самый верх, я панораму отснял. Горы еле видны в дымке, уж какой там, извините, Фёдор. Только птица дозорная летит от Откликного к Круглице. Ленка решила подождать – не замрёт ли где птица? Уж не вообразила ли Седова, что это птица Фёдора? А та круг сделала и обратно от Круглицы к Откликному. Охраняет Долину сказок, охраняет гребень, гору охраняет. Всё видно ей с высоты птичьего полёта. И где Вася проломился, и где Фёдор прошёл. Эх, полететь бы с нею!..

Когда мы спустились, обнаружили, что палатки нет, только клеёнка от дождя, консервы потяжелее, канистра с водой. К пихте топором записка пришпилена та самая, только обратной стороной, и написано: «Раз вам и без меня можно, не буду вас больше обременять. Привет Фёдору».

– Здесь был Боря, – Ленка покачала головой, вынула топор, смолой рану замазала, стоянку полила драгоценной водой, оставила нам только пару глотков.

Высылаю текст своего рассказа, заверенный, как Вы просили, на каждой странице. Пунктуация авторская, не изменять. Иллюстрации авторские, также прошу их не подвергать обработке. Данные материалы продублированы в электронном виде (в электронном виде – иллюстрации отдельно, TIF-файлы).

Грачева Екатерина, 27 июля 2005 г.

– Пойдём домой, Вадька. Мы с тобой пока что не следопыты, а ты ещё, бедняга, со своими гландами.

– Переживут мои гланды, – сказал я. – А вдруг Фёдор опять в Долине сказок? Надо идти и его искать!

– Не твоё дело, – опять сказала она.

Не моё так не моё. Мне-то, конечно, проще не искать. Унесли мы консервы на плоский камень возле главной тропы. А хлеб, который там лежал, взяли.

– Зальёт дождём – испортится, – объяснила Ленка.

Топор в руки – и пошла, как воительница, только что без кольчуги. А надо было торопиться: последняя электричка в восемь идёт.

Неслись мы, наверное, как солдаты на марш-броске. Как мы до автобуса по пыли дотацились, как до электрички доползли-добежали – сам не знаю. Уселись на лавке, ноги вытянули и в себя приходим. А как отъехали, минут через десять Борька сияющий появился.

– Молодцы! Экзамен на выживание сдали!

Я на такое дело даже слов не нашёл. А Ленка сделала вид, что его не видит и не слышит – дескать, уснула. Только в Челябинске уже проснулась, топор на сгиб руки повесила, как заядлый дровосек – и пошла.

– Топор-то отдай, красавица, – хмыкнул Борька.

– Я его на стоянке нашла, – сказала Ленка. – Мужчина, отойдите, не загораживайте дорогу.

– Ладно, – щедро сказал Борька. – Дарю. На память обо мне.

Конечно, топор потом ко мне переехал, к брату моему, а там к хозяину вернулся. Борька с усмешкой замотал свое имущество в тряпку и унёс домой. Мне было грустно. Мне было грустно, я не мог понять, почему я не люблю Борьку, когда он столько всего для нас делал: и грузы нёс, и еду варил, и заботился, а уж на Ленку он вообще целый чан нежности излил между делом. Но потом я наконец понял, почему: потому что он всё это делал ради себя самого. Чтобы Ленка его обожала, чтобы я его обожал, чтобы он сам себя обожал...

Но это совсем не конец истории, а можно сказать, начало. Ленка с того дня сделалась великим туристом, купила топор, котелок, карту, научилась этот топор натачивать и костёр с одной спички разжигать или даже с углей. Всё за один неполный август.

В следующее лето излазила она и Таганай, и Шихан, и что только могла. Представьте себе, искала своего Фёдора! Увидит грязную стоянку – очистит, увидит чистую – бежит во все палатки заглядывать. Появилось у неё приятелей несчитано: и Миши, и Гриши, и Даши, и Маши, и кто хочешь, и даже один Фёдор, да не тот. Я сам некоторых её Миш-Гриш видел, кто челябинские были – замечательные парни и культурные туристы, и честно говоря, никак я не понимал, отчего ей этот незнакомый Фёдор так в душу запал, чтоб его настолько отчаянно разыскивать. Она уж и администрацию Таганайскую расспрашивала, но там про этого Фёдора не слышали, зато рассказали, что вот этим-то маленьким пихтам вообще лет по четыреста бывает. И что стоять на Откликном и эти пихты на дрова брать – самое натуральное злодейство. Говорят, ставили щит, писали на нём всё это, но кто-то этот щит на дрова же и пустил. Вот люди! После них хоть потоп!

А Фёдор – знаете, когда я вижу что-нибудь чистое и красивое, мне теперь часто приходит на ум эта фраза: «Здесь был Фёдор». Фёдор – знаете ведь? – это «божий дар» означает. И во мне самом тоже с тех пор, если хотите, «был Фёдор». Был и остался, посеял себя – и пророс, не сразу, но понемногу пророс, как вот те берёзовые веточки сквозь старый ствол. И никому я его не отдам теперь. А если даст он семена дальше – это будет вообще замечательно.

«Короля на дозоре» я себе на стол под стекло положил. Чтоб помнить – и о Долине сказок с вековыми елями, которую охранять надо, и о всех братьях меньших, обо всём, о чём я и сказать здесь не смог. А ещё мне очень нравится, что стоит мой король спиной и лица не показывает. И потому он вне времени и вне имён – понимаете? Если не понимаете, то жаль. Значит, я не сумел рассказать. А ведь это самое главное!

Осталось написать только то, что вчера я его встретил. Искала Ленка, а встретил я.

Вчера было воскресенье, и я пошёл прогуляться на набережную Миасса. Там такие холмы дальше краеведческого музея, я их люблю. Загулялся и замёрз, и вздумалось мне тогда к Вечному огню прийти погреться. Может, это кому-то покажется дерзким, но по-моему, Вечный огонь для того и Вечный огонь, чтобы как солнце светить всем живым, кто в нём нуждается. Я в нём нуждался очень.

Но когда я пришёл, меня ожидало потрясение: Вечный огонь не горел! Такого я ещё не видел. Неужели у города нет денег его содержать, и его выключили? Фонтаны строим, металлического нищего посреди дороги посадили от большого ума, а вечный огонь – погасили?!?

Мне захотелось тут же пойти в администрацию с протестом, и я начал думать, работает она в воскресенье или нет. Но я недолго волновался. Потому что скоро увидел, как быстрым шагом идёт от киоска к литой звезде человек. И с этим человеком точно целый кусок пространства невидимо приближался, пространства, полного твёрдой веры в лучшее будущее.

– Фёдор! – воскликнул я.

– Подержи, – он сунул мне в руки свой тулупчик, закатал до локтя рукава белой рубашки, вытащил из центра звезды остатки снега и мусора, кем-то туда накиданные, а потом достал зажигалку, и газ полыхнул большим факелом. Я испугался, но Фёдор только отскочил и потёр руку, которую облизнул огонь. Я подбежал посмотреть на его руку и увидел, что на ней сгорели все волоски. Фёдор поймал мой взгляд, рассмеялся и показал другую руку, которую, похоже, он опалил неделю-другую назад.

– Это чепуха, – сказал он. – Ты меня откуда знаешь?

– А помнишь, ты расчищал стоянки на Тагане?

Фёдор развеселился ещё больше, и я понял, что это для него не ориентир. Потом он пригляделся пристально и говорит:

– А ты случайно не Вадим Яшин, а?

Я так был всем потрясён, что даже забыл удивиться, откуда он моё имя знает. И с жаром принялся говорить ему про Ленку, которая его ищет по всем горам. Он слушал внимательно, а потом почему-то стал сильно улыбаться.

– Что тут смешного? – насупился я.

– Да что-то мне почему-то прохладно, – весело сказал он, и тут я сообразил, что в пылу своих речей до сих пор не отдал ему тулуп. Я застеснялся, а Фёдор оделся и говорит:

– Ну, пошли.

– Куда? – не понял я.

– Да к Ленке твоей, куда ещё?

Я подумал, что это логично, и повёл его к Ленке. Но настроение у меня разом испортилось и вся сказка пропала. Он у киоска хлебного приостановился, печенье какого-то купил.

– А почему не цветы? – ехидно спросил я. – Девушки любят цветы.

– Цветы надо любить в лесу, – сказал Фёдор. – А в городе лучше любить печенье.

Ленка дома была. Открыла и замерла.

– Два замерзших бродяжки явились зимой и спросили горячего чаю, – нараспев продекламировал Фёдор. – Я зачем-то впустила бродяжек домой, а теперь уже выгнать не чаю...

Ленка «отмерла», рассмеялась и убежала на кухню. Я недовольно отметил про себя, что он за словом в карман не лезет. Меня вообще в нём теперь всё сердило. Он отнял у меня моего короля! Он оказался заурядным парнем, таким, как все, которые просят меня познакомить их с Ленкой!

Я повернулся и хотел уйти, но Фёдор невзначай поймал меня и ловко подтолкнул внутрь.

На кухне разговор зашёл, конечно, о самом интереснейшем: о художнике Стасове, репродукция которого у Ленки на кухне висела, и о каких-то передвижниках. Фёдор сидел в своей очень белой рубашке с галстуком, из которой торчали руки лесного и горного короля, тихо говорил и сиял на всю кухню. А про Ленку и говорить нечего, как сильно её интересовали эти передвижники. Из разговора я понял, что это художники, и обиделся ещё сильнее. Нельзя, что ли, о погоде поболтать и не использовать художников в целях знакомства? Тем более что Ленке вон всё равно, что он говорит, она, наверное, и слова-то ни одного не разбирает от радости.

Высылаю текст своего рассказа, заверенный, как Вы просили, на каждой странице. Пунктуация авторская, не изменять. Иллюстрации авторские, также прошу их не подвергать обработке. Данные материалы продублированы в электронном виде (в электронном виде – иллюстрации отдельно, TIF-файлы).

Грачева Екатерина, 27 июля 2005 г.

Ленкина всезнающая мама тоже заглянула на кухню, поздоровалась, оценила ситуацию и довольно намекаяще на меня поглядела. Я допил свой стакан чаю и сказал:

– Ладно, я пошёл, у меня дела.

Фёдор посмотрел на меня насквозь и говорит:

– Мальчишка ты ещё, Вадим Яшин, хоть и мастер кадра, прости великодушно. Нет у тебя никаких дел. А вот у меня к тебе есть дело. Представь себе такую книжку. На одной странице – очень крупным планом погибающая трава, безнадежно замусоренная щепками, видно, как силится она распрямиться, но не может. А справа – та же трава наутро, ночью очищенная да политая доброй рукой, изо всей своей изумрудной силы к солнцу тянется. Если б ты знал, Вадим Яшин, как ты мне нужен. Когда бы я тебя сегодня не встретил, так встретил бы во вторник в кружке, потому что видел я сегодня во Дворце твои снимки...

– Да ладно, – говорю сердито, – я не маленький. Снимки снимками, а Ленка Ленкой. Позвони мне потом, она даст телефон, а сейчас я пошёл.

– Ладно, – сказал он тогда. – Раз так, до свидания. Я-то думал, ты человек и художник, а ты, получается...

Не договорил, встал, руки в брюки – померк лицом и отвернулся в окно.

С подмёрзшего окна лился снежный свет. Я смотрел на огорчённую спину моего короля в этом контровом с блёстками свете и думал, что я, может, правда чего-то не понимаю. Теперь уйти стало неудобно и остаться тоже неудобно.

– Вадька, – сказала находчивая Ленка, – не в службу, а в дружбу сделай одно доброе дело, а?

– Какое? – проворчал я.

– Если только тебе не трудно, сбегай до телефона-автомата и пригласи к нам Нику, так чтобы она обязательно поскорее пришла. Сможешь? Я тебе карточку дам.

Я взял карточку и пошёл вызванивать Нику. Ника сочиняла стихи про природу. Они бы очень подошли к такой книжке, про которую говорил Фёдор.

Что я так озлился на него? Почему он должен был оказаться каким-то необыкновенным, как я себе его вообразил? Парень как парень. Хороший парень. Что ж в этом плохого? И какой же такой он должен быть, чтоб меня это не сердило?

Не знаю...

Потом я вернулся, так они всё ещё обсуждали передвижников. Я даже засомневался: это всерьёз они, что ли? Потом пришла Ника с маленьким сыном и стихи читала. А ещё Фёдор рассказывал – столько всего, я даже не упомяну. Потом завечерело, Ленкина мама нас выгонять стала, мы с Фёдором Нику проводили и опять к Вечному огню пошли.

В Вечном огне сидели два бездомных ребёнка, мальчик и девочка, грелись и нюхали пакеты. Когда мы подошли, они убежали.

– Как им помочь? – спросил я.

– Стать огнём, – сказал Фёдор. – Когда холодно, люди приходят к огню.

– Вот мы сделаем книжку, а разве они её увидят? – спросил я.

– Делай то, что ты в силах делать, – сказал Фёдор. – В мире очень много несовершенства. Ты не сможешь исправить всё, и никто не вправе потребовать с тебя этого. Главное, делай хоть что-нибудь, то, что ты можешь делать... У тебя талант, Вадим. И ты в ответе за то, чтобы суметь принести его на благо мира.

Эти слова меня потрясли. Мне говорили, что у меня талант, а я при этом обычно вспоминал Пушкина: «хвалу и клевету приемли равнодушно», – и старался просто принимать это как должное. Но ещё никто не говорил мне, что я в ответе за этот талант!..

Я смотрел на Фёдора и снова видел моего короля. Куда и почему я потерял это видение сегодня днём?

Мы стояли долго и думали каждый о своём, а может быть, и об общем, одном на всех, которое не погаснет.

Но тут опять словами не скажешь. «Здесь был Вася» можно буквами накорябать, и все прочтут, и всем будет всё видно и понятно, что за Вася. А вот «здесь был Фёдор» только на другом языке внятно звучит. На том, который без слов.

август 2003

Откликной – Круглица

С волчьей выюгой на дрезине
Быстрым ходом по железке,
В сельском горе-магазине
Взяв сивухи. Перелески,
Темень, звезды-одиночки
Светят. Еду, отдыхаю.
Вроде сгнили заморочки,
Хмель наяривает с краю.
Зимний путь. Гиперборея.
Избы, кладбища, чащоба.
Мерзнет сломанная шея.
Шарф посеял – не особо
Жалко. Выюга, улыбайся
(Что вдвоем – неисправимо),
Бей в затылок, кувиркайся...
Кнопка... Взрывы... Херувимы...

В каждом бездарном поэте вижу себя...
Или бичует меня завалающая совесть?
Можно, наверно, прожить еще не любя,
Но, вот такая судьба, постоянно готовясь.

Выжившие после артобстрела,
Кровь свою в руинах откопали.
Часть ее уже окаменела –
Черные зловещие скрижали
В почву засадили. Вдоль проспекта
Тянутся рисунки-силуэты.
Мы – уничтожаемая секта,
Но – неубиваемые. Где ты,
Солнце (первобытная химера)?
Катится бухающее лихо.
Ручкой выцарапываю: «Вера».
Сбоку уговаривают: «Тихо!»

Леса полны игрушечных зверей.
Снег начинает вынужденно таять.
Шумит себе взрослеющий Борей,
Но... усыхает плюшевая память –
Искусство жить не вдумавшись. Гляди,
Птиц заменяют грубые фигуры.
Несет вода горящие ладьи,
Щепки, бутылки, образы культуры.
Дождемся цвета. Осень-листопад –
Что? Эпилог. Короча – деревяшка.
Короча – все. Пластмассовый парад.
Я – манекен, а может, чебурашка.

На перекрестке перестрелки
Всегда одни.
А вертолеты... в переделке
Большой. Огни
Не рикошетят, промежутки –

Сырой асфальт.
Слух выживающего чутко –
Играет альт,
Так по-хорошему внезапно
В моих мозгах.
Дооглядевшись плотоядно,
Садится птах
Опознающий не успевших
Залечь в газон.
Я не люблю железных певчих
И их сезон.

Прозреваешь, когда не верится
В тишину и другое теплое.
Хоть еще дорога изменница,
Основное уже поблекло.
Прозреваешь, когда служивые
Разошлись, а тебе – последнему.
На снегу не совсем красивые,
Что одетые... так, по-летнему.
Прозреваешь, когда печатают,
Величают, паршивцы, гением.
«Суета», – говоришь, десятую
Намахнув за ее спасение.
Прозреваешь, когда союзные
Обернувшись опять баскаками,
Ухмыляясь в глазенки юные,
Затравили, козлы, собаками.

Из переулка вырывался ветер
Распространяясь в бледнолицых окнах.
И горизонт был по-январски светел.
И ничегошеньки на всех полотнах –
Соединение замерзших радуг,
Соединение живых молекул.
Что пустотища... Из воздушных складок
Мы проявляемся здесь век от века.

Горнист, играй отбой –
Уплываем в подземелье.
Идем туда гурьбой,
Запиваем новоселье.
Чего теперь кричать?
Не прошляпить бы друг друга...
Уже стоит печать.
Суховой кочует с юга.

В замерзшем Екатеринбурге
Живет Свердловск.
На выцветшей какой-то бурке
Ночует. Воск.
Сгорающих, недолюбивших
Несет к себе.
Спокойствие перезабывших
В его судьбе.

Быть ли на родине Петра Ершова музеем?

В 2005 году исполнилось 190 лет со дня рождения великого русского сказочника, автора знаменитого «Конька-Горбунка».

В краеведческом музее города Ишима мне рассказали такую историю. Как-то учительница из деревни Безруково Ишимского района побывала на экскурсии в Тобольском музее. Представляя экспозицию, посвященную Петру Павловичу Ершову, экскурсовод сказала, что родом великий сказочник из Тобольска. «Но он родился под Ишимом», – робко заметила учительница. Экскурсовод недоуменно пожала плечами...

Ошибка неувидительна. Тридцать три года, отданные автором «Конька-Горбунка» Тобольску, отодвигают на второй план тот факт, что родился он в деревне Безруково Ишимского округа. Увы! – даже земляки долгое время не вспоминали о «рожденном в недрах непогоды, ...питомце северной природы», как писал о себе сам Петр Ершов. Лишь с 1965 года родная деревня поэта носит его имя, а в школьном музее открыта большая экспозиция, посвященная великому произведению и его автору, а на месте, где когда-то стоял дом Ершовых, высится деревянный крест, поставленный силами энтузиастов – сотрудников Ишимского музея. Пожалуй, это единственный уцелевший, хотя и очень скромный, памятник «писателю, поэту, педагогу и человеку, общественному деятелю и гражданину Тобольска» – так пишут о Ершове в биографических книгах.

Жизнь Петра Павловича Ершова поистине драматична – даже для русской литературы, где что ни имя, то трагедия. Беды и удары судьбы преследовали его на протяжении всей жизни. Из четырнадцати детей Павла и Ефимии Ершовых чудом выжили лишь двое: Петр, появившийся на свет в 1815 году, и Николай, родившийся двумя годами раньше. Известно, что Петруша появился на свет слабым, и, боясь, что ребенок умрет некрещеным,

Храм Петра Столпника в начале XX в.

родители поторопились окрестить его в ишимском Богоявленском соборе – именно к нему была приписана деревня Безруково. (В Тобольске тоже есть Богоявленский собор. Не потому ли местные историки так часто делают ошибку, приписывая Тобольску славу появления на свет автора «Конька-Горбунка»?)

Петру Ершову было восемнадцать, когда в Петербурге от неизвестной болезни скончался его отец, спустя год – брат Николай. В том, 1834 году к нему уже пришла слава. Сказка «Конек-Горбунок» получила признание Пушкина, Жуковского. Автор обласкан литературной богемой, сближается со многими видными в то время литераторами. Смерть единственного и любимого брата подкосила Ершова. Здоровье его пошатнулось, и мать, Ефимия Васильевна, настояла на их возвращении в Сибирь, в Тобольск, где жили ее родные. Для молодого, начинающего, но уже весьма известного автора, это означало конец литературной карьеры.

В апреле 1838 года уже в Тобольске умирает Ефимия Васильевна, последний близкий Ершову человек. «...Телесный состав мой год от году слабеет, – пишет он осенью 38-го года, – а настоящее одиночество поможет докончить его расстройство. ...Один и опять один!» В одной из книг о Ершове приведено свидетельство, что в начале сороковых годов поэт покушался на самоубийство.

Не был до конца счастлив Ершов в личной жизни.

ни. Он был женат трижды. Похоронил двух жен, а из пятнадцати или шестнадцати детей выжили только шестеро – какой-то злой рок висел над родом Ершовых.

Не складывается карьера: служебные неудачи преследуют одна за другой. Жизнь свою в Тобольске Петр Ершов называет «одиночеством в глуши», но вырваться в столицу, чтобы посвятить себя служению «забытой им музе», уже не представляется возможным.

В августе 1869 года великий русский сказочник скончался в Тобольске. После его смерти в конторке была найдена лишь медная пятикопеечная монета...

Мало кто знает, что Петр Павлович Ершов не просто родился под Ишимом и жил в Тобольске. Все его корни – в этой суровой земле. Прадед поэта упоминается среди офицерского состава войск старой Ишимской укрепленной линии. В 1741-1754 годах она состояла из деревянных крепостей – острогов Царёва городища (Курган), Коркинской (Ишим), Аббатской и тянулась до Чернолущья на Иртыше. Между крепостями располагались форпосты. Один из них был основан в деревне Безруковой, в 15 км от Ишима. В одном из документов упоминается, что командиром этого отряда одно время был некий Ершов.

Дед поэта, Алексей Ершов, служил уже на новой укрепленной линии, построенной в 1751-1755 годах. Он имел чин прапорщика и занимался обучением новобранцев в Сибирском драгунском полку крепости святого Петра (г. Петропавловск). Отец поэта Павел Алексеевич, тоже служил в войсках Петропавловской укрепленной линии. Затем его выдвинули на значительный по тем временам пост Омского капитана-исправника, а через два года перевели в Ишимский уезд главой Черемшанского комиссариата, центр которого находился в деревне Безруковой. Безрукова оставила заметный след в жизни Ершовых, – с ней не порывали ни прадед,

ни дед, ни отец. Сам Ершов вспоминал, что он родился в «старом скрипучем доме».

Связаны были Ершовы и с Ишимом: в госархиве Омской области есть сведения об ишимском доме Ершовых, причем связаны эти данные с одним, должно быть, из первых автодорожных происшествий в городе. Вот что сообщал ишимский исправник Каргопольцев генерал-губернатору И.Б. Пестелю 11 мая 1818 года: «В полночи в 5 часов мая 10 числа из калмык дворовых господина коллежского секретаря Павла Алексеевича Ершова человек Николай Самсонов поехал из дому господина своего в городе Ишиме на двух запряженных в телегу с насыпанным в оную ячменным хлебом лошадях в село Безруковское Ишимской округи, и при выезде из города... оные (лошади) побежали обратно к дому и... смяли идущую дорогой... крестьянскую жёнку Ирину Колобову, которая тогда же и померла».

Мать Ершова – Ефимья Васильевна – происходила из богатого купеческого рода Пиленковых. Род этот тоже тесно связан с Пришимьем. Прадед, Семен Пиленков, «стоял у продажи казенной соли и вина» в Усть-Суерском остроге Ялуторовского дистрикта. Позднее был гильдейским старостой (то есть старостой купеческой гильдии), а когда Коркинскую слободу возвели в ранг города (Ишим), баллотировался в городской магистрат и был избран ратманом.

Так что предки великого поэта немало сделали для развития Сибири. Но вот что удивительно: имя Ершова вплетено не только в историю Тюменского края – в истории русской культуры, литературы и науки оно оказалось тесно связанным с именами других великих русских людей. Тут уж не скажешь «Тюмень – большая деревня», скорее, большой деревней можно назвать всю Россию.

Только один пример. Петр Ершов учился в Тобольской гимназии, где директорствовал И.П. Менделеев-отец, позднее сам учил Митю Менделеева – будущего великого химика. Падчерица Ершова Феозва – Физа стала женой Дмитрия Ивановича. Дочь Менделеева, Любовь Дмитриевна, хотя и от второго брака, вышла замуж за Александра Блока. Вот так протянулась ниточка из века девятнадцатого в век двадцатый, от одного поэта к другому, от одной трагической судьбы – к другой.

Удивительно, но людская неблагодарность, по всей видимости, не знает временных границ. «Бессмертной сказкой» называют «Конька-Горбунка», но при этом... неудачи преследуют поэта и после смерти.

Начиная с 1911 года были попытки издать Полное собрание сочинений Петра Ершова, но все они не увенчались успехом, архивы же, переходя из Тобольска в Санкт-Петербург, от одного человека к другому, исчезли, растворились во времени и пространстве. Неизвестна судьба большого ко-

Рисунок храма из журнала «Нива», 1898 г.

личества писем Ершова, которые хранились у его биографа и однокурсника А.К. Ярославцова, поскольку архив последнего также утрачен. На протяжении последних тридцати лет никто не занимался изучением творчества поэта. В Тобольске, где поэт провел большую часть своей жизни, в городе, который так гордится своим родством, иначе не скажешь, с автором «Конька-Горбунка», нет ни музея Петра Ершова, ни памятника: «благодарные» потомки уволокли с постамента бюст из кованой меди, а восстановить все никак руки не доходят. Лишь скромная гранитная пирамидка на Завальном кладбище, где похоронен поэт – куда ему до «новых русских» с их помпезными мемориалами! Знать, их значение для России выше... А вокруг скромной могилы на Завальном кладбище Тобольска нет даже белоствольных березок, в сени которых упокоился многострадальный сказочник.

Вот и в деревне Ершовой (бывшей Безруковой) разрушили церковь, которая была построена на месте дома, где родился поэт, в память о нем и его отце, во имя Петра Столпника – святого, чьим именем был наречен Ершов, и по настоятельной просьбе крестьян деревни Безруковой.

Факт этот был известен еще в 19 веке и впервые упомянут в биографии Петра Першова, написанной его другом и однокурсником Андреем Константиновичем Ярославцевым. Но вот беда! – за последние сто лет эта биография ни разу не переиздавалась, а советские авторы, естественно, о церкви-памятнике не упоминали из известных соображений. А жаль! Может, тогда не свершилось бы это кошунство: безруковскую церковь, единственный памятник Петру Ершову, разрушили в 1969 году – в столетнюю годовщину смерти поэта!

Написала слово «единственный» и задумалась: а не преувеличиваю ли я? Пожалуй, нет. Ни в Петропавловске, ни в Омске, ни в Берёзово (а именно в этих городах прошло детство Ершова) не сподобились увековечить его память. Пять лет назад старший научный сотрудник Ишимского краеведческого музея Надежда Леонидовна Проскурякова добилась, чтобы в деревне Безруковой, на месте, где находился дом Ершовых, а позднее храм, поставили памятный деревянный крест. Наверное, этим бы все и ограничилось, если бы...

Но здесь нужно сделать маленькое отступление. До последнего времени считалось, что все, что связано с именем Петра Ершова, уже найдено. И вдруг...

Татьяна Павловна Савченкова, филолог, доцент Ишимского пединститута, работала в фондах Тобольской духовной консистории. И совершенно случайно в описях второй половины XIX века обнаружила упоминание о строительстве храма в Безруковой. Название «Дела» под номером 231 гласило: «О разрешении крестьянам деревень Безруковой и Завьяловой выстроить вновь церковь в деревне Безруковой».

Надо знать и любить Ершова, чтобы понять ценность этой находки! Для любого другого исследо-

Храм Петра Столпника.50-е гг. XX в.

1965 г. в день разрушения храма

вателя название деревни – пустой звук. А Татьяна Павловна открыла архивный документ и через секунду поняла, что совершила научное открытие: перед ней лежало прошение о строительстве храма, написанное рукой Петра Павловича Ершова! Всего в той папке она обнаружила шесть ранее неизвестных автографов поэта! И – проект церкви, разработанный известным тобольским архитектором Дмитрием Черненко (кстати, автором проекта тобольской тюрьмы).

Найденные документы подтвердили: строительство храма в Безруковой не только было, как бы сказали сегодня, народным волеизъявлением, но и делом последних лет жизни автора «Конька-Горбунка».

В «Биографии» А.К.Ярославцова приводится цитата из письма Петра Павловича Ершова жене Елене. 23 ноября 1858 года он пишет: «В 6 часов мы были в Безруковой, месте моего рождения, и пили чай. Тут явилось несколько крестьян с сельским головой, с просьбами оказать содействие – соорудить в Безруковой церковь. Они хотят составить приговор – в течение трех лет вносить по одному рублю серебром с человека (большие по тем временам деньги! – Авт.), что в три года составит до 2500 рублей серебром. Смотритель сказал, что церковь надобно соорудить во имя преподобного Петра, и крестьяне согласились. Место для церкви они сами выбрали то, где был комиссарский дом,

то есть именно там, где я родился. Признаюсь, я целую ночь не спал, раздумывая о том, неужели Господь будет так милостив, что исполнится давнишнее мое желание и освятится место моего рождения и восхвалится имя моего святого».

И вот найденное в Тобольском архиве «Дело» объемом в 112 листов: прошения, донесения, сопроводительные бумаги и прочее, и прочее. На первом листе можно видеть прошение статского советника Петра Ершова его преосвященству Феогносту, епископу Тобольскому и Сибирскому: «...Я имею честь покорнейше просить Ваше Преосвященство о дозволении построить в деревне Безруковой церковь во имя преподобного Петра Столпника...»

Крестьяне же (вот вам настоящая демократия!) на общем собрании «вынесли суждение»: «...Жертвуем землю, потребную под сию церковь и под ограду ее... жертвуем для священника... девяносто десятин земли и обязываемся выстроить дом для священника».

Первоначально предполагалось, что церковь будет деревянной. Но в 1861 году решили соорудить каменную. Как ни странно, это объяснялось сложностями в доставке леса и «дороговизною оно-го». Кирпич же для храма делали «лучшей доброты, прокаленный, потпятный». Церковь должна была стоять не один век...

Строительство было начато в 1862 году, закончилось в 1876-м, уже после смерти Ершова, но из книги Ярославцова известно, что «заботы об устройстве церкви в селе Безруково составляли для него одно из самых отрадных занятий до последних минут жизни». Известно даже, что, живя в крайней нужде, он заложил однажды золотую цепочку от часов, а деньги пожертвовал церкви.

...Безруковский храм, единственный в России храм во имя святого Петра Столпника и единственный памятник великому русскому поэту, поставленный благодарными земляками еще при его жизни, был закрыт в 1919 году. Колокольню разобрали, купола срывали с помощью трактора. Крест при падении, говорят старожилы, ушел глубоко в землю – его так и не нашли. Легенда, конечно.

Восьмидесятидвухлетняя – старейшая – жительница деревни Ершовой Наталья Федоровна Белова рассказывает: «В церкви был зерносклад. В алтаре – сушилки в три яруса. А в углу кучей сложены иконы. На рассвете в церкви слышалось пение, – страшное пение: как будто молитва, но слова не разобрать. Оно нагоняло ужас на девчонок, работавших на сушке зерна, – они выбегали на улицу и на лавочке, дрожа от холода и страха, ждали, пока голоса затихнут. А потом иконы из церкви вывезли. И песнопения прекратились».

Наталья Федоровна подарила Ишимскому музею единственную уцелевшую и принадлежавшую безруковской церкви икону. В тридцатом году она нашла ее в грязи, вымыла в речке и принесла домой: мама, посмотри, какая икона! Мать только охнула, схватившись за сердце: на сохранившейся

срединной части хоругви был изображен покровитель церкви – святой Петр Столпник! Не символично ли?

Долгое время храм стоял заброшенным. Потом его стали растаскивать по кирпичикам, а в 1969 году кому-то очень руководящему пришло в голову окончательно избавиться от этого пережитка прошлого. И 20 июня 1969 года храм во имя Петра Столпника прекратил свое существование...

На этом можно было бы поставить точку. Но история продолжается. Найденные в Тобольской духовной консистории документы научные сотрудники Ишимского музея, в первую очередь Надежда Проскурякова и Татьяна Савченкова, расценили как знак свыше: восстановление церкви в Безруковой, а ныне в деревне Ершовой, стало бы достойным подарком к 190-летию П.Ершова, и возвращением исторической справедливости.

Давайте будем откровенны, разве есть на тюменской земле литературная звезда большей величины, чем Петр Ершов? Звезда не только русского, но и мирового масштаба. И разве не достоин поэт, писатель, педагог, просветитель, как пишут в официальных биографиях, возрождения памятника, поставленного ему еще современниками?

Вопрос риторический... По крайней мере, для ишимских краеведов совершенно очевидно, что в Ершовой нужно создать литературный заповедник, подобный Михайловскому или Ясной Поляне. И начать необходимо с восстановления храма.

Могила Ершова в Тобольске
на Завальном кладбище

Земля алыпов, или

Витязь в золотом шлеме

Археология, пожалуй, самая романтическая наука из всех наук. Ученые подсчитали, что по земле прошло около 7 тысяч поколений – и большая часть из них не оставила после себя картин, книг или фильмов. Человечество плохо помнит себя. Единственное средство от этого беспамьяства – археология, упрямый поиск и толкование следов прошлой жизни, которые бесстрастно сохранила земля.

«Жил у нас в Кудаше, давно уже, беспокойный человек – во всякой деревне такой найдется. Повздорил он на окраину деревни ходить на одно гиблое место – нечто чтобы холм, а участок, поросший разнолесьем, – видно издалека. Старики называли это место «земля алыпов».

Однажды под старой березой в этом лесочке открылась яма – мужик ее и раскопал. И нашел там старинный золотой шлем. Обрадовался, забрал шлем себе домой.

И стал ему каждую ночь сниться сон: приходят к нему высокие воины – те самые алыпы, велют вернуть шлем, где взял. Истерзался человек, замучила его совесть, напугали ночные гости, и отнес он шлем обратно, под старую березу».

Археологи, которым часто приходится иметь дело с кладами, знают, что старинные легенды нередко совершенно правдивы и порой сулят настоящие открытия...

Кудашевский могильник

Пермский край необычайно богат древностями. В 1989 году разведочным отрядом Камско-Вятской археологической экспедиции Удмуртского государственного университета во главе с Ольгой Алексеевной Казанцевой, кандидатом исторических наук, доцентом кафедры археологии, у деревни Кудаш, в той самой загадочной земле алыпов, был обнаружен древний могильник IV-V вв. н.э.

Алыпы – с древнетюркского – это герои, богатыри, витязи. А появились они в здешних лесах в тревожное и беспокойное время, которое историки называют эпохой Великого переселения народов. Тогда Евразия на столетия превратилась в великую кочевую страну – недаром ученые называют этот период Этнической революцией. Из ее горнила вышли новорожденные европейские нации и государства, и навсегда исчезли гунны, авары, хазары, печенеги...

Вслед за германцами, хлынувшими в IV веке в Римскую империю, пустились в дорогу иные племена Евразии: гунны, славяне, аланы, позже арабы,

тюрки, еще позднее – евреи, норманны, мадьяры.

Одни пропали без вести на дорогах истории, как хазары или печенеги, другие стали основой европейских наций, третьи оказались в неведомых землях, где погибли в стычках с местными жителями или осели, – и кто знает, может быть, жили на новой родине долго и счастливо.

Кудашевские курганы в лесных дебрях Прикамья – как раз примета странников, людей нездешних прищлых. Тайна алыпов еще не разгадана: одни ученые считают кудашевских воинов праславянами, другие убеждены, что в прикамские леса доскакал отряд готов-разведчиков.

Кто ты, витязь?

Но в то же время исследователям известно многое, что, казалось бы, навсегда скрыто за завесой времен.

По материалам более сотни изученных погребений известно, что кудашевские «герои» носили железные панцири, украшенные бронзовыми заклеп-

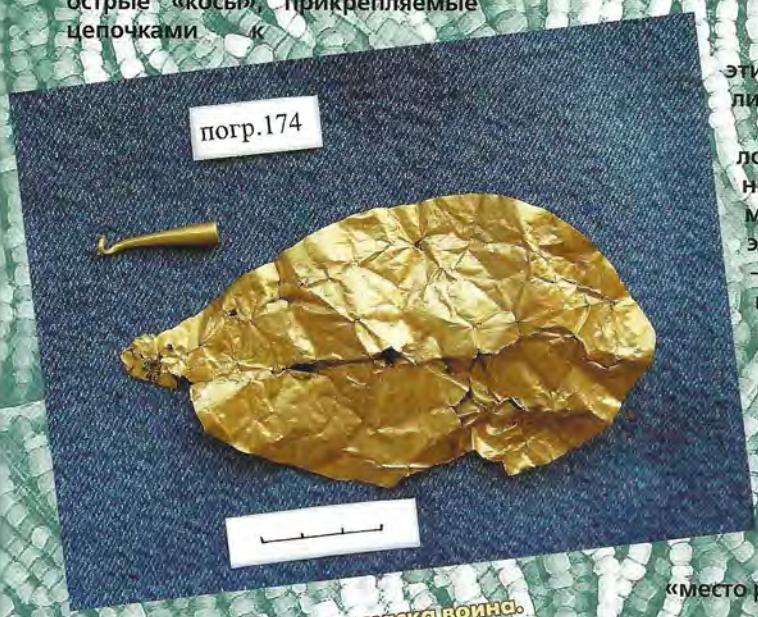
ками и пластинками, бронзовые и железные шлемы, и спускались с этих шлемов на могучие плечи сетчатые бармицы. Владели витязи мечами, копьями и луками, боевыми секирами – «францисками» (у готов они считались парадным оружием), и все это оружие сопровождало воинов в их последний путь.

В том самом кургане, где, по легенде, был погребен витязь в золотом шлеме, было раскопано и женское погребение – возможно, его подруги или жены. Археологам удалось извлечь из земли роскошный нагрудник, шедевр бисерного шитья, который украшал ее наряд.

Были у кудашевских переселенцев и маленькие обрядо-острые «косы», прикрепляемые цепочками

Женский нагрудник из разноцветного бисера (реконструкция)

Золотая посмертная маска воина.

эти края? счастья ли искали в чужих лесах, лихой добычи или спасения?

Бок о бок с курганами алыпов археологи обнаружили и грунтовые захоронения, соответствующие обряду коренных мазунинских племен (праудмуртов). А это значит, что Кудашевский могильник – общий, родовой для местных жителей и воинственных пришельцев. Породились, значит, иноземные богатыри и местные красавицы, и была у них общая земля, и были у них дети...

Любопытно, что современное название деревни Кудаш – древнее мужское личное имя, распространенное как у тюрков, так и у русских. Некоторые лингвисты производят от его финно-угорского «кудо», что значит «место рождения, родной дом».

железной рукояти. Таких таинственных, но, вероятно, опасных снарядов у воина могло быть до пяти штук.

Найдены в погребениях конская упряжь и дорогие украшения – поясные наборы из благородных металлов, золотые погребальные маски, полупрозрачные халцедоновые диски и крупные бусы, украшавшие мечи.

...Хоронили они своих соплеменников, насыпая высокий земляной курган (до 18 м в диаметре) разводили вокруг насыпи огромный костер и устраивали тризну, поминая ушедших кровников. Врагами или друзьями пришли алып в

Бусы кудашевских красавиц.

Тункинская долина

При упоминании о Сибири обычно у обывателя в уме возникают образы Алтая и Байкала, как своего рода знаки этого обширного региона нашего Отечества. Но Сибирь велика и многолика даже в замечательных творениях природы: долины реки Лены с живописными скалами на ее бортах, Красноярские Столбы и водопады на реках Эвенкии, Торейские озера на юге Забайкалья или замечательные виды по дороге из Минусинска в Кызыл. Да и около самого Байкала, так притягивающего к себе любителей путешествий, имеется много спутников, равных ему по красоте и действующим облагораживающе на человека. И в ряду этих спутников первой мы должны поставить Тункинскую долину. Да она и действительно является его спутником: расположена рядом и тесно связана с ним географически.

От юго-западного окончания Байкала, где расположено старинное сибирское селение Култук (и название его говорит само за себя – угол), на запад более чем на 200 км протягивается переменной ширины межгорное понижение между хребтами Хамар-Дабаном и Тункинскими Гольцами, удивительное по многообразию географических ландшафтов, – это Тункинская долина, или рифт, как говорят геологи, которая составляет основу одноименного национального парка. По всей протяженности Тункинской долины, или просто Тунки, проложен хороший, по нашим понятиям, тракт, сое-

диняющий Иркутск и Улан-Удэ с самой Тункой, Окинским районом Восточного Саяна и Северной Монголией, где он выходит на берег брата Байкала – озера Хубсугул, отметка воды в котором более чем на километр выше уровня сибирского брата. Совершим же, читатель, поездку по этому Тункинскому тракту и не будем торопиться по двум причинам. Во-первых, стоит обстоятельно познакомиться с самой Тункой, и, во-вторых, на некоторых участках асфальтовой дороги машина водителя-ухаря начинает скакать и прыгать – это следствие волнообразных деформаций под действием вечной мерзлоты. С ним борются, но природа предлагает новые...

Тункинская рифтовая долина представляет собой часть так называемой Байкальской рифтовой зоны, где молодые тектонические процессы во внутренней части континента

протекают весьма интенсивно и, в первую очередь, выражаются в росте гор и опусканиях межгорных впадин, их которых крупнейшей является котловина самого Байкала. Это сопровождается молодым вулканизмом, выходами на поверхность минеральных и горячих вод и землетрясениями, которые обычны для Тунки, и при стечении обстоятельств путешественник может в этом убедиться лично... Сильное землетрясение было здесь в 1950 году, и у села Монды на низкогорных ступенях еще сохранились его следы – разрывы земной поверхности. На курорте Аршан, прямо над выходом минеральных вод, разорваны на величину 20 м и более террасы долины р. Кынгарги – это следы доисторического землетрясения, а около них располагается сейчас сейсмическая станция, круглосуточно следящая за подземны-

Вулканическая бомба

Заповедные земли

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

ми бурями; а равной силы землетрясений на юге Восточной Сибири ежегодно происходит несколько тысяч.

Но начнем все-таки наш путь от Байкала на запад и увидим на протяжении 200 км чередование обширных и остепненных межгорных котловин и разделяющих их низкогорных отрогов, а с севера над долиной стеной возвышаются Тункинские Гольцы с высотами до 3000 м и более с характерным расчлененным (альпийским) рельефом, выработанным древними ледниками; с юга располагаются массивные гребни Хамар-Дабана, но и здесь высота гор часто превышает 2500 м. Днище Тункинской долины постепенно повышается с востока на запад с 455 м у берега Байкала и более 1300 м у пос. Монды. Внимательный путник сразу заметит, что Тунка как бы нависает или возвышается ступенью над Байкалом, и потому дорога от озера через несколько километров быстро поднимается в гору, а долина р. Ильчи прорывается к Байкалу через Шаманскую гряду ущельем. У геолога эта ситуация вызывает массу вопросов, и их количество увеличивается, поскольку река Иркут, текущая по Тункинской долине на восток, к Байкалу, в 20 км от последнего резко поворачивает на север и уходит в горы, образуя в Олхинском плоскогорье узкое живописное ущелье, несколько раз изгибающееся под прямым углом – это так называемая Зыркузунская петля Иркуты, по которой он прорезает плоскогорье и уходит на север, впадая в Ангару.

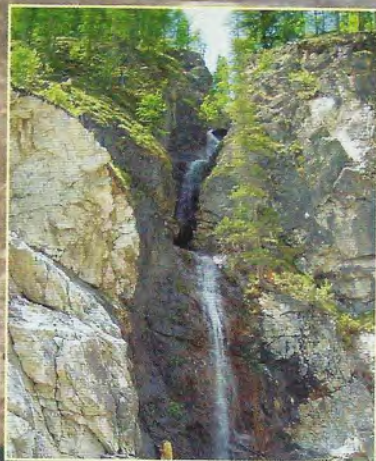
И чем это Байкал не понравился Иркуту? Тем более, что от долины последнего к озеру следует широкий и глубокий проход между гор. Этот вопрос задают себе многие исследователи природы юга Восточной Сибири на протяжении вот уже более полутора веков, а удовлетворительного ответа не

Нагромождения вулканических бомб

получают. Да и, видимо, не получают – природа старательна в хранении своих тайн, и многие из них остаются вечными, несмотря на наши старания. Но зато каждый из нас, наблюдая эту природную обстановку, может полезно всколыхнуть свое творческое воображение.

По-настоящему Тунка открывается несколько западнее, у села Тибельти, где располагается обширная Торская котловина. На спуске к ней с низкогорного острога вы впервые также знакомитесь с волнами на дороге – следами работы

Водопад под Мунку-Сардыком

Тунка – это ветровой коридор – знаки ветровой ряби на придорожном откосе

мерзлоты. Не волнуйтесь, раньше было хуже... А справа по пути мы видим сначала ступенчатый край Олхинского плоскогорья, затем остроконечные седые вершины Тункинских Гольцов – не зря же их раньше нередко называли сибирскими Альпами. Слева – основательные, массивные боковые гребни Хмар-Дабана. На склоне Олхинского плоскогорья, напротив села Торы, располагается священная белая скала, чтимая всеми – и буддистами, и язычниками, и православными, в равной мере возносящими ей хвалу с возлияниями... Это обычная ситуация – еще П.А.Кропоткин в 1860-х годах при описании Тунки упоминает, что в старой церкви на месте первого русского острога образу Свя-

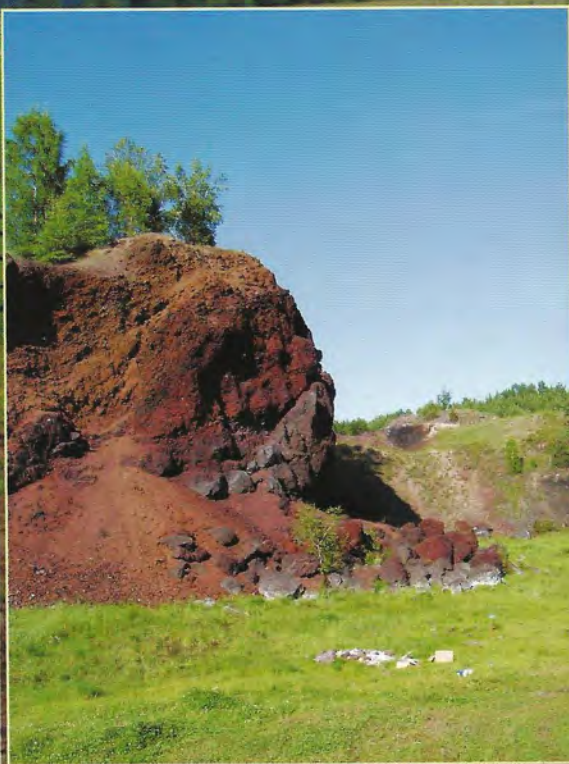
того Николая одинаково поклонялись и русские, и буряты, видевшие в нем Белого Старца. И сейчас над Иркутом у с. Никольского еще сохранились базальтовые блоки фундамента этой церкви, а рядом, у поминального креста лежат монеты, пустые гильзы и прочее – типичный способ поклонения святым местам у центральноазиатских народов.

Другое смешение севера и юга в Тунке – это деревянные восьмигранные юрты. Здесь, в сибирских горах, жить в юрте войлочной уже не столь удобно.

Но главные достопримечательности Тунки – это разнообразие памятники природы. Крупные реки – Иркут и его левый приток Ихэ-

Ухгунь, прорываясь через низкоротные отроги, образуют узкие ущелистые долины, а в руслах их часто лежат крупные скальные отторженцы. В притоках Иркуты обычны живописные водопады высотой до 8–9 м, ступенчатые каскады и быстрые, но более пологие сливы. А рядом на террасах часто располагаются ветровые, сложенные песком гряды, одна из которых, гора Хайрхан, в Хойтогорьской впадине достигает высоты 150 м и местным населением считается святым местом. В подошве ее выстроен буддийский храм. В центре Тункинской котловины возвышается в виде купола гигантский песчаный массив Бадар, поверхность которого состоит из эоловых гряд и котловин выдувания – свидетелей сильных ветров 10 – 20 тысяч лет тому назад, когда на Тункинских Гольцах существовали долинские ледники. Сейчас песчаные гряды находятся под пологом соснового бора, а пирамидальные вершины-карлинги и цирки на гольцах остались после таяния ледников.

Недалеко от курорта Аршан, над днищем Тункинской котловины, возвышаются на высоту до 120 – 140 м горы в виде усеченных конусов – это молодые вулканы. Они сложены сварными вулканическими шлаками, в которые впаяны вулканические же бомбы в форме как бы скрученных лепешек. У вулканов Харай-Хобок

Жерло вулкана

(Черского), Шунугун и Шангтай (Обручева) сохранились кратеры, из которых изливались базальтовые потоки, ныне погребенные речными галечниками. А у окраины села Хурай-Хобок в карьере можно хорошо ознакомиться со строением вскрытого жерла вулкана и обрамляющего его насыпного конуса. Здесь же рядом другое интереснейшее явление природы – это озерные разливы русел левых притоков Иркутта – Коймарское многоозерье. Они образовались при молодых опусканиях днища котловины, где речные потоки замедляют течение и как бы распластываются, заполняя тектонические опускания. В селе Тунка на глубине порядка 10 м при копании колодца были вскрыты следы хо-

Ихэ-Ухгуни из гор, а рядом где-то лает громко собака. Оглядываюсь, на улице пусто. Вновь собачий лай. И кто же это вы думаете? Сорока! Знай сидит себе на заборе и гавкает. И даже очень выразительно.

Запоминаются и тункинские грозы. Вы сидите над склоном Хамар-Дабана, над вами яркое азиатское солнце. А напротив склон Тункинских Гольцов вдруг покрывается лиловой хмарью, выкатывающейся из долин в предгорье; выше – столбами стоят белые облака. В лиловом пространстве постоянно мелькают молнии, но грома вы не слышите – далеко.

Север и юг тесно соприкасаются в Тунке. Побродив по песчаным грядам и котловинам вы-

зайственных построек, погребенных речными осадками.

Тунка – это кладовая термальных и минеральных вод. Это углекислые воды Аршана и железистые – Харагуна, горячие термы Ниловой Пустыни и Жемчуга. А в Тункинских Гольцах, в долине р. Шумак, на поверхность изливаются более 40 минеральных источников разнообразных по бальнеологическим свойствам. Большинство этих источников-аршанов являются «дикими» курортами и используются для лечения местным населением. А об источниках с чистой водой часто говорят, что она серебряная, и не упускают случая омыть ею глаза.

Замыкает на западе Тункинскую долину снежный массив Мунку-Сардыка, поднимающийся на высоту почти 4 км – это самая высокая гора Восточной Сибири, где на склонах ее находится несколько небольших ледников.

Одна из последних новостей Тунки, самая захватывающая, – в гольцы пришел снежный барс! И хоть зверь он скрытный, но видели его уже много раз. Есть предположение, что, может быть, пришел и улар – горная индейка. Согласитесь, как это украшает горы! А у меня другое воспоминание. Остановились мы в селе Туран, я залез на верх кабины экспедиционной машины. Сижу и рисую выход долины реки

дувания, вы можете перейти на бугры другого вида, расколотые зияющими трещинами – это гидролакколиты, свидетельства деградации вечной мерзлоты. Подземный лед сначала образует линзовидное тело, приподнимающее земную поверхность в виде растрескивающегося купола. Затем ледяное ядро начинает вытаивать, поверхность опускается, и в конечном счете образуется округлое небольшое (т. н. термокарстовое) озеро.

Но в Тунке рядом и Космос. В центре песчаного массива Бадар располагается один из крупнейших в мире радиотелескопов, сотни параболических антенн которого внимательно следят за Солнцем, за погодой на нем. А из села Монды хорошо видны купольные сооружения на Хамар-Дабане – это другая астрофизическая обсерватория. Здесь же и заканчивается Тункинская долина. Но не спешите ее покидать, не останавливайтесь! Дорога идет дальше, в верховья Иркутта, а там другое чудо природы – Окинское плоскогорье Восточного Саяна. Можете осуществить туда поездку на автомобиле, а можете войти через своеобразную триумфальную арку – дыроватую скалу Нуху-Дабана на вершине гребня между долинами Иркутта и Белого Иркутта.

Фото на развороте – Вулкан Хурай-Хобок

СОКРОВИЩЕ ПРИЗРАКА

Приключенческая повесть

Блестящий полдень в зените

«Я, наверное, никогда не услышу эту песню от начала до конца», – однажды подумала Сорокина. Ей не спалось. Яна стояла перед столом, на котором сипела разбуженная старинная радиоло. Внутри квадратного ящика похрюкивало и попискивало, как внутри изношенного организма старого курильщика. Но мелодия все-таки продралась сквозь шорохи. И голос. Будто не догадывающийся ни о чем...

*...ренным вечером
Смолкнут крики птиц...*

Хр-р-р – радио кое-как отдышалось и продолжило...

*... замечу я
Свет из-под ресниц...
Тихо навстречу мне...хр-р-пых-пых!*

Сорокина с досадой треснула радиолу по деревянному затылку!

...Маленький принц...

Послушно сообщил приемник.

«Это кто-то в соседней Галактике», – догадалась Сорокина. Это он сидел, прижавшись мокрыми – бр-р! – щупальцами к радиостанции. Искал контакт во Вселенной. Потом он устал ждать. Отчаялся. Поставил на радиостанцию диск с песней и лег спать...

*Самое главное –
Сказку не спугнуть...
Миру бескрайнему
Окна распахнуть,
Мчится мой парусник...*

В радиоле что-то хрюкнуло, и отвратительный, мерзкий, унылый, дурацкий голос проникновенно сообщил: – «...Топинамбура. Так же и черешня. Черешня. По буквам: чиж – ель – рита – ель...»

На этом интересном месте Сорокина отключила радиолу. Шифровка определенно предназначалась не ей. Но в душе Яны, как в душе шпиона, которому

как раз она предназначалась, что-то произошло. Шпион ведь как? Для него этот «топинамбур» – это далекий голос Родины. Что-то нежное в этом слове шпиону должно было почудиться.

Вот так же и в душе Сорокиной что-то сместилось, но не от слова «топинамбур», а от песни. Эта песня каким-то неправильным образом перемешалась с тем, лежащим на воде мальчишкой, которого Сорокина видела во время ночного купания, так что Яне даже казалось, что это одно и то же. Тот мальчик и эта мелодия. Непонятно... Непонятно, почему в ее душе зазвучали маленькие стеклянные молоточки?

«Что имела в виду Глория, когда говорила про принца? Что я его встречу? Где я его встречу? Или это только сон? Наверное, это просто сон... Встречу принца во сне...» – думала растревоженная Сорокина, засыпая.

И, оставаясь в этом сместившемся состоянии духа, Яна уснула. И ей снилось что-то тягучее, но прекрасное или даже счастлирое. Все розовое и веселое. И она смеялась во сне... Но так, словно плакала.

А когда Сорокина проснулась, оказалось, что Алисе уже навтыкали плюх. За молоко, которое она куда-то не туда пролила. Алиса сбежала, спряталась и зализывает раны. Невовремя! Сорокину распирало от желания поделиться своим новопробретенным состоянием. Яне казалось, что если она немедленно кому-то не расскажет про мальчишку, про ночную музыку, про свое странное радостное состояние, то она просто лопнет от счастья.

Тогда, чтобы не умереть таким дурацким способом, Сорокина взяла велосипед...

Нет! Сытая физиономия Жаковой (Сорокина вытаскала Жакову из-за стола) не располагала к романтическим душещипательным историям. Что-то подсказывало Яне, что при первых же словах Жакова уставится на нее круглыми немигающими глазами и будет томно вздыхать, и будет вежливо поддакивать. А Сорокиной хочется не формально, а живого участия. Что Яна подразумевала под «живым» участием, она не смогла бы объяснить...

(Окончание. Начало в № 8, 2005.)

– Где Алиса? Это там, где на Красный Кут тропинка идет. Помнишь, мы ездили к переезду? Она там разрягается от внутренних психов. Только я не поеду туда, а то она меня покроет. И ты не суйся, а то и тебя покроет. Как это чем? – с неподдельным интересом уставилась на недогадливую Сорокину Жакова.

«Не посмеет!» – решила Сорокина.

Жакова увязалась за Яной, но у ювелирного магазина подружки спешила. По ту сторону оконного стекла на витрине нежились серьги, кольца и прочая бижутерия, которая была, по мнению Жаковой, «ни о чем», но посмотреть на которую все-таки стоило...

Оставив Жакову в состоянии легкого гипнотического транса у окна ювелирного магазина, Сорокина отправилась на поиски Алисы. Это оказалось делом несложным. Едва Яна вскарабкалась на холм и протиснулась сквозь лесополосу, как услышала крики. Это и была Алиса.

– Почему порожняком?! Работать, всем нужно работать, блин! Пахать! Вот поэтому у нас страна в г... по уши, и в! – тут Алиса крикнула такое, что Сорокина вспомнила Жакову и решила, прежде чем высовываться, разведать обстановку. Она отодвинула ветку разросшегося куста лещины – Алиса была в красном, нет, в алом платье!

Вообще-то Сорокина в таком платье не решилась бы показаться на улице. Наверное, платье шили для праздника. Для карнавала. Вот такой у него был фасон. И расхаживать в нем по улицам, тем более ездить на велике, было и неудобно, и даже вызывающе.

Поодаль, в низине, проходила железнодорожная колея, по которой как раз мчался товар-

няк, к которому и обращалась Алиса, догадалась Сорокина.

– Как белье снять с веревки, так это, Алиса, пожалуйста! А как! Ну ладно, катись! Давай! Счастливого! Возвращайся! Все-таки буду ждать!

Локомотив товарного состава покладисто отозвался длинным гудком. Сиплый голос его сигнала оглушил Сорокину. Но Алиса будто ждала, чтоб ее оглушили. Она замахала руками, подпрыгнула, пробежала пару шагов за составом... Товарняк скрылся за поворотом. Алиса тут же успокоилась и принялась неторопливо расхаживать по насыпи. Спокойная, милая девочка. Слово это не она только что ругалась и металась по насыпи. Это затишье продолжалось недолго – показался голубой локомотив пассажирского экспресса.

– Ага! – всплеснула Алиса руками. – Явился! Еще раз опоздаешь – я уже не приду! – бросилась вдоль лесополосы навстречу поезду Алиса. – Я не посмотрю, что берлинский! У кого это часы спешат?! Мне плевать на часы! Я сама часы!

Локомотив пассажирского экспресса просигналил хорошо поставленным тенором. Будто оправдываясь...

– Нечего поднимать на меня голос! – пресекла бунт Алиса. – Тарифы поднимать?! Пешком ходить?! Еще раз – убью! Изничтожу! Как клоп собачку!

Локомотив примирительно-коротко просигналил и, элегантно увлекая за собой вагоны изящно изогнувшегося состава, проследовал мимо...

Алое платье Алисы металось вдоль проносящихся мимо вагонов, как оживший сигнальный флажок.

Наверное, Сорокина высунулась далеко из кустов, потому что Алиса ее заметила. И переменялась в лице. Подошла и долго смотрела куда-то мимо Яны.

– Это был берлинский... – наконец произнесла она так, словно то, что поезд был заграничный, оправдывало ее непонятное поведение.

Сорокина чувствовала себя неловко. Будто она подсмотрела что-то, что ей не полагалось видеть, и теперь не знала, как ей выпутаться...

– Ты их различаешь?

– Не все... – буркнула Алиса, стараясь не встретиться взглядом с Сорокиной.

– Юго-Западная железная дорога очень напряженная на нашем участке пути...

– Я знаю, – сказала Сорокина, – я когда-то собирала календарики с паровозами.

– Скоро будет софийский... – проговорила Алиса куда-то в сторону.

Сорокина все поняла правильно и не обиделась. Она подобрала оставленный в кустах велосипед и вернулась в поселок. И наткнулась на Жакову, по-прежнему находящуюся в гипнотическом трансе, у витрины ювелирного магазина. Увидав Сорокину, та заинтересовалась;

– Ну, что? Послала тебя?

Сорокина непонятно качнула головой, присоединилась к подружке и тоже стала разглядывать ювелирные изделия.

– Она у них на дороге работает приметой... – не отрывая от витрины сосредоточенного взгляда, медленно проговорила Жакова. – У меня дядя Стас помощником машиниста работает... Вон то колечко, с зеленым камешком, ничего, правда?

– Как это – приметой?

– Не знаешь, что такое примета? – хмыкнула Жакова. – Как пустые ведра, только наоборот. Она у них для удачи... и вообще, ее все поездные бригады на нашем «плече» знают. И сережки вон те, правда, хорошенькие? Она тут как-то заболела, так аварийность увеличилась...

– И ты в это веришь?

Жакова неопределенно пожала плечами...

Сорокина вздохнула и уставилась на «хорошенькие сережки». И тут ей стало плохо. Или, как некоторые называют такие состояния мозгов, Сорокину повело.

Было жарко, и внутреннее стекло окна, за которым находилась витрина, было приоткрыто. И в этой приоткрытой створке, как в мутном зеркале, отражался экран включенного цветного телевизора, стоящего далеко внутри магазина. На его экране застыл фрагмент улицы заштатного городка: палисадник, угол дома. Изредка экран пересекали прохожие... А потом случилось непонятное – в кадр вошел мальчишка. С книжкой под мышкой. Яна его сразу узнала и... Наверное, у нее от невозможности происходящего отвисла челюсть – как этот мальчишка оказался в телевизоре?!!

Но это было не все! В следующий миг произошло совсем невозможное: невесть откуда взявшаяся хрупкая дамская рука большим и указательным пальцами взяла оказавшийся совершенно тонким, как почтовая открытка, экран «телевизора», подняла и стала смотреть в него...

Наверное, у Сорокиной был настолько обескураженный вид, что, озаботившись сохранностью своих сережек и колечек, продавец придвинулась к витрине и прикрыла створку. И в тот же миг туман рассеялся – зеркало! Небольшое, с закругленными углами зеркало, а не экран телевизора. Зеркало в черной пластиковой рамке стояло на подоконнике, сразу за приоткрытой створкой витрины, а вовсе не отражалось в ней, поняла Яна...

Сохраняя на лице настолько обескураженный – прохожие оглядывались – вид, Яна отошла от витрины и, как зачарованная, побрела по тротуару. Мальчишка не мог далеко уйти. Его можно догнать. Неужели он поселковый? Ну, конечно, местный! А то как бы он оказался ночью на реке? Наверное, тоже, как и они, «бандитки», ходил купаться. Сорокиной стало немного досадно. Плывущий среди звезд по замечательной лунной дорожке принц оказался обыкновенным поселковым мальчишкой.

Июльский полдень плавился в зените. Единственная асфальтированная улица Белозерска растаяла на солнце и пахла нагретым битумом. Было бы очень жарко, если бы не ветер. Он кружил пыльные смерчи и выворачивал тополиные кроны жестяной изнанкой наружу...

А внутри Яны с тихим хрустальным шорохом звенели маленькие стеклянные молоточки...

Мальчишка не мог далеко уйти – он стоял на тротуаре рядом с притормозившим черным джипом и о чем-то беседовал с высунувшимся из машины дядькой. Наконец джип отъехал, и Сорокина тополиво приблизилась...

«Как поступают в таких ситуациях?» – испуганно думала Сорокина. Она не знала, как заговорить с мальчишкой, но так как заговорить она решила обязательно, то, чтобы не думать, думала всякую глупость... Например, о Жаковой, которая именно сейчас очнется и примется досаждать Яне своим нездоровым любопытством, или... А впрочем, не столь это важно.

А между тем никто – ни Сорокина, ни Жакова, ни уж тем более Алиса – не мог знать, что двадцать минут назад черный джип был замечен у больничных ворот. И уж тем более они не могли догадываться, какой разговор произошел у главврача Валентина Андреевича с выбравшимся из машины Клоном.

А разговор случился такой.

Клон: – Эй, док!

Валентин Андреевич: – Вы мне?

Клон: – Тут у вас пацан, блин, обретається. Ну. Подстрелили его месяц назад. Так вот. Племяш он мой. Проведать бы.

Валентин Андреевич, смерив Клона взглядом: – Он выписался.

Клон: – Гонишь. Он мне вот как... Люблю я его, племяша. А ты гонишь.

Валентин Андреевич вздохнул, почесал затылок и сказал:

– Прошу вас...

Поколебавшись, Клон и Валентин Андреевич прошли в регистратуру. Со стеллажа была извлечена необходимая папка – история болезни Кольки.

Валентин Андреевич раскрыл ее на нужной странице:

– Видите? Вы-пи-сан. Все? Вопрос исчерпан?

Клон потоптался, покинул здание больницы и вернулся в джип... И сказал, забираясь в машину:

– Док, гонит. Сопляк где-то здесь, и он знает где. Я по его роже вижу, что знает.

– Цо то йэ – сопляк? – очнулся странный юноша в очках и вопрошал при помощи русско-польского разговорника. И, не дождавшись ответа, впал, судя по всему, в привычный ступор.

Клон, кивнув в сторону очкарика, заметил:

– Вот скажи, Тик, каких уродов они нам на погибель присылают курьерами...

– Погибэль? – очнулся вдруг на заднем сиденье очкарик и зашуршал страничками русско-польского разговорника. – Эцэ полска нэ згынэла? C'est rigolo, tout ca!¹

– Нет, я его сейчас мочкану! – задергал щекой нервный Тик. – Если он еще слово – замочу!

– Господа! – рассмеялся Андрей. – Нет, это даже не склочный польский сейм, это какой-то безнадежный курултай!

– Не, ты вот мне скажи, – в поисках сочувствия, обратился к Андрею Тик, – Какой фуфел напел студенту, что в России базарят на польском?

– Эцэ полска нэ згынэла? – уже с меньшим энтузиазмом вопрошал Студент. – Somme sa?²

– Нэ згынэла, камарад! – бодро ответил Андрей. – Так он у вас поляк или кто? На какой он мове трехаает?

– А ты чего, фраерок, раздухарился? – пресек Клон благодушное настроение Андрея. – Молись, чтоб мы пацаненка твоего надыбали. А то ты у меня ноздри выхаркаешь. Давай, Тик, покатаемся по этой деревне... Пошукаем.

– Цо то йэ – фра-е-рок? – с идиотской улыбкой поинтересовался Студент, все еще надеясь найти общий с бандитами язык.

– Нет, я его все-таки замочу... – уже без всякого куража, а как-то безнадежно произнес Тик и нажал на педаль газа.

– Тормозни! – вдруг приказал Клон. По тротуару, беззаботно размахивая книжкой, шел мальчишка. Андрей поперхнулся и закашлялся. Клон подозрительно покосился на него и распахнул дверцу машины.

– Эй, пацан! Опять ты? А ну подь сюды!

Мальчишка, не торопясь, приблизился. Андрей наконец откашлялся и, напряженно улыбаясь, уставился на Кольку.

– Тебя как зовут? – спросил Клон.

– Николай. – Колькино лицо не выражало ни смятения, ни испуга.

Как всегда некстати очнулся Студент и зашуршал страницами справочника...

– Мы тут ищем одного... – Клон поглядел на чистенькие колькины кроссовки, на книжку в руках...

К этому моменту лицо Андрея претерпевало странные метаморфозы. Выражения напряженного ожидания, неподдельного удивления, непонимания сменяли друг друга... Почувствовав это и пряча лицо, Андрей наклонился и принялся свободной рукой стряхивать пыль со штанины.

– Прошэ поздровиць одэ мне мамусе!¹... – пролепетал Студент, понял, что говорит, что-то не то, стусевался, некоторое время продолжал лихорадочно выворачивать разговорник наизнанку, потом отчаялся, пробормотал непонятное «мерде»² и снова впал в ступор.

– Да нет, Клон, это не он... – встрял Тик.

Когда автомобиль отъехал на достаточное расстояние, Клон вдруг криво ухмыльнулся Андрею:

– А ты че напрягся? Думаешь, я не засек?

– Цо то есть – засек? – поинтересовался очкарик.

– До выдзэння, – буркнул Тик и поддернул щеку.

– Пошто «до выдзэння»? – не понял Студент.

Тик оставил руль и заткнул уши.

– Вот что... – Клон посмотрел в заднее стекло на удаляющегося мальчишку с книжкой. – Тормозни, Тик... Че-то тут не то и не туда.

Кольке шел и думал, что как будто он уже видел где-то парня в клетчатой рубашке...

– Здравствуйте, – сказала Сорокина со всем возможным в подобной ситуации апломбом. Она решила, и теперь ее уже было не остановить.

– Привет, – удивился Колька и забыл о парне из джипа.

– Жарко, – неуверенно промямлила Сорокина, старательно изображая жертву зноя.

– Ага.

– Я Яна.

– Коль... Николай, – представился мальчишка и стал морщить лоб.

«Наверное, пытается вспомнить, где он меня видел, но это ему фиг! Не вспомнит, разозлится и уйдет окончательно», – подумала печально Сорокина.

Но тут, отвлекая Яну от тревожных мыслей, старательно делая вид, что прогуливается мимо, протаскилась со своим великом, цепляясь ногами за педаль, Жакова. Еще бы не цеплялась, когда она так выворачивала голову и гримасничала, всем своим лицом, фигурой и даже ушами подавая Сорокиной немой вопрос: кто это?! Это мне так необходимо знать! Немедленно!

– Очень жарко... – пролепетала Сорокина, старательно избегая смотреть на Жакову. Но теперь на Жакову уставился мальчишка. «Еще бы он не уставился – не каждый день бываешь в цирке, а тут клоуны по вызову», – разозлилась Сорокина и попробовала убить Наташку взглядом. Не убила, но та,

¹ Все это попросту нелепо! (фр).

² Вот так? (фр).

¹ Передайте от меня привет матери...

² Французское ругательство...

наткнувшись на этот взгляд и осознав свою ошибку, попыталась срочно исправиться. Она изобразила полное равнодушие к мальчишке, дернулась и, запнувшись за педаль, все-таки уронила велосипед на тротуар. Потом с милой задумчивой улыбкой (дебильной, подумала Сорокина) долго поднимала его, изображая томную красивую неловкость...

– Вы не знаете, где тут хлебный магазин? – наконец оторвался от созерцания прекрасного Колька.

– А я покажу! – обрадовалась Яна и незаметно показала Жаковой кулак.

– А то я не местный...

– Я тоже...

...Промчался грузовик, весело подпрыгивая на ухабах. Лихо гремела и перекачивалась внутри его раздрозганного дощатого кузова какая-то тяжелая штукавина. Наверное, пустая бочка. Как в спичечном коробке горошина. Когда его встряхивают. Отряхнулись купавшиеся в пыли воробьи. Насторожились. Растопырили чуткие хвостики. И брызнули прочь...

– ...прочно. Главное проследить. – проговорил Колька.

«О чем он?» – спохватилась Сорокина.

– Конечно, – сказала Сорокина, – след в след.

«Какой еще след? При чем здесь подошва?» – подумал Колька.

Проснулся ветер, и посредине улицы родился смерч – пыльный рулон из конфетных фантиков и разных соломинок, неуверенно метнувшийся за грузовиком. Раздумал. Бросился к кустам. Вернулся обратно.

– И опять... – сказал Колька и замолчал.

– Ты любишь книжки? – вдруг спросила Сорокина.

Колька кивнул и нахмурился. Ему стало как-то неловко, что кто-то интересуется им, что кому-то интересно, что он, Колька, любит. Эта незнакомая, приятная неловкость ему нравилась, а хмурился Колька с непривычки...

Яна присмотрелась к красно-коричневому томику с одноногим черным пиратом на обложке:

– «Остров сокровищ»?

Колька кивнул. Смущенно улыбнулся. Сосредоточился. И прочел вполголоса, словно проверяя себя. Как будто помнить это было для него важно.

*Мой Лизочек так уж мал, так уж мал,
что из крыльев комаришки
сделал две себе манишки –
и в крахмал, и в крахмал...*

И убедившись, что помнит, пнул пустую сигаретную пачку. Ее тут же переехал легковой автомобиль. Расплющил...

Сорокина взяла Колькину книжку, открыла на странице с картой замечательного острова. В память врезалось: в верхнем углу странички отсвечивало слюдяное крылышко комара.

– Люблю, когда... – Сорокина замолчала. Она старательно избегала наступать на трещины в асфальте. И вот теперь впереди трещины накрыли

тротуар мелкой сеткой. Наверное, под асфальтом тополиный корень растопырился. Это была такая игра в глупые приметы, чтоб идти, не наступая на трещины. Это нужно было понимать. Колька понял. Подал руку и помог Сорокиной преодолеть непреодолимый участок по бетонному бордюру. Колька знать не знал, что он имел право застесняться, и поэтому не застеснялся.

– ...когда пахнет горячим асфальтом, – закончила фразу Сорокина. – Ты здесь в гостях?

Колька кивнул. Помолчал. И привычно стал говорить. Заученно. Он это говорил сотни раз. Сто первый ничем не отличался.

– Здесь я у тетки. У Галины Валентиновны. Улица Блюхера, дом четырнадцать. Потом приедут родители. Заберут. А так мы с ними хорошо живем. Машина. Да. Квартира у нас в городе. Мамка. Папа. Они меня это... любят...

Сорокина удивилась: «Зачем он мне так это рассказывает?»

– ...Две комнаты с балконом на улицу, – продолжил Колька. – Обстановка. Нормальный шкаф. С зеркалами. Телевизор. Два телевизора. Один на кухне. Холодильник. Все как положено...

«Зачем он мне это рассказывает?» – с раздражением подумала Сорокина. Получалось, будто мальчишка хвастается. Словно знает, что у нее, Сорокиной, как раз и нет ни папы, ни мамы... Но по голосу не скажешь, что хвастается.

– Я же тоже... – неожиданно для себя выпалила Сорокина, – ...в гостях! Родственники. А так я в лице. Платном! О! Машина! У нас такая машина! У нас вообще все есть! Микроволновка, шмотки, запорто!

На Сорокину напало вдохновение. Девочку не узнать, сказали бы те, кто ее знал, но Колька Сорокину видел впервые. И на него сорокинское вранье произвело впечатление. У Кольки буквально отвисла челюсть. И все потому, что Сорокина врала с таким отчаянием, будто в последний раз. Навстречу им попала корова. Отдельная заблудившаяся корова! Потом, дребезжа звонком, тщетно пытаясь привлечь внимание к себе, промчалась на велике Жакова. Затем их обогнал, опасно балансируя на роликовой доске, мальчишка. Да что мальчишка – упади сейчас посредине улицы летающая тарелка, и то, казалось бы, Сорокина не прекратила врать...

– ...три настоящих бразильских попугая, один из которых говорящий, но по-испански! – наконец закончила Сорокина.

Очумелый Колька приставил на место отвисшую челюсть, и вовремя, потому что неожиданно начался ливень. Он враз, будто из засады, обрушился на ясную землю и наполнил собой мир.

Колька и Яна, не сговариваясь, бросились к дубу. Об этом знаменитом дереве стоит сказать пару слов отдельно. Дуб для Белозерска был тем же, чем Эйфелева башня была для Парижа, чем Биг Бэн был для Лондона, а Кремль – для Москвы. Кучерявый исполин стоял несколько в стороне от центральной ули-

цы поселка, на зеленой лужайке, огороженной по периметру увесистой цепью. Весь его могучий вид был наполнен энергией молодости, и если бы через Белозерск проезжал какой-нибудь современный Гоголь, то не иначе сравнил бы он дуб с провинциальным парубком, что, подбоченясь, оглядывается по сторонам с видом донельзя самоуверенным. Будто забрел он на чужие танцуйки и, скрывая понятное смущение, выказывает гордое безразличие. А вот надоест ему стоять без дела, так поднимет он с земли свою цепь и рванет ее. И звенья разогнутся, уступая немыслимой силе...

Необъяснимое острое праздничное желание сделать нечто такое же красивое и такое же радостное, как этот бесшабашный ливень, охватило Яну.

– Красиво... – прошептала Сорокина.

Колька не расслышал. По лицу Яны было видно, что она сказала важное, но переспросить Колька не решился.

Мир сузился. За плотными дождевыми струями истончились и поседели стволы лип. Растаял штакетник, тянувшийся вдоль тротуара. Из белесой пелены вынырнула зазевавшаяся печальная дворняжка. И стремглав бросилась в сторону из-под колес, неслышно – из-за ливня – надвинувшегося на нее чудовища. Грузовик, отфыркиваясь, протаранил непогоду. И канул в ней.

– Если б так... – подумала Сорокина. Заметила, что произнесла вслух то, о чем подумала, и замолчала. А подумала она о том, что случаются в жизни такие моменты, когда ты точно знаешь, что сейчас счастлив. Что это дерево, этот человек, этот дождь сейчас не просто дерево или дождь, а гораздо что-то большее, более значимое, то, что будешь вспоминать, да только вспоминаться оно будет вроде бы и так же, но все-таки немного по-другому...

Дождевые струи кипели на асфальте, словно масло на раскаленном противне.

Сорокина ткнулась губами в Колькину щеку...

С закругленного края дубового листа медленно соскользнула дождевая капля и полетела вниз. Колька видел ее, подрагивающее в полете, бисерное тело...

– Я люблю тебя... – сказала Сорокина и, сорвавшись, бросилась прочь. И исчезла за пеленой дождя прежде, чем Колька посмел пошевелиться...

Ливень закончился, и мир, представший перед Колькой, был свежим и умытым. И он, этот мир, был самым звонким из всех, которые раньше ему встречались.

Вот уже и пешеходы, отчаянно разбрызгивая лужи, устремились по тротуарам, а Колька все стоял под дубом. Будто он не решался вступить в этот чисто вымытый, до скрипа, до хруста звонкий мир. Словно он не знал, как можно жить в таком блистающем мире...

Огна девочка, огин мальчик

Утро следующего дня застало Сорокину со своим «Орленком» на улице Блюхера за морщинистым от возраста стволом старинной липы, напротив дома номер четырнадцать. Боясь расплескать восторженное настроение и мечтая о скорейшем наступлении завтра, Сорокина так рано легла спать, что возбудила нездоровый интерес Алисы. Нездоровый, потому что Жакова с мамой до поздней ночи носилась с венником и ведром, наполненным ядом, по огороду, уберегая нежную картофельную ботву от зарвавшегося колорадского жука, и не сумела поделиться с подружкой подсмотренными обстоя-

тельствами знакомства Сорокиной с незнакомым мальчишкой. Иначе интерес Алисы был бы оправданным, следовательно, здоровым...

Всю короткую июльскую ночь Сорокина маялась и томилась, представляя, что она скажет завтра Кольке и что он скажет ей. И как он это скажет. И как она ему ответит, если он скажет именно то и так. А если скажет не то, а это, тогда она скажет ему... В первом приступе предрассветных сумерек Сорокина забылась, чтобы через пару часов вскочить с постели свежей и отдохнувшей и уже через пятнадцать минут мчаться на улицу Блюхера. Мгновенная сорокинская побудка и моментальные сборы произвели на Алису впечатление. И еще долго стояла та на крыльце дома, замотанная по макушку в простыню, будто жильница пустыни, и смотрела вслед умчавшейся Сорокиной. Стояла, зевала и морщилась от утренней прохлады...

– Ну, ва-аще! – наконец произнесла Алиса.

Наконец дверь дома номер четырнадцать на улице Блюхера открылась, и показался Колька со вчерашней авоськой в руке. В авоське, как и вчера, лежала книжка. Та же, что и вчера. И Сорокина трусливо попятилась за дерево. Может быть, если бы в авоське лежала другая книжка, это как-то подвигло бы Яну на смелый поступок, а так... Какие нелепые объяснения придумывают люди, когда стесняются! К тому же все подготовленные слова забылись. Из неподготовленных в голове Сорокиной уместное предложение не складывалось.

Яна плелась на уважительном расстоянии за объектом сердечной привязанности и мысленно ругала собственный характер. Его робость. Его неумелость находить нужные слова в нужных обстоятельствах.

Не догадываясь о слежке, Колька взбежал на крыльцо хлебного магазина и скрылся за дверью.

Он тоже не выспался. К посеянному Сорокиной смятению добавилась трескотня портативного компьютера Галины Валентиновны Селезневой. Квартирохозяйку обуяло писательское вдохновение: наконец-то дилетант Уткина, фигурально говоря, плотно села на хвост преступнику Джексону. Следовательно-ретроград тут же забыл о своих безответственных планах и наострил уши, ловя каждое слово Уткиной. Джексон, почувствовав сжимающееся кольцо расследования, немедленно принялся замечать следы... И чрезвычайно преуспел в этом.

С трудом уснувший Колька под утро был вырван Джексонем из сладких объятий Морфея. Точнее, был вырван полпредом Джексона, писателем Селезневой.

– Коля, он в меня стрелял... – срывающимся голосом сообщила Кольке новость перепуганная Галина Валентиновна.

– Кто? – оторопел Колька.

– Плоскогубцы... То есть нет, – замотала головой тетка, – Судорога.

– С кем? – ошалевший Колька уселся в кровати.

– Это – женщина, – трагическим шепотом сообщила Галина Валентиновна.

– Да кто женщина? Кто стрелял? В кого?

– Джексон в меня стрелял. Он оказался женщиной... И прекрати ткотать. И пялиться на меня. И вообще спать прекрати! И... сколько можно дрыхнуть? Это же треть жизни в бездарном забытьи. Это ужасно, – разорялась Галина Валентиновна, не желая признаваться, что попросту боится засыпать. Она честно пробовала уснуть, но там, в ее писательском сне, распоясавшийся Джексон, он же Плоскогубцы, он же Судорога, обретая облик Н.В.Гоголя, косил на писательницу огненным глазом и терзал затвор громадного автоматического пистолета. А потом сорвал с себя волосы. Которые оказались париком. Плешивый классик Гоголь был ужасен. Но еще ужаснее было продолжение кошмара. Женским голосом, в котором Галина Валентиновна без труда уловила стержневые интонации главного редактора «Мормуса», Джексон-Гоголь запел, безбожно перевирая слова замечательного пиратского гимна;

– Пиши, и дьявол доведет тебя до конца!

Йо-хо-хо! Дьявол и бутылка рома!

Двенадцать мертвецов на авторский лист!

Йо-хо-хо! И в глотку четыре тома!

– Сволочь! – вскричала жалобно Галина Валентиновна.

Но ее восклицание заглушил хор. Это была замечательная компания. Выстроившись полукругом за спиной носатого Джексона-Гоголя, дружно разевали рты: Л.Н.Толстой с окладистой войлочной бородой, бакенбардистый А.С.Пушкин с бутылкой шампанского в руке, опирающийся на охотничье ружьишко С.Т.Аксаков, М.Ю.Лермонтов в чеченской бурке и с ирландской волынкой, Д.С.Лихачев со стилетом и мягкой укоризненной улыбкой на устах, Ф.М.Достоевский, размахивающий опасной бритвой... Там был еще кто-то. Маячили тени. Но из-за бороды Льва Николаевича совершенно нельзя было понять, кто они, эти тени. Борода взлетала в такт словам песни перед физиономией Галины Валентиновны, словно взбесившийся клочок ваты...

– Веселись, писака, – разворачивай парус!

Йо-хо-хо, веселись, как черт!

Одних убило пулями, других заела совесть!

Не трусь, пиши – все равно за борт!

Допев куплет, Джексон-Гоголь под восторги хора разрядил обойму автоматического пистолета в Галину Валентиновну...

Не выспавшийся Колька дремал в очереди за хлебом. Если описывать его состояние, то ничего точнее непреходящего изумления на ум не приходит. Неожиданный поцелуй под дождем оглушил и смял Кольку. Он не мог поверить, что может нравиться кому-то до такой степени. Едва Кольке удавалось убедить себя в этом, как он тут же вспоминал, каким он был неловким вчера, и он морщился, и страдал так, словно обманул ожидания дорогого, близкого человека.

Стоящая в очереди впереди Кольки безобразная старуха наконец расплатилась и ушла. Кольке открылся вид из окна. На тротуаре стояла Яна. С велосипедам.

– Я сейчас вернусь, – предупредил Колька очередь и двинулся к двери. Но в этот момент очередной приступ неловкости сковал его. Колька постоял у двери и вернулся обратно. Этот маневр он, краснея и вздыхая, повторил трижды.

– Успеешь сбежать. Не бойсь, – проворчал небритый дядька в плаще, у которого Колька отпрашивался из очереди. – Всякого может приспичить по-маленькому.

– Да, нет... это... Я уже... – проговорил невнятно Колька, в очередной раз занимая свое место в очереди.

– Уже? – дядька изумленно уставился на Кольку, но тот не мог этого видеть...

Сорокина у хлебного ждала Кольку и ни о чем не подозревала. Стеклопанная дверь магазина открылась. Яна подумала, что это Колька, оглянулась и увидела Глорию!

Глория была такой же, как во сне. Приземистая, растолстевшая, в длинной черной юбке и с безобразным волдырем на шее. Сорокина мотнула головой, отгоняя наваждение. Этого быть не могло! Быть не могло, чтобы такая Старуха существовала в действительности! Когда Алиса ей рассказывала о девушке, как ее, о Никищичиной, с которой лепили памятник, то Сорокина и подумать не могла, что прототип так похож на свою копию. И тем более Яна представить не могла, что реально существующая Никищичина с такой точностью повторяет приснившуюся ей Глорию.

– Здравствуй, – пролепетала пораженная Сорокина и попятилась вместе с велосипедом.

Глория, как тут же, по привычке, окрестила ее Яна, задержала на ней взгляд, качнула головой, что могло означать в том числе приветствие, и заковыляла прочь. Ошарашенная Сорокина некоторое время смотрела ей вслед, а потом послушно, как замороженная, точно как в приснившемся сне, закрепила на некотором удалении за Глорией.

Старуха не оглядывалась. Длинная юбка скрадывала шаги, и казалось, что по солнечной летней улице ползет улитка.

Сорокина поймала себя на мысли, что вот теперь она преследует Старуху, а не наоборот, как это было в первом сне, и что это гораздо приятнее. Во всяком случае, можно в любой момент вскочить на велосипед и смыться. Подумала так Сорокина и поехала, потому что навязчивое ощущение тревожного ожидания чего-то страшного, сопровождавшее ее в подзабытом сне, вдруг всплыло из глубин памяти и окатило, да так, что Яна заледенела от ужаса. Сорокина зацепилась щиколоткой за велосипедную педаль, и вместе с болью наваждение рассеялось.

«А как же Колька?! – вспомнила вдруг Сорокина. – Как я могла забыть о Кольке?» – преувеличенно взволнованно думала Яна, спеша утвердиться в при-

ятной реальности и чувствовать теплый ветер, и слышать деловитое кудахтанье барахтающихся в пыли кур, и еще сотни других привычных мелочей, которые именно своей уютной обыденностью и отличают действительность от самого правдоподобного сна.

«Ему надо объяснить, Кольке! Он поймет! И тогда можно будет вместе провести расследование этой таинственной истории!» – подумала Сорокина, и от такой многообещающей перспективы ей стало совсем весело. Яна представила, как они вместе обсуждают, быть может, даже слезку, как, если, конечно, повезет и Колька поранится – может ведь такое случиться? – не сильно, а так, например, колено поцарапает. И как она, Сорокина, это колено грамотно забинтует. Она представила, как вытянутся лица Алисы и Жаковой, когда она познакомит их с Колькой, и вскочила в седло велосипеда.

Старуха оглянулась и проводила уезжающую Сорокину цепким взглядом...

Колька стоял на крыльце и, забросив авоську с книжкой и буханкой хлеба на плечо, растерянно оглядывался. Заметив приближающуюся Яну, Колька улыбнулся, что произвело на Сорокину самое наилучшее впечатление.

– Я... – поперхнулась Сорокина, заметив на противоположной стороне улицы Борону. Только что по мостовой прогромыхал раздрозганный грузовичок. Пыль еще не улеглась, и Сорокиной показалось, будто Борона, как призрак, материализовался из пыльного облака. Художник кисло улыбнулся Яне... Сорокина вспомнила, чем, со слов Алисы, ей грозит встреча с Бороней, и торопливо нащупала пуговицу. Славно, что на этот раз она у нее была. На самом деле пуговиц было две. Две декоративные выпуклые красные пуговицы были посажены на лямки сарафана, в том месте, где эти лямки опустились с плеч на грудь...

Борона ушел, а тем временем что-то случилось. Но у Сорокиной не было времени понимать, что именно произошло, ведь Глория вот-вот завернет за угол – ищи ее тогда!

Путаясь и сбиваясь, она коротко объяснила Кольке, что встретятся они позже, ведь у нее есть адрес Колькиной тетки – Блюхера, четырнадцать, – и что у нее есть грандиозная загадка, и с ним, с Колькой, они обязательно разгадают эту тайну. Выпалив это скороговоркой, Яна развернула велосипед, торопливо вскочила в седло и умчалась... А Колька остался. Он даже вслед ей не поглядел, потому что уже случилось то, на что разгоряченная погонями и тайнами Сорокина не обратила внимания.

А между тем, все получилось произвольно и, можно даже сказать, нечаянно. Когда Сорокина, защищаясь от чар художника Бороны, искала пуговицу на сарафане, Колька невольно проследил за ее рукой и... увидел капельку крови. Нет, это была пуговица, но Колька с поразительной отчетливостью видел капельку крови. У пуговицы не было по-

середине дырочек для ниток, и от того она еще более напоминала каплю. Ее скользкие выпуклые бока матово отсвечивали, будто мокрые. И даже когда тонкие загоревшие пальцы Сорокиной сдавили пуговицу с боков, иллюзия не исчезла...

Колька стоял и не мог дышать. Где-то осталась Яна, и ее быстрый сбивчивый рассказ, и солнечная летняя улица провинциального поселка, а он видел себя лежащим на речном песке. Видел перепуганное лицо Владика. Крюка... Да, того человека с фотографии, что показывал ему доктор, звали Крюком. Это он преследовал Кольку, а потом они вместе лежали в больничном дворе на носилках, и Крюк смотрел на него, а потом сказал...

Колька сделал шаг и от ужаса едва не потерял сознание – он вспомнил все!

Старуха

Конечно, Яне можно было не мчаться сломя голову за Старухой, а расспросить Алису. Вряд ли та не знала, где живет такая примечательная личность, как Глория, ведь Белозерск – поселок маленький. Тем не менее, рассказывая Яне о Сашке Никищихиной, Алиса сказала о ней – была. Наверное, Алисе, как и Яне, было трудно связать девчонку Сашку с этой безобразной старухой. Ничего общего не было у старухи Никищихиной с веселой девчонкой Сашкой Никищихиной. Так что Алиса могла и не знать, где живет Старуха. Можно было бы спросить Алисину маму, тетку Антонину, но на это нужно время, а Яне хотелось немедленно во всем разобраться.

Сорокина на полном ходу завернула за поворот и едва не врезалась в Старуху. В последний момент Яна успела отвернуть, налетела на колдобину, боль-

но ушиблась коленкой о раму велосипеда и осталась.

– Носятся как оглашенные... – скандально было запричитала Глория, но, разглядев, кто перед ней, поперхнулась.

– Извините... – пролепетала Яна, поглаживая ушибленное колено.

Некоторое время они молчали. Потом Сорокина оставила колено и принялась старательно изучать близлежащие бурьяны.

– Заходи, что ли... – и Старуха толкнула калитку ворот, рядом с которыми стояла.

Вообще-то Сорокина верила в счастливые окончания любых приключений, и эта вера иногда заставляла совершать ее настолько необдуманные поступки, что самые злые люди отступали перед ее невероятным идиотизмом или наивностью.

«Это до поры до времени мне сходит с рук, как с гуся вода, – понимала Сорокина, – но кто сможет остановить ее? То есть меня?»

Такой человек пока не попадался на сорокинском пути. Даже Николай Сергеевич, и тот едва не сорвал шпионское задание и теперь вынужден взять отпуск, чтобы побыть вдалеке от Сорокиной, отдохнуть от нее и вернуть обратно утраченную от общения с Сорокиной стальную волю и потрясающую сноровку...

Так или приблизительно так подумала Яна и, прислонив велосипед к калитке, вслед за Старухой решительно шагнула во двор...

Они не пошли в дом, как ожидала Яна. Старуха, не торопясь, пересекла двор и распахнула дверь сарая. Дощатые выщербленные створки со скрипом раскрылись, многозначительно покачиваясь на

проржавевших петлях, словно пасть. Или зев печи. И у Сорокиной исчезла вся решительность...

«Садись на лопату, Ванечка, зажарю тебя в печи, – прошамкала Баба-Яга. – Ччас будет тебе сказка-колбаска, милоч...»

Глория первой вошла в сарай, и он осветился изнутри белым матовым сиянием. Яна осторожно приблизилась к дверному проему и заглянула...

В жизни случаются, казалось бы, несовместимые вещи, как горячий лед или сладкая соль. Вот и этот сарай, снаружи бревенчатая развалюха с крышей, поросшей мхом, внутри оказался...

– Ну, чего раззявила рот. Нацепи все-таки тапки... – буркнула Глория, приводя Сорокину в чувство.

Опешившая Яна сунула ноги в широкие войлочные тапочки и прошла внутрь сарая, туда, где на однотонных белых поверхностях, в скромных багетах, а то и вовсе без рамок висели картины. Спрятанные в нишах светильники отбрасывали ровный свет. Дорогой мягкий линолеум приятно прогибался под ступнями. Под потолком лениво шевелились лопасти вентилятора, смешивая запахи акварели, масла и пастели с привычными ароматами летнего полдня, проникающими со двора...

Будь Сорокина искусствоведом, она бы определила манеру и направление, к которому принадлежали работы неизвестного художника. Но Яна была обыкновенным зрителем и поэтому разглядывала картины с искренним любопытством дилетанта.

Вот речной плес, какие-то развалины, вот лицо смеющейся девочки в профиль, затем оно же в фас. Но все это будто сквозь дымку... И еще здесь было много черных картин, когда почти весь холст окрашен черным и только где-нибудь в углу вдруг светлое пятно. Слово солнечная клякса, в которой, впрочем, если приглядеться, что-то нарисовано. Сорокина пригляделась и обнаружила там листья крапивы. Из другой кляксы выглядывал уголок глаза. В третьей вообще непонятное что-то... Нет. Все-таки это опять был крапивный листок, но словно смятый в кулаке.

– Так он рисовал сначала. Раньше, – кивнула Глория на холсты с пейзажами. – Это еще куда ни шло. А теперь одни дырки на черном. Дырки дороже, потому что. Говорят, манера оригинальнее. Будь оно все проклято. Хотела спалить. – Глория зябко поежилась, – Даже палила, но он же все равно будет. Ему какая разница, где мазюкать. Хоть на стенке.

– Кто «он»? – поинтересовалась Сорокина и, наверное, потому, что это были первые ее слова за долгое время, поймала себя на мысли, что самое странное и необъяснимое – это даже не картины в сарае, а то, зачем она здесь. А еще то, почему она, Сорокина, задает вопросы совершенно незнакомой тетке. Ведь нельзя же считать знакомством встречу во сне? И задает их, будто имеет право спрашивать. И самое главное – незнакомая тетка не удивляется и не гонит ее прочь.

Старуха посмотрела на Яну так, будто та должна была знать этого художника.

– Рисует Сережка, но это ж пока в нем Мишка живой... – произнесла непонятно старуха и, шаркая войлочными тапками, подошла к двери и выглянула во двор, словно опасаясь, что их подслушают. Сорокина настороженно наблюдала, как Глория прикрывает дверные створки.

«Заговаривается. Может, она тоже... алкоголичка, как ее муж, Сержант?» – и Сорокина потянулась к выходу.

– Я пойду, – не снимая улыбки, сказала Яна, – а то меня ждут. Алиса. И это...

Старуха не удивилась такому повороту. Сразу потеряв интерес к девочке, вытащила из угла миниатюрную обшарпанную табуретку и тяжело усе-лась. Сорокина оглянулась с порога и не ушла. И опять Глория будто ждала этого.

– Уже набрехали про клад... – буркнула она, стараясь не встречаться глазами с Сорокиной. – Ладно, сейчас расскажу, чего никто не знает...

– Про поросенка? – выпалила Яна.

Глория удивленно поглядела на Сорокину.

Рассказ Глории

Никакого поросенка не было, так что некая таинственная Доронькина соврала Алисе... А был пьяный Мишкин папаша. Он дебоширил, и Мишка привычно ушел из дому, и без всякого смысла стал бродить по поселку...

Мишка ненавидел такое гуляние. Особенно, если день случался будничным, вот как сегодня. Все куда-то спешили, у всех были неотложные дела. У всех, кроме Мишки. Хотя в праздники такие прогулки еще противнее...

Мишка не заметил, как оказался на берегу ручья, в том месте, где через него были переброшены мостки. Зеленой патиной подернуло воду, и в средоточенной тишине звенела оцепеневшая от зноя трава. Или это в ушах? Но все равно не хочется шевелиться. На дне вогнутого небосвода плескалась птичка. Ее голос дребезжал, и от этого тишина казалась еще глубже...

Мишка сел на берег и закрыл глаза. Он как-то сразу, вдруг, устал. Внутри все стало жиденьким. Хлипким. Остаться бы здесь навсегда. Сидеть бы так всю жизнь. Слушать, как уютно звенит зной, и ни о чем не думать...

– Эй, ты! Чего расселся? – неожиданно произнес совсем рядом кто-то.

Если бы по тропинке шел кто-нибудь, Мишка услышал бы. Значит, за ним наблюдали из засады. Судя по голосу, мелкий пацаненок.

– Я к тебе обращаюсь? – с претензией пропищал незнакомец, и по Мишкиной спине что-то стукнуло. Репейник! Колючий зеленый шарик!

Это слишком! Мишка вскочил и бросился в сторону предполагаемого нахождения выскочки.

Вдоль ручья, вглубь разросшихся кустарниковых зарослей, тянулась узкая, почти растворившаяся под напором бурьяна тропинка. Там, где она терялась, шершавые верхушки конского щавеля поше-

велились, и раздался удаляющийся топот ног. Мишка влетел в заросли, ожегся о крапивный куст, затряс рукой и замер, вслушиваясь. Постоял, раздумывая, продолжать ли погоню или он уже достаточно напугал незнакомца; решил, что достаточно, повернулся, чтобы уйти, и в тот же миг ему между лопаток вонзился репейный колючий шарик. Мишка опешил!

– Ах ты ж, зараза! – пробормотал он и, прижимая ботинками к земле крапивные стебли, двинулся вглубь зарослей.

Хоть Мишка и родился в Белозерске и, казалось, должен был знать его любой закоулок, так получилось, что на этом пустыре он давно не был. Правда, прошлой зимой катался здесь на лыжах. Но зима – это зима. Разве можно сравнить пологие заснеженные склоны с этими джунглями?

Мишка сдался не сразу. Минут десять он барахтался в лебеде, крапиве и лопухах, пока не понял, что не сумеет догнать пацаненка. Едва Мишке казалось, что он настигает того, сопляк буквально растворился в крапиве...

– Выходи, а то хуже будет! – предложил Андрей.

– Сам дурак! – прозвучало в ответ.

От злости Мишка чуть не треснул пополам.

– Готовь деревянные тапочки... – угрюмо посоветовал он.

– Сам готовь...

Становилось очевидно, что над Мишкой, сознавая свою неуязвимость, насмежаются. И если сопляку удастся сохранить свое подлое инкогнито, то Мишка не узнает, кто его водил за нос. А тот, чего доброго, возьмет и расскажет в школе, как прочул старшеклассника...

В конце концов, ползая над заросшими склонами оврага, Мишка не рассчитал и соскользнул с обрыва в ручей. И провалился в густой ил по циклолотки. Ледяная вода тотчас наполнила ботинки...

– Хватайся! – раздался сверху голос нахального пацаненка, и в берег рядом с Мишкой ткнулась сучковатая палка.

Соскальзывая и цепляясь за траву и ветки, Мишка вскарабкался по откосу. Мир встретил его ослепительным солнцем и полуденным мирным теплом.

Мишкиным спасителем оказалась девчонка. С болезнующей миной на веснушчатой физиономии.

– Неудачно получилось. Погибнуть же можно, не отнюхав пороха...

– Ни за понюшку... – поправил ее растерявшийся Сашка.

– А меня зовут Сашка...

– Мишка...

– Ты меня не отлупишь?

Мишка еще больше смутился. В самом деле, не лупить же девчонку? Или дать разок по ушам, чтобы не выпендривалась?

– На меня напала вредность... – почувствовав, что перегнула палку, вздохнула Сашка. – Идем. Искуплю свою вину, – и нырнула куда-то в узкий проход между стволами орешника и исчезла в зарослях.

Андрей вытер о траву испачканные ботинки и огляделся – отсюда заросли предстали перед ним как на карте. Крапивы было не так много, как казалось. В основном она широким кусачим забором тянулась вдоль тропинки и по границе джунглей. Правда, кое-где крапива углублялась в заросли, но это были вкрапления и острова. Джунгли не так уж непроходимы для того, кто знал, куда идти...

Опустившись на четвереньки, Мишка нырнул вслед за Сашкой в заросли.

– Здесь клад! – крикнула невидимая за зарослями Сашка. – Не наступи коленой!

«Какой еще клад...» – подумал Мишка, аккуратно протискиваясь мимо колючего чертополоха. Узкий, продавленный в бурьяне лаз повернул под прямым углом, и Мишка неожиданно наткнулся на Сашку. Та сосредоточенно пялилась в землю под его ногами;

– Осторожно!

Мишка глянул. На земле отсвечивало стеклышко.

– Хочешь посмотреть? Только никому, – перешла на шепот Сашка.

– Честное пионерское... – Мишка запнулся, потому что Сашка продолжала смотреть на него не мигая, – Хочешь, чтоб я помер, что ли?

– Не хочу.

– Ладно, тогда не помру.

– Поклянись.

– Клянусь, что никогда не помру.

– Не так. Вот так: я клянусь, – очень серьезно произнесла Сашка, – что я никому никогда не расскажу об этой крапивной стране. А если я нарушу эту страшную клятву, пусть... пусть я никогда не смогу из нее выйти. Из этой крапивной страны. Клянусь. Пусть тысячи иголок мне будут не страшны, пока тебе я верю, как веришь в меня ты! Вжик! – сказала Сашка и бесстрашно сунула руку в крапиву.

– Пусть тысячи иголок мне будут не страшны, пока тебе я верю, как веришь в меня ты! Вжик, – повторил вслед за Сашкой Мишка и тоже сунул руку в крапиву. Он приготовился терпеть боль, но его почему-то не ожгло.

– Если произнести эту клятву – можно голышом пройти через крапиву, и ничего не будет, – серьезно сообщила Сашка.

Мишка скептически было хмыкнул, но все же вот она, его рука, в крапиве – и пожалуйста, никакого ожога. И все-таки проверять магию клятвы таким радикальным способом ему не хотелось...

– Ну, ладно, – сказала Сашка, вынимая руку из крапивы. – Теперь можешь посмотреть, и пойдём.

Мишка наклонился к вмурованному в землю стеклышку. Там, под ним, что-то мерцало. Сашка осторожно сняла стекло, сунула пальцы в ямку, и из земли потянулось ослепительное...

– Бусики... – стеснительно прошептала Сашка, переливая сверкающую цепочку с ладони на ладонь. Наверное, она все-таки опасалась, что Мишка скажет, что это детский сад какой-то...

Сложив бусы обратно в земляную ямку, они дви-

нулись открывать крапивную страну. Пусть и небольшую, но со своими улицами и переулками, протоптанными среди крапивы. С площадями. Это когда в месте пересечения «улиц» торчал куст или, вдруг, фрагмент древней кирпичной кладки... Неподалеку ведь чернели развалины завода Черещенко.

Через какой-то десяток шагов Мишка неожиданно для себя потерял всякое представление о направлении. Поворот направо, налево... Изредка Мишке удавалось поверх вымахавших в человеческий рост крапивных наверхий разглядеть деревья на краю пустыря. Не ломиться же напрямик?

– Приходи сюда, когда захочешь, – сказала Сашка. – Только не надо ломать крапиву. Нужно вдоль ручья вниз. А как станет топко – вверх. Там корень торчит из берега.

Вот так они и познакомились, Мишка и Сашка.

А потом случилась та глупая стычка Мишки с Сережкой. Тут Сорокина оказалась права в своих фантазиях... Сашка так и не узнала, из-за чего друзья поссорились. Из разрозненных обрывков фраз получалось, что из-за нее. Как к этому было относиться? И Сашка сделала вид, что ни о чем не догадается...

В тот день, на который был назначен взрыв, Сашка прибежала в свои крапивные заросли. По дну оврага она без труда преодолела заграждение. Тоже мне заграждение – сидит дядька на огородной меже, покуривает, а рядом красный флажок воткнут: «Осторожно! Взрывные работы!» Да и то, кто добровольно полезет под взрыв? Разве корова, отбившаяся от стада, забредет. А Сашке нужно было укрыть свои девчоночьи ценности. Ну как осколком от взрыва долетят до ее крапивной страны? Развалины, вон они, рядом... И неожиданно нашла в тайнике записку от Мишки. Из записки стало ясно: отправившись ранним утром на поиски сокровищ, кладоискатели могли не догадываться о том, что взрыв перенесен с двух часов дня на двенадцать. Об этом Сашка сама случайно услышала от мамы... А откуда саперам было знать о копошащихся в глубине оврага, в зарослях, кладоискателях!?

Неторопливо брести вдоль топкого русла ручья по дну оврага трудно, а уж если ты торопиться... Но она успела! Ей не удивились, и это насторожило Сашку. Видимо, у кладоискателей что-то не ладилось, и им было уже плевать на свидетелей.

У подножия кирпичного фундамента развалин, у входа в вентиляционную шахту, валялась бухта полосатого альпинистского троса. Суетящийся Эдуард Владимирович (таким Сашка раньше его никогда не видела) чертыхаясь, стравливал веревку и какие-то провода от фанерного ящика в черный пролом в фундаменте. Рядом с ящиком на короточках примостился Сережка. Морщась, будто у него зуб болит, он прижимал плечом к уху эбонитовый наушник. В руках – ребристый микрофон. Поодаль валялись карта и специальные часы – секундомер.

– В двенадцать! Взрывать будут в двенадцать! Перенесли на два часа раньше! – выпалила запыхавшаяся Сашка.

– Там не должно быть стены... Нужно вернуться до развилки, и направо, – продолжал бубнить в микрофон Сережка, недооценивший важность Сашкиного сообщения. Зато Эдуард Владимирович сразу все понял. Он бросил быстрый взгляд на хронометр и выругался.

А дальше случилось невероятное. Она-то надеялась, что, узнав о переносе взрыва, кладоискатели тут же вытащат Мишку из развалин. Вначале все к этому как будто и шло...

Чтоб Мишка не слышал переговоров, Сережка прикрыл ладонью микрофон, отстранил наушник и испуганно уставился на Эдуарда Владимировича.

– Без паники, – Эдуард Владимирович тоскливо огляделся, – мы еще можем успеть.

Сашка не верила ушам. Она решила, что Эдуард Владимирович что-то недослышал...

– Так на двенадцать же!

Сашка подняла с земли хронометр – минутная стрелка на циферблате исправно воткнулась в цифру семь.

– У нас еще целых двадцать пять минут, – Эдуард Владимирович, не выпуская из рук страховочный фал, наклонился над картой. – Он здесь?

Сережка мотнул головой;

– Ему осталось только заползти за угол... – неуверенно произнес Сережка, и у него побелело лицо.

– Там коробка. Жестянка из-под леденцов. Она маленькая. Взять – и быстро назад. Он успеет. Жестянка. Коробка. – Эдуард Владимирович говорил уверенно и спокойно. Слишком уверенно для того, чтобы ему можно было верить.

– Да вы что?! – Сашка попыталась отнять у Сережки микрофон. – Ему надо сказать! Он же не знает.

И тут случилось немыслимое – Сережка толкнул ее. Сашка упала. От неожиданности она даже не успела обидеться. Коричневый эбонитовый наушник валялся в траве, и оттуда пробивался сквозь скрежет помех искаженный Мишкин голос.

– Алле... Эй! Дальше куда? Здесь тоже стенка. Я что-то не нахожу...

– Послушай, как тебя... Саша, – Эдуард Владимирович, не ослабляя натяжения страховочного фала, пятясь, приблизился к Сашке. – Ему не надо сейчас мешать. Если он перепугается и запаникует – будет еще хуже. Понимаешь?

Сашка, загипнотизированная уверенностью Эдуарда Владимировича, послушно кивнула головой, и тоскливо потянулось время. Мгновение за мгновением безучастно наматывала на ось циферблата тощая секундная стрелка. Эти мгновения складывались в минуты... Наконец Сашка не выдержала и заплакала. И в тот же миг где-то наверху всхлинула сирена. Часы показывали без семи минут двенадцать. Потом без пяти. Без четырех...

Что было дальше, Сашка помнила плохо – какие-то обрывки из трясущихся руки Сережки, испуганного лица Эдуарда Владимировича. Кто-то сказал:

– Он не успеет вернуться!

Кто-то крикнул:

– Их надо остановить!

– Как?!

– Забраться по откоосу оврага!

Потом ее тащили сквозь заросли. Она вырывалась. Так ей затем вспоминалось. Потом раздался страшный грохот...

Очнулась Сашка в больнице. С момента взрыва прошла неделя. Мишку искали, но не нашли.

И потянулась обыкновенная жизнь. Обстоятельства трагедии стали забываться. Острота переживаний сгладилась. Так устроен человек, что самое страшное из его памяти выветривается. Сашка окончила школу. Вышла замуж за Сергея. Вернувшийся в поселок Эдуард Владимирович устроился в кинотеатр художником. К стати, тогда-то он и сделал свою скульптуру. Ту, что в сквере. Ту самую, с каской... Взял за модель ее, Сашку.

Невозможно было представить в этой безобразной старухе веселую девчонку Сашку!

– Сережка стал пить. И рисовать. Как Мишка. Да только все одна крапива выходит. Будто он оттуда зовется. Будто там и... – устала в пол Глория.

«...и остался. В крапивной стране. Навсегда...» – мысленно договорила за Старуху Яна, и ей нестерпимо захотелось уйти. Захотелось на солнышко, на улицу, где веселый июльский полдень, где нагретая трава, где бесшабашная Алиска управляет поездами, где если и существуют тайны и загадки, так только по телеку, да и то не очень страшные. А если страшные, то не с тобой...

– Борона Сережке-то наливает специально, чтоб он рисовал, – привычно жаловалась Глория. – А что ему еще, Мишке, под развалинами, мертвому в темноте делать? Как жить? Так вот Борона думает.

Мол, пусть себе Мишка рисует. Вроде как все какая-то жизнь у него там, когда он рисует...

– Пойдите, – похолодела Сорокина. – Кто под развалинами?

– Как кто? Мишка.

– Пойдите... – испугалась Яна. От невозможности поверить тому, в чем ее пыталась убедить Глория, у нее перехватило дыхание. Но и без старухи из разрозненных обрывков и фрагментов в ее голове вдруг сложилась отчетливая, ясная, но настолько невозможная картина, что, не желая принимать это знание, Яна прошептала;

– Бабушка, Миша погиб тогда. Да? Под развалинами погиб. Его давно нет, бабушка. Он умер.

– В том то и дело, что погиб, и такое несчастье, и беда, и что тут поделаешь, и уж оставил бы он нас в покое. Дочка! Девонька! – вдруг взмолилась старуха, – скажи ты Мишке, чтоб уже оставил он нас в покое! Христом Богом! Попроси ты его.

Глория, взмахнув руками, соскользнула с табурета на пол, не то собираясь встать на колени, не то обнять Яну за колени...

Сорокина, натянуто улыбаясь, попятилась...

– Миша не может рисовать. Он погиб. Умер. Он умерший. Извините, – твердила Сорокина, пятясь и ища дверь. Нащупала и хотела толкнуть, но та сама распахнулась. В тот же миг незнакомый голос за ее спиной произнес;

– Верно. Миша не может. Рисовал Эдуард Владимирович Борона.

Сорокина хотела обернуться, но чья-то ладонь закрыла ей рот. Яна рванулась. Картины, Глория, светильники – все задрожало и вытянулось, и поплыло, покачиваясь на волнах приторного химического запаха. Будто отражение на радужной

пленке мыльного раствора, который покачивают в тазу...

В ритме комикса

Колька сделал несколько шагов от хлебного магазина и остановился. Теперь, когда он знал о себе все, жизнь его опрокинулась. То, к чему он привык за время болезни: к сытой жизни у тетки Галки, к себе благополучному, — представилось ему невозможным. То есть Колька мог бы притвориться, что он прежний, сказать хотя бы внешне благополучным домашним мальчиком, но он еще не привык к себе настоящему, к себе бездомному, к себе изворотливому. Этот изворотливый Колька соврал бы, не поморщившись, и тетке Галке, и врачу, но Колька уже успел побывать другим и еще не забыл себя другого. Слишком мало времени прошло.

В полном смятении Колька огляделся, как бы ожидая защиты или поддержки. Полуденная поселковая улица с сонным безразличием наблюдала сквозь дощатые прорезы штакетников за растерявшимся мальчишкой. А тот с ужасом наблюдал сонную улицу, которая, подчиняясь строгим привычкам и правилам бездомного Колькиного житья-бытья, прямо на глазах становилась чужой и даже враждебной. Потому что нигде так одиноко и неуверенно не чувствует себя бесприютный человек, как среди других, ухоженных домашних людей.

Колька побрел было прочь. Остановился. Подошел к штакетнику и повесил авоську с хлебом и растрепанной книжкой «Остров сокровищ» на навешенные. Та скорость, с которой Колька трансформировался из одного человека в другого, на какое-то время лишила его способности принимать решения и вообще думать.

Первой осознанной мыслью было: он никому ничего не должен. И ему никто ничего. Способность думать обрадовала Кольку. Это было начало порядка в его голове.

И тут Колька вспомнил об Яне. И ему стало неловко. Не потому, что он обманул девчонку, наплел ей с три короба небылиц о себе. Изворотливому Кольке врать было не привыкать. Но раньше Колька врал для пропитания или спасая себя от беды. В этом же случае он врал потому, что был болен. Невольно врал. И если бы она, эта девчонка, не смотрела на него такими восхищенными или даже... такими, какими он не мог объяснить себе, глазами, Колька немедленно бы себя оправдал. А так... а так ему стало стыдно.

Необходимо ей сказать, чтобы не приходила завтра к тетке Галке. А то припрется, как дура, а его уже нет, или, что еще хуже, скажут ей, что был такой, но психованный. А вы ему, дура, поверили? А он всем говорил, что он нормальный, что семейный, домашний, а у него просто крыша протекает...

Колька взял авоську и без всякой надежды отыскать Яну все-таки побрел в ту сторону, куда она уехала на велосипеде.

В некотором отдалении за Колькой по пустынной полуденной улице, приглушенно урча двигателем, крался черный джип...

Велосипед Сорокиной стоял там же, где она его оставила — у ворот дома Глории. Колька не знал, чей это дом и кто здесь живет, но то, что у Яны был подростковый, девчачий, со скошенной рамой «Орленок», запомнил. О том, что такой велосипед наверняка не единственный в поселке, он как-то не думал.

Колька толкнул калитку и стеснительно заглянул во двор. Вместе с памятью к нему вернулись все его привычки и страхи. Потому на **чьей-то** территории, а это всегда была **чья-то** территория, так как своей у Кольки не было, он чувствовал себя виноватым. Ведь бездомному человеку всегда что-то нужно — еда, одежда, деньги. Много ли денег найдешь в лесу или поле? А значит, пришел, чтобы выпросить или стащить то, что для домашних людей тоже представляет ценность...

В глубине двора, в проеме открытой двери сарая, стояли двое. Колька видел их со спины. Сутулая спина в темном мятом пиджаке взволнованно трогала на затылке редкие волосы. Судя по розовому цвету бритого затылка, по другой, обтянутой лоснящейся кожей спине, между ними только что произошел резкий разговор.

Едва Колька шагнул во двор и решил обратить на себя внимание, как спина в кожанке сказала такое, отчего все дальнейшие события приобрели совершенно неожиданный оборот.

— Никто девчонку не убивал, — сказала Кожанка. — Оклемается. Ты думаешь, я где работал раньше? Это я сейчас галереист и искусствовед хренов. — Кожанка коротко хрюкнула, что должно было означать смех. — А раньше, мазилка, я работал на мясокомбинате. Туши раздывал.

— Но как же теперь? — запереступал, будто стреноженный конь, Пиджак. — Что же теперь?

Не раздумывая, а подчиняясь многолетней привычке, Колька юркнул за ближайший куст крыжовника и плюхнулся в теплую пыль. Колючки сомкнувшихся крыжовниковых кустов тянулись живой изгородью вдоль забора до угла сарая. Внизу, между ветвями и забором, образовалось небольшое свободное пространство, по которому можно было, при необходимости, ползать. Колька спрятался вовремя, потому что услышал, как Кожанка сказала:

— Чего стоишь? Убери велосипед с улицы и закрой калитку.

Пятна медленно вытягивались и сжимались. Словно отвратительные пивавки. Сорокина сосредоточилась, и из пятен-пивавок сложилось слово «уголь», а под ним, поменьше, — «рисовальный». А рядом маленькие слова: «Производ. комбинат худ. фонда СССР».

Все эти надписи были начертаны на пыльной картонной крышке, валяющейся на полу. Чуть далее, рядом с высохшим окурком, валялся желтый

расплюснутый башмак. Своей плоской физиономией он прильнул к горлышку пустой бутылки и напоялся спившегося китайского моряка, вглядывающегося в окуляр подозрительной трубы. Рядом с «трубой» валялась растрепанная книжка без обложки, молоток со сломанной рукояткой, календарик, на котором отпечаталась подошва...

Ужасно болела голова. Яну мутило. Она подняла глаза – прямо перед ней на колченогом мольберте возвышался холст. Впрочем, Сорокина видела его с изнанки. Противоположную от Яны стену от пола до потолка занимал стеллаж. Тесно загроможденный банками и коробками с краской, разными плоскими, стаканами с кистями, он нависал над Сорокиной и, казалось, рухнет, достаточно к нему прикоснуться.

Это захламленное пространство пересекал солнечный луч. В его резко очерченных пределах весело-бессмысленно топтались похожие на сосновую стружку и от того, казалось, пахнущие смолой оранжевые пылинки.

Скосив глаза, Сорокина смогла различить распахнутую дверь. В проеме виднелись свободные от заборов зеленые пространства...

От невозможности понять, как так получилось, что вот она, Яна, никому не желавшая зла девочка, сейчас связанная по рукам и ногам, с заклеенным лейкопластырем ртом, лежит в каком-то грязном и пыльном закутке, и почему это с ней случилось, и почему именно с ней, и за что это с ней, – Сорокина едва вновь не потеряла сознание.

И тут она услышала тихие зловещие голоса. Из того положения, в котором находилась Сорокина, понять, откуда они доносятся, было нельзя. Но в том, что доносились они не из-за входной двери, Яна была уверена.

– Ну что? Хозяйка успокоилась? – спросил голос.

– Я закрыл ее в хате, – ответил ему другой.

– Как фамилия пацанки? Где живет? Зачем приехала? – спросил первый голос после некоторой паузы.

– Сорокина, – отвечал другой голос. – Я думал...

«Борона! – узнала голос говорившего Яна. – Это Борона!»

– Я! Я здесь думаю! – оборвал Борону первый голос. – Какая хреновина! Весь проект на ... из-за того, что голос какой-то гребаной Сорокиной похож на голос Глашки, но в молодости. Ты понимаешь, что это хреновина? Я тебя спрашиваю? А я нет. Я ни хре-на не по-ни-ма-ю!

Борона начал оправдываться...

– Заткнись! – оборвал его первый голос. – Ты знаешь, сколько бабок я вложил в этот проект, пока он начал давать отдачу? А на твою раскрутку? Ты знаешь, сколько я заплатил журналистам? Редакторам телевидения? Ты знаешь, сколько стоит сюжет в «Новостях»? А передача на радио? Ага, ты не знаешь...

Борона ответил, но Сорокина не расслышала...

– Короче, мотай в аптеку. Купи шприц и инсулин. Инсулиновый шок – и все дела! И плевать, что

болтает какая-то там идиотка. Выпустим ее подальше отсюда. На огородах. Одной деревенской дурочкой станет больше. Паскуда!

«Дурочкой!» – Сорокина похолодела.

Некоторое время было тихо. Или это от ужаса Сорокина оглохла...

– Так я не понял – ты идешь? – с претензией проговорил первый голос.

– А Глория? – наконец прорезался Борона.

– Ее я беру на себя... – проговорил голос и грязно выругался. – Стой! Сам не ходи. Пошли в аптеку Птичку. Если спросят, зачем инсулин, пусть скажет... Черт! Пусть что-нибудь придумает. Пусть Птичка скажет, что он здесь проездом. И что у него сахарный диабет.

Говорящие ушли, и стало тихо...

От несправедливости происходящего с ней Сорокина жалобно запищала и попробовала пошевелиться, но тщетно – веревки больно впились в тело.

Сорокина, как все простодушные люди, не верила кино. Так уж ей казалось, что ее, наивную девочку, обманывают. Сколько раз бывало, связанный по рукам и ногам человек корчится на экране и не может сорвать с себя путы, в то время как Сорокина мысленно запросто их срывала. «Главное тут ужаться, а там выпрямиться», – мысленно инструктировала героя Яна. Особенно раздражало Сорокину, когда бедолаге заклеивали рот пластырем, и тот терпел его три серии. В то время как что может быть проще? Нужно пошире открыть рот. Потом зубами прихватить обмякшую материю и рвать ее, пока не освободишься.

Руководствуясь своими представлениями о мире, Сорокина попробовала пошире открыть рот и обнаружила, что ей попался особенный, неправильный лейкопластырь. Своей невероятно клейкой изнанкой он буквально прирос к подбородку и губам Яны и вовсе не хотел отлипнуть, не позволяя без резкой боли даже на сантиметр приоткрыть рот. Тогда Яна прижалась щекой и носом к полу и стала тереться о шершавые половицы. Краешек пластыря загнулся. Яне показалось, что прошло много часов, прежде чем ей удалось освободиться от кляпа...

В этот момент в закутке стало темно. Кто-то встал в дверном проеме и загородил солнечный луч. Сорокина заерзала по полу, будто оживший складной перочинный ножик.

– Как у нас в Японии, три врача туда смотрели, ничего не поняли... – проговорил незнакомец и нетвердо шагнул внутрь.

Сорокина буквально вывернула голову, пытаясь разглядеть вошедшего. Впрочем, тот не скрывался. Это был Сережка Сержант. Сделав пару нетвердых шагов, муж Глории, не заметив лежащей в углу Яны («все-таки он вошел со света, а тут темно», – подумала Яна), плюхнулся на топчан. Жалобно взвыли пружины под ним, и нетрезвый Сержант затих...

Несколько секунд Сорокина размышляла: заодно ли муж Глории с неизвестными преступниками,

или он тоже, как и Яна, их жертва. Из подслушанного разговора определенных стопроцентных выводов сделать было нельзя. И все же у Сорокиной не оставалось другого выхода. Как только из аптеки вернется бандит Птичка, у нее вообще исчезнет возможность выбирать.

– Эй... – позвала тихонько Сорокина. – Дяденька...

Яна ожидала всего, но не того, что произошло. Заскрипели пружины топчана, Сержант встал, с остановившимся взглядом подошел к мольберту, не глядя, выдернул из банки в стеллаже кисть и стал рисовать. Вначале движения его были какими-то даже заторможенными. Но потом темп стал убыстряться. Сержант работал все стремительнее. Теперь он был как в лихорадке. Сержант, не глядя, тыкал кистью в невидимую Сорокиной палитру и бил кистью по холсту с такой силой, словно хотел проткнуть его. По его лицу струился пот. Вот, не выдержав, разлетелась кисточка. Сержант, не глядя, выхватил из стеллажа другую...

И тут Сорокина сделала невозможное...

– Миша, – сказала Сорокина и зажмурилась, ожидая и в то же время боясь того, что должно было произойти.

– Кто здесь? – замер Сержант. Он смотрел из-за мольберта в пустоту и говорил не своим, а каким-то писклявым детским голосом. – Сашка, ты?!

Небольшие объемные фрагменты, с острыми рваными краями, шершавые на ощупь, хаотично распределены по поверхностям, на которые наступаешь. Осколки осыпаются, они перекатываются под ногами, они иногда больно ранят, а иногда проникают сквозь подошвы; и еще они зачем-то называются кирпичной крошкой, хотя в слове «крошка» все мягкое, вот что удивительно. И даже это пространство ограничено, поделено, порезано на неправильные сектора, части и объемы, в которые я упал, когда раздался грохот, и которые нельзя определить и измерить, а можно лишь наполнить мглой, в которой я так равномерно разлит весь, в которой так тщательно растворен, растерт – вот что удивительно.

Если бы я был Робинзоном, то ставил бы отметки или зарубки, но в темноте это нельзя, поэтому нет времени, а если нет времени, то ничего не длится больше мгновения, или все длится вечно, и... но какая разница, как называть то, чего нет, вот что удивительно.

Так было всегда, потом стал голос. Удивительно.

– Миша!..

– Миша, – повторила Сорокина и открыла глаза.

– Сашка, ты? Почему ты? А где Серега? Эдуард Владимирович? Я, кажется, уронил веревку. Это взорвали развалины? Здесь темно. Все ушли. Удрали. Предатели! – теряя самообладание, жалобным плаксивым мальчишеским голосом закричал

Сержант. Он глядел, не мигая, остановившимся взглядом сквозь Сорокину, и это было страшно...

– Я ... – начала было Сорокина.

– Предатели! – крикнул Сержант жалобным голосом.

– Но я же пришла, – нашлась Сорокина, – я...

– Предатели! – расплакался мальчишка внутри Сержанта.

– Я клянусь, – произнесла вдруг Сорокина. Теперь она знала, что ей говорить. – Помнишь, как тогда? Я клянусь, что не уйду, пока ты не выберешься. А если я нарушу эту страшную клятву, пусть... Пусть тысячи иголок мне будут не страшны, пока тебе я верю, как веришь в меня ты! Вжик!

– Вжик! – сказал Сержант. Точнее, Мишка, живший в памяти Сержанта.

Человек погиб, но каким-то непостижимым образом он сохранился в памяти другого человека. И жил там точно так же, как живут тысячи других, вполне настоящих земных людей. И как все настоящие живые люди, страдал и, быть может, даже плакал, может, даже о чем-то мечтал, и вот сейчас просил о помощи, что вообще невозможно представить... Хотя представить можно все, даже то, что представить нельзя.

– Если вы... ты пойдешь на мой голос.. – сказала Сорокина. Сейчас ей трудно было оценить, зачем она это делает. И правильно ли она это делает. Просто на какой-то миг она представила засыпанного битым кирпичом, потерявшегося в лабиринте вентиляционных шахт мальчишку и то, как он на ощупь в крошечной темноте пытается найти выход. Как он гонит от себя саму мысль, что никогда не сможет выбраться, как он старается не думать, что он заживо погребен, и как эти страшные мысли все-таки просачиваются, и тогда мальчишка начинает в панике метаться и натывается в темноте на камни, только на камни, только на битые кирпичи...

На место малознакомого ей Мишки сознание Сорокиной предательски подставило Кольку. Вот она мечтала его спасти. Вот она хотела, чтобы они вместе. Если бы там, под завалом, оказался Колька? Если бы он ей сказал: ага, говорила, а сама? Хотя ничего такого Яна ему не говорила. Ни в какой особенной дружбе не клялась, но...

Лицо Сержанта по-прежнему был недвижимо. Губы шевелились отдельно от лица.

– Я боюсь, что я не выйду, – произнес тот мальчишка Мишка, что жил в Сержанте, жалобным голосом.

– Миша, ты пойдешь на мой голос, – как могла строго произнесла Сорокина. – Я здесь, на входе в развалины. Ты будешь идти на мой голос. Я видела план. Я знаю, как надо. Я знаю куда, – вдохновенно врала Сорокина. – Здесь направо, – уверенно приказала Сорокина.

Не было у нее никакого плана, да и быть не могло, но почему-то сейчас она была уверена, что сгодится любая выдумка, любой план, лишь бы Мишка

ей поверил. Потому что то, во что ты веришь, всегда обретает достоинство настоящего и оживает.

– Здесь стена! Я уже был здесь! Здесь тупик! – испуганно сообщил Мишка.

– Там после взрыва упали кирпичи, только их мало. Надо толкнуть!

– Да.

– Теперь налево.

– Налево.

– Прямо. Ты должен видеть уже свет, – приказала Сорокина. – Тут выход. Там выход.

– Я вижу! Я! – дрожащим голосом сообщил Мишка, и... и Сержант пошевелился. Его взгляд обрел смысл. Сержант опустил глаза и уставился на Сорокину. И некоторое время смотрел, потом начал елозить рукой по столу в поисках... в поисках ножа. Сержант держал его в руке – большой самодельный нож с рукояткой, обмотанной черной изолентой, и широким лезвием.

Сорокина задыхнулась от невозможности представить себе то, что сейчас должно было произойти. Могло произойти. Теперь это уже была никакая не условность. Перед ней стоял с ножом в руке здоровенный малознакомый дядька, а куда делся тот ребенок, что жил внутри него? Может быть, он выбрался из-под завала и отправился домой. А без ребенка в памяти Сержант... кто он?

Сержант приблизился. Сорокина зажмурилась. Раздался негромкий шаркающий звук, и пути ослабели...

Черный джип неслышно катил за Колькой. Клон глядел в окошко. Андрей задирает Студента, который, отчаявшись понять происходящее, наконец оставил неубедительные попытки объясниться с попутчиками. Отсутствующим взглядом и жалобной улыбкой, взывающей к состраданию, он встречал всякую попытку Андрея наладить межнациональное общение и на втором часу, когда Андрей принялся цитировать нормы Уголовного кодекса Российской Федерации вперемежку с рифмами Адама Мицкевича, утратил всякое представление о реальности и впал в ступор. Правда, время от времени, без всякой надежды быть понятым, он вскидывал голову и произносил: «Пановэ...», но даже от одного этого слова у Тика начинала дергаться щека. И Студент тут же замолкал. Кроме поляка, Тика доминировала жара и неопределенность. Тик не понимал, чем приглянулся Колька Клому? Тик был уверен, что Колька не тот, кто им нужен.

«Слишком он продвинутый, этот шкет», – объяснил Тик свою точку зрения.

Рассуждения Тика на тему идентичности Кольки требуемому персонажу Клон прервал в зародыше, и вот теперь нагруженная такими разными, чтоб не сказать мало совместимыми, гражданами машина послушно вслед за Колькой свернула в переулочек и остановилась. Остановилась, потому что Колька остановился у ворот Глории. Последние несколько метров автомобиль катил с выключенным двигате-

лем и, прежде чем ткнуться радиатором в придорожные кусты, незамеченным приблизился к Кольке на довольно близкое расстояние. Впрочем, несколько слов об особенностях улицы. В этом месте она скатывалась в овраг, так что дома и тротуар нависали над проезжей частью, а кроны карабкающихся по откосам деревьев, смыкаясь, делали участников движения малозаметными...

Андрей оставил скисшего Студента и напряженно уставился в окно – там Колька разглядывал ворота незнакомого дома, явно намереваясь проникнуть во двор. Но не это привлекло внимание пассажиров джипа и заставило замолчать на полуслове Андрея. Застраивший в калитке Колька не замечал того, что со всеми удобствами из салона автомобиля наблюдали Андрей, Студент, Клон и Тик. Колька не видел человека, прячущегося за морщинистыми стволом старой липы.

Это был неприятный тип. Его тощее лицо было настолько тонким, что казалось расплюснутым катком асфальтоукладчика. Хотя, быть может, владелец лица долго лежал на морском дне, как рыбакамбала, отчего оба его глаза, как и у рыбы, будто бы сместились на одну сторону физиономии. Этой глазастой половиной физиономии незнакомец смотрел из-за дерева на Кольку, а пассажиры автомобиля смотрели на руки незнакомца. Тонкие и непропорционально длинные его пальцы, похожие на щупальца, с известным изяществом перебирали и растягивали стальную струну. Или, как попросту ее называют профессиональные киллеры, – удавку.

– Ну, что? – поинтересовался как бы между прочим Клон и зевнул. Вопрос не предназначался кому-то конкретно, и все уставились на главаря, ожидая, что тот разовьет свою мысль, но Клон, казалось, окончательно утратил интерес к происходящему, достал из бардачка кепку и, откинувшись в кресле, надвинул ее на глаза.

Тем временем события развивались так. Камбала, как мысленно окрестил незнакомца Андрей, выдвинулся из своего укрытия и неслышно стал подкрадываться к Кольке.

Андрей смахнул пот со лба и, утратив дар красноречия, мрачно буркнул:

– Это он.

Тик коротко дернул щекой, но на Клона заявление Андрея не произвело должного впечатления – он продолжал зевать, всем видом давая понять, что торопиться ему некуда.

Камбала приблизился к Колькиной спине на расстояние вытянутой руки и огляделся.

– Это тот самый пацан! – теряя самообладание, заерзал Андрей.

– Упс! Ща, блин, удавит шкета! – взвился Тик, извлекая из кармана пистолет. – Клон, че за понты? Череп нам за него бошки поотрывает, в натуре!

Тем временем Камбала, убедившись в отсутствии свидетелей (он не заметил прячущийся в кустах джип), развел руки с удавкой. Острый солнечный блик скользнул вдоль стальной струны, и в этот

последний миг одновременно произошло два события, которые позволили Кольке продолжить быть.

Во-первых, сам Колька, не догадываясь о грозящей ему опасности, очень кстати шагнул внутрь двора, а во-вторых, пронзительный визг автомобильного клаксона, огласивший окрестности. Это Клон треснул кулаком по клавише на рулевом колесе джипа. Несмотря на напускное безразличие, он очень внимательно следил за происходящим.

Камбала дернулся, оглянулся и, не догадываясь об источнике звука, все же стеснительно спрятал руки с удавкой за спину. Стремительность, с которой он из хладнокровного убийцы превратился в виноватого застенчивого малого, поражала...

Впрочем, если Камбала и разглядел прятавшийся среди кустов джип, то не придал ему значения, которое тот заслуживал. После секундного замешательства, пронзив напоследок улицу недобрым взглядом, Камбала вслед за Колькой нырнул во двор...

– Так-так-так-так! – казалось, у Клона внутри включился маленький бензиновый двухтактный двигатель. Он выхватил револьвер и вывалился из авто. За ним последовал дерганный Тик.

Тому, кто хоть раз ползал по-пластунски по чужому подворью, нетрудно представить, какие муки претерпевал Колька, протискиваясь в узком пространстве между забором и зарослями крыжовника. Вначале у него и в мыслях не было куда-то ползти. Забрался он сюда скорее по привычке прятаться, чем из трезвого резона. Ведь для того, чтобы спасти Яну, Кольке нужно было не прятаться, а поскорее бежать, скажем, в милицию или звать соседей. И вот как теперь отсюда, из этой дыры, ему помочь Яне? Как вообще незамеченным выбраться отсюда?

Между ветвями кустарника у калитки топтались штиблеты одного из проходимцев. Они появились сразу же, едва Колька спрятался, и не было никакой возможности проскользнуть мимо них незамеченным. Колька полз вдоль забора в надежде найти другой выход. Поглощенный этим увлекательным занятием, он не мог видеть, как к штиблетам Бороны – а это был именно он – присоединились кроссовки Камбалы. Эта парочка перекинулась парой слов и двинулась туда, где в кустах притаился Колька.

Но тут раздался оглушительный грохот, а потом кто-то заорал непонятное;

– Епси! Чика!

И на Кольку, ломая и сгибая ветви крыжовника и грозя придавить колючками к земле, стало что-то садиться. Колька, привстав на четвереньки, рванулся. Колючки впелись в рубашку. В последний миг он успел выскользнуть из-под падающего на него тела и неожиданно для себя протиснул голову, а за ней и плечи, в образовавшееся, вольное от колючих веток крыжовника, пространство. Такой, вотк-

нутый в колючки, Колька, наверное, представлял собой забавное зрелище, но никто не смеялся – все стреляли.

На Кольку упал похожий на бухгалтера гражданин в пиджаке. Если его и застрелили, то не окончательно, так как гражданин испуганно икал и таращился на Кольку изумительными по размеру, выпученными, как у рака в закипающем пиве, глазами. Напротив Кольки некто с дергающейся щекой размахивал громадным пистолетом и уворачивался, и стрелял в того, кто стрелял из сарая в него. Этот некто с дергающейся щекой был Тик. Еще двое граждан, это были Клон и Камбала, не обращая внимания на выстрелы, слившись в тесных объятиях, катались по двору, пытаясь с переменным успехом удавить друг друга.

– Извините!... – промямлил Колька вежливое слово, обращаясь к икающему бухгалтеру.

– Така! Чика! – воскликнул Тик и, дернув щекой так, что чубчик на его голове приподнялся и опал, всадил пару пуль в сарай, после чего увидел Кольку.

Поняв, что его заметили, Колька решил, что тянуть более нельзя, иначе у него в лучшем случае будет такой же жалкий вид, как у бухгалтера, а в худшем...

– Бах! Бах! – раздалось из сарая. Стреляли, наверное, в Тика, но одна из пуль, сочно чмокнув, впилась в доску забора в полуметре от Колькиной головы. Это было уже слишком!

– Мама, – пискнул Колька и рванулся из колючего плена – плевать на царапины, когда тебе грозит быть простреленным насквозь.

Колька выпал к ногам Тика.

– Упс! – озадаченно произнес Тик, и в этот момент с оглушительным грохотом, хотя казалось, оглушительнее грохота уже быть не может, распахнулись сорванные с запора створки ворот. Гигантские деревянные крылья стремительно раскрылись под напором просунувшегося внутрь двора тупого капота черного джипа.

Одного этого было бы уже достаточно, чтобы привести в изумление участников столкновения, но, в довершение картины, на крыше автомобиля, неуклюже скособочившись, сидел милиционер. В фуражке. С кобурой и рацией на портупее...

Первый выстрел прозвучал так неожиданно, что неискушенной Сорокиной показалось, будто рядом лопнул гигантский барабан, но через мгновение она решила, что, скорее, это барабанные перепонки разлетелись вдребезги у нее внутри головы – выстрелы последовали один за другим, наполняя пространство сарая оглушительным треском. Сорокина зажмурилась, а когда открыла глаза, то обнаружила, что в одно мгновение затхлый закуток преобразился – стена, отделявшая его от импровизированного выставочного зала, испарилась. Яна и не догадывалась, что лежит в том же сарае и буквально в двух шагах от места, где разговаривала с Глорией. Но удивиться она не успела. Раздался очередной выстрел, и Яна

разглядела стрелка. Его темный на ослепительном фоне дверного проема силуэт метался, уворачиваясь от пуль того, кто стрелял в него со двора.

Сорокина решила убежать. Она попыталась приставить, но ноги не слушались. Они затекли и отказывались подчиняться трезвым доводам рассудка.

Сержант не думал прятаться. Освободив Яну от пут, он спокойно положил нож на стол и, усевшись на свой топчан в углу, с непроницаемым лицом стал наблюдать за происходящим.

«Может, ему, как художнику, это и интересно...» – начала было думать Сорокина, лихорадочно растирая колени, и тут ее размышления были нарушены. Со двора донесся еще более оглушительный грохот, и привычное течение событий – это что считать привычным? – было нарушено.

Стрелок опустил револьвер...

Ни Сорокина, ни Сержант не могли видеть того, что видели все остальные: во двор, распахнув створки ворот, ввалился джип с милиционером на крыше. За мгновение до этого удивительного события Эдуард Владимирович Борона сумел-таки отделать себя от кустов крыжовника, куда был послан кулаком Клона и где какое-то время ерзал на колючках. Эдуард Владимирович не стал метаться под пулями, а распустив извинительную бухгалтерскую улыбку, натирал руками задницу, словно намеревался залакировать многочисленные повреждения. Тут-то его и настигла тяжелая створка ворот. Отброшенная капотом джипа, она буквально смела и извинительную улыбку, и наколотую крыжовником задницу художника. Последними улетали штиблеты. Их начищенные носки претенциозно и с неподражаемым изяществом обозначили в полете, несомненно, что-то балетное – какую-нибудь вторую позицию или какой-то батман, а то и вообще загадочный фляк. И человек исчез.

Редко какой балетный номер способен произвести подобный эффект – стрельба затихла. Все – и Тик во дворе и Стрелок в сарае, и сражающиеся в партере Клон и Камбала, и даже непонятный милиционер на крыше джипа, – все на какой-то миг отвлеклись и посмотрели в ту сторону, где только что стоял Эдуард Владимирович. Все, кроме Андрея за рулем джипа... За рулем? В том то и дело, что Андрей сидел не за рулем, а справа от водительского кресла и управлял автомобилем одной рукой, так как другая у него была пристегнута наручниками к ручке над дверцей. В таком состоянии сложно соблюдать правила дорожного движения. А получилось как? Когда Клон и Тик покинули автомобиль, Андрей еще не был готов действовать подобным образом. И тут к автомобилю подошел милиционер. Трудно предположить, откуда он взялся. Откуда вообще берутся милиционеры? Наверное, их посылает небо за грехи наши.

– Прапорщик Пилипенко. Ваши документы, – приблизился он к подозрительному джипу.

Белозерск – поселок маленький, каждый джип в нем знаком, можно сказать, в лицо, и поэтому чу-

жая дорогая машина, естественно, кажется подозрительной.

Потревоженный Студент вышел из ступора, куда его плотно вогнал Андрей Адамом Мицкевичем, опустил стекло со своей стороны и вопрошал блеклым голосом;

– Mais il n'y rien a voir, ma foi, mon ami.¹

У прапорщика Пилипенко сделалось лицо, как у отечественной курицы, обнаружившей среди всякой дорожной дряни зерно непостижимого заграничного злака.

– Не понял? – оглянулся на Студента Андрей, который продолжал видеть в странном попутчике поляка, щеголяющего французскими словечками.

– Шо вы сказали? – приобретает значительный, от солидарности к дипломатическому процессу, то есть румяный оттенок лица, пролепетал прапорщик, обращаясь к Студенту. Андрей, стремясь невольным русским словом не разрушать приятную иллюзию, сделал значительное лицо и произнес с вальяжной буржуйской интонацией;

– A little red snake swimming in the water, A little red snake doing what he ought to.²

– Ага, ага... – разулыбался не по уставу прапорщик, но немедленно опомнился, отдал честь и, руководствуясь обыкновенным человеческим любопытством, переместился к капоту, чтобы посмотреть расцветку заграничного номера. В тот момент, когда прапорщик Пилипенко занял позицию напротив капота, за воротами двора, там, где скрылся Колька, а позднее и Клон с Тиком, раздался выстрел. За ним второй...

Нужно заметить, что миниатюрный поселок Белозерск, счастливо отдаленный от крупных железнодорожных и шоссейных трасс, был лишен удовольствия каждый вечер лицезреть в программах криминальной хроники соловенные заштатные улочки и их отягощенных уголовным прошлым героев. Все, что взрывалось, застреливалось, поджигалось, бралось в заложники и даже злостно хулиганилось, – все это случалось в каком-то другом, опасном мире. Поэтому неудивительно, что прапорщик Пилипенко просто онемел. Онемел и Андрей – следовательно, крепкие ребята Клон и Тик, спасая Кольке жизнь, столкнулись с непредвиденными трудностями. И тогда Андрей с огромным трудом дотянулся свободной рукой до приборной доски и повернул ключ зажигания. В спешке бандиты неосмотрительно оставили его в замке. Оставленный на второй скорости джип резво взял с места и усадил остолбеневшего прапорщика на капот. На крышу джипа милиционер взлетел с грацией юной серны добровольно, когда увидел, что машина собирается таранить ворота. Заберись он туда мгновением позже, ему бы их створками размозжило ноги.

¹ Тут не на что смотреть, честное слово, мой друг... (фр).

² Маленькая красная змейка плывет по воде, маленькая красная змейка делает что должно... (детская английская песенка).

Гневно завывая двигателем, автомобиль бесцеремонно втиснулся во двор и, подпрыгнув на колдобине, стряхнул с крыши наземь милиционера Пилипенко.

– Ну, комикс, блин... – пробормотал багровый от напряжения Андрей, окинул взглядом двор, и джип под его руководством, не сбавляя скорости, уполз на огороды, унося на радиаторной решетке выломанный пролет штaketника.

Участники коллективного мордобоя с изумлением уставились на блюстителя порядка, который, первым осознав неуместность собственного появления в данном месте, в данное время, попятился к крыльцу дома. Но даже он, прапорщик Пилипенко, потерял на время всяческую способность двигаться, когда створка ворот, оттолкнувшись от забора, пошла в обратную сторону, открывая для обозрения распластанное на его досках тело поселкового художника Бороны.

Если бы не незначительный объем глубиной сантиметров в двадцать, образовавшийся из сложения диаметров столбов, на которых висели доски забора, то художник превратился бы в отбивную. А так он расплющился лишь частично. Его страдающая фигура, подвешенная на заборе, напоминала собой мученика первых лет христианства...

Художник Борона наконец отлип от забора и, похожий на несуразную букву «Х», сделал пару шагов на негнущихся ногах. Теперь он окончательно походил на переусердствовавшего в танцклассе балетного, которого заклинило в первой позиции.

В этот трагический момент ожила рация на портупее прапорщика Пилипенко.

– Ноль седьмой, как меня слышно? Вызывает центральная.

Совершенно обалдевший прапорщик нащупал на груди черную коробочку микрофона и, руководствуясь многолетней привычкой, отрапортовал;

– Ноль седьмой слушае!

– Пилипенко, это ты искал зимние полуботинки тридцать шестого размера, дамские, с узкими носами, синего цвета, недорого?

– Я, – выдал багровый Пилипенко таким голосом, будто он выдает страшную государственную тайну.

Нарушая идиллию, во двор вновь вломился возвратившийся с огородов джип.

Андрей управлял машиной вдохновенно, с той долей безумного озарения, свойственного большому художнику, когда их посещает муза. Вот еще вчера строка казалась недоступной, невозможным был мазок, а сегодня все возможно и осознаваемо.

Время от времени отпуская рулевое колесо, Андрей успевал переключить скорость и сориентироваться, прежде чем джип окончательно терял направление. Машина рыскала, двигалась петлями, но никого пока не задавила. Студент Андрею не мешал. Находясь в стадии абсолютного паралича воли, он, по всей видимости, решил пустить события на самотек и ждать, чем дело кончится. Слабый всплеск его активности вызвал таран ворот. Быть может, в какой-то миг Студенту показалось,

что это уже слишком, что с него довольно, что он более не намерен и т.п., и т.д. Сверкая очками, он схватил русско-польский разговорник и углубился в изучение его замызганных страниц, так что при первом появлении во дворе зрители из числа остолбеневших могли различить лишь некий бледный его профиль...

Описав вычурную загогулину по огороду, Андрей направил автомобиль обратно. К этому времени Студент, не найдя в русско-польском разговорнике фразы, адекватно передававшей его теперешнее состояние, отложил буклет и провалился в привычный ступор.

Торжественно неся на радиаторе выломанную секцию штакетника, автомобиль въехал во двор, переместился на линию огня, лишив возможности Тика и Стрелка прицельно стрелять. Андрей не мог разорваться, поэтому пришлось отпустить рулевое колесо. Освободившейся рукой он распахнул дверцу машины со своей стороны;

– Колька! Быстро сюда!

Валяясь на земле у ног палящего Тика, очумевший Колька корчился от сыплющихся ему за шиворот горячих пулевых гильз и ужаса. Но даже в таком состоянии он не готов был покинуть поле боя так бесславно, как все-таки покинул его. Автомобиль медленно катился, и Андрей, понимая, что в следующий миг будет поздно, схватил свободной рукой Кольку за брюки и приподнял. Колька парил в воздухе над землей рядом с автомобилем и представлял собой нелепешее зрелище. Вместе с Колькой парила авоська с книжкой и батоном хлеба.

Случаются люди, которым и страх не страх, если стыдно. В основном это отягощенные блистательными родословными графья и лорды, которые стрелялись из-за пропитой никчемной деревеньки или неверно проставленной запятой в генеалогическом древе. Вот и Кольке сейчас было так стыдно, будто он, по крайней мере, был незаконнорожденным Мальборо или Потоцким.

– Отпусти, – шипел Колька и ерзал.

– Ну, комикс... – пыхтел Андрей, удерживая Кольку на весу.

Тик и Клон, заметив улетающего Кольку, отреагировали стремительно.

– Стой! – заорал Тик, опуская пистолет.

– Ах ты ж, падла! – оставив полузадушенного в нежных объятиях Камбалу, вскочил Клон

Под аккомпанемент их проклятий Колька, увлекаемый свободной от наручников рукой Андрея, загрузился в автомобиль. В следующий миг, продолжая движение, машина убралась с линии огня, и Тик вынужден был вернуться к прерванному занятию. На Клона навалился Камбала, и потасовка продолжилась.

– ...Но если тебе не годятся синие – связь плохая, такой у тебя треск, – я попрошу, чтоб Наталья посмотрела на складе такие, какие тебе нужно... – добавляя картине всеобщего побоища пьянящий привкус коллективного умопомешательства, не-

слось из милицейской рации прапорщика Пилипенко.

Колька вырывался и барахтался, и пытался о чем-то говорить, но тут неуправляемый автомобиль, смяв куст крыжовника, врезался в забор. Колька в буквальном смысле прикусил язык. Хлипкое сооружение пало под напором современной техники, и джип сквозь образовавшийся пролом покинул ристалище.

– Какая еще девочка? – возмущался Андрей, выворачивая руль. – Ты думаешь, что здесь делают эти двое? Зачем я здесь? Для чего эти браслеты на мне? «Девочка»...

– Да пошел ты, – буркнул Колька. От одной только мысли что Яна могла видеть, как он бесславно покидал двор, его мутило. А ведь он, Колька, пришел ее спасать! Спасатель!

Наконец Клону удалось ловким хуком в челюсть уложить на газон разбушевавшегося Камбалу, и он вслед за Тиком покинул двор. Больше им здесь было делать нечего. Бандиты устремились в погоню за похищенным джипом, в котором находился необходимый им позарез Колька.

Прапорщик Пилипенко не стал их останавливать, трезво рассудив, что четыре бандита на одного милиционера – это слишком. Воспользовавшись сумятицей, он обуздал свою рацию, извлек табельный «Макаров» и стал ждать, пока Эдуард Владимирович Борона займет нужную позицию. Ждать пришлось недолго.

Потрясенный до основания вначале ударом Клона и падением в колючки, а затем створкой ворот, организм художника Борона утратил способность к пространственному ориентированию. Он двигался по наитию, медленно и неуклюже. Происходящее вокруг не вызывало отклика в душе художника и представлялось в зыбком, подернутом дымкой свете. Наконец Эдуард Владимирович преодолел необходимое расстояние и оказался напротив распахнутых ворот сарая, загораживая Стрелку поле боя.

– От так и стойте! И не хвильются! – громко попросил Борону прапорщик Пилипенко. Как ни странно, художник подчинился. Быть может, потому что это были первые за время вынужденного помутнения рассудка внятные и к тому же вежливые слова, обращенные именно к нему.

Прапорщик приблизился к художнику;

– Можно я с вами тут? – с утвердительной интонацией произнес милиционер.

– Будьте любезны... – пролепетал художник.

Тогда прапорщик выглянул из-за своего жилого укрытия и попросил преступника, засевшего в сарае, сдаться.

– Урод! – рздалось из сарая. – У меня в заложенных девчонка!

Во время перестрелки Сорокина пряталась в закутке между стеллажом с красками и стеной и ста-

ралась казаться бесплотной тенью. Она не шевелилась и как будто не дышала в своем стремлении не попадаться Стрелку на глаза. Убежать она не пробовала. Раскрытая дверь закутка-мастерской была рядом, но Сорокина понимала, какой прекрасной мишенью станет ее силуэт на светлом фоне дверного проема. Стрелок мог пальнуть и не специально. Попробуй-ка разберись в горячке боя, кто там мечется в дверях: свой или чужой?

Это произошло мгновенно – Сорокина не успела даже вскрикнуть, как метнувшийся к ней Стрелок грубо схватил ее за руку и поволок к выходу из сарая-галереи.

Глаза Стрелка сквозь прорези вязаной шапочки, натянутой на лицо, лихорадочно ощупывали пространство.

– Вякнешь – убью! – и Стрелок приставил к виску Яны горячий ствол револьвера.

На дремлющего на топчане Сержанта Стрелок не обратил внимания. Дело в том, что бандит, судя по всему, давно обретающийся в Белозерске, прекрасно знал его. Образ тихого, несклочного алкаша намертво приклеился к Сержанту. В классическом состоянии подпития, в каком тот находился сейчас, если судить по количеству пустых бутылок на полу около топчана, Сержант превращался в бесчувственное бревно.

Через какое-то мгновение художник Борона с прячущимся за ним прапорщиком и Сорокина с прячущимся за ней Стрелком стояли друг против друга на расстоянии коротких десяти шагов.

– Брось мне пистолет и уматывай! – потребовал Стрелок, обращаясь к прапорщику Пилипенко.

Ответа не последовало. Прапорщик усиленно шевелил бровями, будто сдвигал-раздвигал складки мехов гармошки – так милиционер думал. В его жизни случалось всякое, но никогда еще не приходилось ему освобождать заложников. Будучи по натуре человеком не робкого десятка, прапорщик смахнул пот со лба и решил действовать.

– А хрен тебе, а не пистолет! – заявил он.

– Пристрелю девчонку!

– А стреляй. Мы тут в этом... не понимаем, шоб не стрелять. Ты ее, а я тебя. А чого ж!

Если бы Стрелок мог видеть спину прапорщика Пилипенко, то обнаружил бы там стремительно проступающее сквозь гимнастерку пятно пота.

– Ты что, идиот?! – взвился Стрелок.

– Вам виднее, – резонно заметил прапорщик. – Только прошу заметить, что за незаконное хранение оружия пойдешь по статье, конечно, – тем временем продолжал изображать из себя законченного кретина прапорщик. – А чого ж, як положено. А тут по «мокрому» пойдешь. За терроризм. Ты разницу чувствуешь?

И тут случилось невероятное.

Пока взбешенный дремучим идиотизмом переговорщика Стрелок лихорадочно искал выход из сложившейся ситуации, очнулся Сержант. Трудно сказать, что послужило тем толчком, спусковым

механизмом, который заставил Сержанта, мирно дремавшего на своем топчане, встать. А может, он и не дремал вовсе?

– Ты ее отпусти, – неожиданно трезвым голосом проговорил Сержант и двинулся к Стрелку и Яне. И что-то было в нем такое, что заставило Стрелка испуганно попятиться и наставить на него револьвер;

– Стой, псих!

– Ты ее отпусти, – приближался Сержант, и казалось, он не слышит или не понимает, что ему говорят.

– Буду стрелять! – жалобно завизжал Стрелок, и по его испуганному голосу и по тому, как больно вжался в висок револьверный ствол, Сорокина поняла, что тот действительно сейчас выстрелит.

– Пусть... – поперхнулся Сержант, и его лицо так стремительно побелело, словно в один миг потеряло всю кровь. Будто сквозь кожу проглянул бледный череп. В провалах глазниц черепа тлели зрачки.

– Что пусть?! Стой!

– Пусть... тысячи иголок мне будут не страшны...

– Товарищ, стойте! – ожил прапорщик Пилипенко.

– ...Пока тебе я верю, как веришь в меня ты... – страшным голосом, словно задыхаясь, хрипел Сержант и тянулся к лицу Стрелка. И заглядывал в прорезь вязаной шапочки, туда, где серели бельмами белков пустые глаза Стрелка.

– Не надо! – завизжал вдруг Стрелок и выстрелил в Сержанта.

– Мама! – закричала Сорокина. Она не видела, куда попала пуля, но по тому, как Сержант качнулся, поняла, что пуля поразила его.

Сержант качнулся, но руку не опустил и вцепился Стрелку в лицо. Вернее, в вязаную шапочку, закрывавшую тому лицо.

– Пока тебе я верю... – проговорил непостижимо ровным голосом Сержант и потянул с лица бандита вязаную шапочку.

Раздался еще один выстрел, и еще. Казалось, будто Сержант не чувствует боли. Он лишь покачивался, когда очередная пуля попадала в него.

– ...как веришь в меня ты, – не меняясь в лице, хрипел Сержант.

Сорокина увидела выскользнувшее из-под шапочки скользкое и белое, словно вымытый ливнями из дерна доисторический череп, лицо Стрелка. Его выпученные от ужаса белые глаза.

Стрелок щелкал нацеленным в грудь наступающего Сержанта разряженным револьвером и пятился, пятился... пока не наткнулся на прапорщика Пилипенко.

Защелкивая наручники на запястье рук Стрелка, прапорщик улыбался Яне дрожащими губами и бормотал:

– Ничего, дочка... Цэ это... Цэ еще нэ это...

Последней, что видела Сорокина, была жалкая извинительная гримаса художника Бороны. А потом она потеряла сознание.

На последнем дыхании

Телефонный звонок застал Клона и Тика в тот момент, когда они пытались остановить колесный трактор с прицепом, чтоб пуститься в погоню за своим угнанным джипом. Тик кривлялся на обочине, соблазняя тракториста долларовой купюрой, а Клон объяснялся с далеким, но оттого не менее страшным шефом по телефону...

– Череп, пацан у нас – век воли! Батарейки разрядились в сотовом, Череп! Клянусь! – лгал Клон, перекрикивая грохот тракторного двигателя. И, избега объяснений, предусмотрительно отключил телефон.

Навязав трактористу, тщетно пытавшемуся объяснить, что транспорт его не самый комфортабельный, купюру (для верности Клон сунул несговорчивому механизатору в нос ствол револьвера), Клон и Тик перемахнули через борт прицепа и плюхнулись в жидкий навоз. Они даже выругаться не успели, так как испуганный тракторист нажал на газ, и бандиты, разбрызгивая навоз, попятились, цепляясь за грязные борта...

– В гробу я видел деревню! – процедил Клон, и это была единственная печатная фраза из всего произнесенного им в течение следующих пары минут.

Закончив ругаться, Клон обратился к напарнику;

– Тормози!

– Кого?

– Идиот – их тормози! И дай сюда «джиписку»!

Черный джип отряхивая с капота картофельную ботву, обломки шпательника и прочий мусор, нарушая всевозможные правила дорожного движения, петлял по Белозерску. Счастливо разминувшись с грузовиком и подрезав неспешно пылящий мопед, джип наконец выбрался на проселок...

К этому моменту Андрею удалось затолкать Кольку вместе с его ценной авоськой на заднее сиденье.

– Ты! – крикнул Колька. – Гад! – крикнул Колька, – ты!

Машина ныряла из кювета в кювет, а Колька кричал Андрею в спину;

– Я! – кричал Колька. – Мне! – кричал Колька. – А ты! – кричал Колька и рвал заднюю дверцу. Но та не открывалась.

Студент, уткнувшись коленями в спинку водительского кресла и таким образом зафиксировав свое брэнное тело в пространстве, безразличным взглядом елозил по законным пейзажам, а Колька плакал и кричал;

– Ты знаешь, какая она! – кричал Колька. – А ты! – кричал Колька.

– Прости. Но они бы тебя убили... – не имея возможности оставить управление машиной, не оборачиваясь, произнес Андрей.

– Пусть! – кричал Колька, – Пусть бы! Убили! – кричал Колька. – Зачем так! – кричал Колька, размазывая по лицу слезы... – Знаешь! Кто! Ты! – кричал Колька.

И тут случилось. Студент вдруг отбросил русско-польский разговорник и принялся говорить. Он жестикулировал. Он был красноречив. Он тряс перед Колькиным носом поднятым с пола русско-польским разговорником. Если бы Андрей и Колька имели малейшее представление о французском языке, то им был бы доступен этот вопль отчаявшегося сердца. Но они его не имели, этого представления. Постыдные крохи этого представления, почерпнутые Андреем из кино, позволили ему определиться в главном: Студент, долго и успешно изображавший из себя гонимого поляка, на самом деле оказался французом, мсье Видалем.

– Бог ты мой, зачем же я тебе, дорогуша, цитировал Мицкевича? – проскрипел зубами Андрей, с трудом вписываясь в очередной поворот.

А тем временем мсье Видаль с горячностью, свойственной землякам Гюго и Д`Артаньяна, вещал о превратностях злой судьбы, которая сорвала его с насиженного места мелкого банковского менеджера в Дели и швырнула в объятия Аэрофлота. Мсье Видалю позвонил его шеф и попросил взять билет именно на рейс Аэрофлота. В порту пересадки Шереметьево мсье Видаль должен был взять пакет и сменить самолет. Пфи! Нет-нет, в аэропорту Окенче – это Варшава, место дозаправки, – к нему должен был подойти некий господин и забрать пакет. Друг детства шефа! Мерде!¹ Во избежание ошибки мсье Видаль должен был передать привет матушке незнакомца. Естественно, на польском языке, черт!

Мсье Видаль прервал свою насыщенную междометиями речь, схватил русско-польский разговорник, быстро раскрыл его на нужной странице и с чувством процитировал;

– Прошэ поздравиць одэ мне мамусе... – произнес мсье Видаль пароль и уставился на Кольку, потом перевел взгляд на затылок Андрея.

К этому моменту Колька, смятый красноречием француза, затих. На него обращение мсье Видаля не произвело ни малейшего впечатления. Еще меньшее впечатление произвел привет незнакомой «мамусе» на увлеченного дорогой Андрея...

Тогда мсье Видаль закрыл разговорник и продолжил. Вы пробовали найти в Индии польский разговорник? Французско-польский найти не удалось. Мсье Видаль, прочесав книжные развалы, с огромным трудом раздобыл русско-польский. Черт! Потом в Шереметьево его встречают два идиота, и вместо того чтобы вручить пакет и билет на Лион, с посадкой в Окенче, заталкивают в автомобиль, и они едут...

– Терра инкогнито! – подтверждая университетское образование, обозначил свое нынешнее местонахождение мсье Видаль. «Земля неведомая!» Да-да! Он знает, что должно быть в свертке. Никакой контрабанды.

– Пфи! Контрабанда – найн, ниht... – в запале,

¹ Дерьмо! (фр.)

мсье Видаль перешел на немецкий язык, но, исчерпав этими двумя словами его оперативный запас, вернулся к родному наречию, на котором и продолжил излагать злоключения. В свертке должна была быть книга. Старая книга. Черт его знает, как она называется! Во всяком случае, не раритет. Раритет — это уже контрабанда. На вывоз раритета нужно разрешение властей... И зачем, скажите, ему, мсье Видалью, здесь русско-польский разговорник, если он не знает ни того, ни другого языка?! В Лионе сейчас замечательная погода. Мсье Готье — негодяй. Русские, затолкавшие его в машину, — мерзавцы...

Мсье Видаль замолчал так неожиданно, будто отсоединился от батареек...

За время истерики мсье Видаль благоразумно умолчал о своей второй, подпольной жизни. Естественно, откуда ему было знать, в каких отношениях Андрей с Клоном и Тиком?

И в этот момент двигатель джипа заглох.

Словно покрытые патиной времени храмовые колонны, вздымались по обе стороны дороги стволы лип. Они возносили в поднебесья ветви, что, будто капители вычурного коринфского ордера, венчали их. Между стволами блистала лазоревой глубиной поверхность пруда, а выше — небо и размазанные по нему палевые облака. И это было так прекрасно, что казалось нарисованным.

— Ах, черт! — Андрей растерянно огляделся.

Затихший между сиденьями Колька никак не отреагировал на случившееся. Оглушенный мсье Видаль — тем более.

— В красивом месте нас остановили, — сказал Андрей и добавил: — На некоторых автомобилях стоит противоугонная система, позволяющая вырубать движок через спутник и сообщающая потерпевшему по «джи-пи-эс» местонахождение угнанного средства с точностью до метра. Так что, друзья, пора линять... — Андрей подергал дверь машины. — Я забыл: одновременно с движком эта система блокирует двери.

Андрей, раскрыв бардачок, стал вываливать на водительское кресло его содержимое. Здесь оказались: отвертка, дешевая зажигалка «Feudor», начатая пачка сигарет «LD», замусоленная тряпка, поношенный сотовый телефон «Siemens», зарядное устройство к нему, использованная сторублевая карточка доступа к сети Интернет, два карандашных огрызка, авторучка, скомканная бумажка с коряво нарисованной непонятной схемой и устрашающего размера револьвер.

— Ба! А это что за корабельная мортира? Гляди, Колька...

Но Колька смотрел в пол. Тогда Андрей, уважительно взвесив в руке «мортиру», присвистнул и заглянул в наполненный барабан...

— Впрочем, если стекла нашей машины бронированные, я вас не поздравляю. Предлагаю всем лечь на пол и заткнуть уши.

Андрей направил ствол револьвера в стекло двери водителя...

Дождавшись, когда мсье Видаль вслед за Колькой через расстрелянное стекло покинет машину, Андрей сказал;

— Ну что, потопали?

Француз принялся лихорадочно листать свой замызганный справочник.

— Черт, мсье! Ну, зачем вам, французскому по-данному, этот дешевый туристический русско-польский разговорник? Вы уже всех достали своим произношением. Дайте-ка его сюда. Клянусь, я его очень аккуратно выброшу.

Андрей попробовал отобрать справочник у француза, но тот вцепился в книжечку и нежно прижал ее к груди. Стало понятно — без решительной потасовки разговорник не отобрать.

— Понимаю. На данный момент это единственное, что связывает вас с далекой родиной. Тогда гоу ап! Аванте! Вива, э-э-э... на пленер. Форсаж. Понятно? Я? Си? Черт, не понимает... Короче, если не хотите идти с нами — оставайтесь. Но поверьте, в таком случае ни одна страховая компания не поставит на вашу жизнь ломаного цента...

Чтоб подвигнуть француза к движению и объяснить, что от него требуется, Андрей, ужасно фальшивя, взял несколько нот «Марсельезы». И полагая, что сделал все возможное, быстрым шагом устремился прочь от автомобиля. За ним уныло засеменял Колька со своей авоськой. «Марсельеза» ли, или выразительная жестикация Андрея способствовала тому, но мсье Видаль, словно взнузданная лошадь, радостно закивал головой и бросился вдогонку...

Нашим героям повезло. Паром — это сооружение сомнительных мореходных достоинств — был пришвартован к тому берегу реки, на который они вышли. Понадобилось время, чтобы отыскать паромщика. Лохматый дядька с лицом опустившегося спаниеля выполз из прибрежных кустов, где он, как догадались путешественники по его мятому виду, спал.

— Знаете, что такое река? Река, — приблизился паромщик, — это водное пространство, берущее начало в роднике. Знаете, что такое родник?

— Ну и Харон нам достался... — проворчал Андрей, принюхавшись. — Он совершенно, категорически, невозможно, безобразно пьян.

— Родник — это источающая-ю-яся из подземного пласта залегающая вода...

— Полтинник? — предложил Андрей.

— Вода — это жидкая субстанция, химическая формула которой... — забубнил, будто сектант-недоучка, паромщик, но Андрей поспешно его прервал:

— Сто.

— Сто десять, и немедленно! Вы знаете, что такое деньги? Это эквивалент труда.

Андрей глянул на часы и согласился с вымогателем.

Когда одуревшие от нескончаемой пьяной болтовни паромщика Андрей, Колька и мсье Видаль

спустились по сходням на противоположный берег, там они обнаружили одинокий фургон, окрашенный в пестрые рекламные кляксы.

– Ма-га-зин на ко-ле-сах, – прочел Андрей, с трудом извлекая буквы из мешанины цветных полос и разводов.

Рядом, на бережку, расположился в живописной позе хозяин магазина. На его физиономии застыла скептическая усмешка – соединенный результат бесплодных попыток докричаться до застрявшего на другом берегу паромы и опорожненной бутылки водки. Не рассчитывая на скорый результат, хозяин автолавки благоразумно заготовил еще одну бутылку, банку маринованных огурчиков, палку колбасы и ломоть сала. Но ожидание свидания настолько утомило бедолагу, что он уснул на солнцепеке.

– Ждал-ждал, пока не дождался... – определил состояние хозяина автолавки Андрей.

Как при звуках маминого голоса, спящий блаженно заплямкал губами...

При виде халявной выпивки паромщик замер в стойке, словно спаниель на бекаса, не решаясь при свидетелях совершить преступление.

– Мы отвернемся, – великодушно промолвил Андрей.

И тут Колька сдался. Что-то изменилось у него в лице. И нос был тот же, и глаза, но все черты потеряли резкость и будто расплылись. И сам Колька осунулся. Плечи опустились. Слово усталость гналась за ним и вот догнала.

Колька был как марафонец, ковыляющий на последнем дыхании в районе сорокового километра. Он мог видеть и слышать, но все, что происходило снаружи его, все звуки и движения, даже самые громкие, сейчас ничего не значили.

Усталость сморила Кольку, и более не было у него желания надеяться, или верить, или бояться, или бежать. Зачем весь этот раскаленный асфальт, эти судьи с флажками вдоль марафонской дистанции, эти соперники, если зеленый газон – вот он, на обочине. Достаточно шага в сторону...

– Я не пойду, – сказал Колька и, оставив спутников, вернулся на паром. Там он не торопясь разулся, снял носки, уселся на дощатый настил и опустил босые ноги в воду. Из авоськи Колька вытащил свою книжку «Остров сокровищ», раскрыл на закладке и принялся читать, время от времени отщипывая от буханки мякиш.

Мсье Видаль, подражая Кольке, проследовал на паром и, разувшись, с видимым наслаждением сунул пятки в воду.

– Tres bien,¹ – сказал мсье Видаль.

На противоположном берегу реки показался знакомый черный джип.

Мсье Видаль оглянулся на Андрея и продолжил сидеть...

– Черт! – Андрей растерянно обозрел окрест-

ности, задрал штанину и вытащил из веревочной петли на голени револьвер.

Увидав револьвер и неожиданно разглядев кольцо наручников на запястье Андрея, паромщик более не сомневался. Его не остановило даже то обстоятельство, что хозяин автолавки проснулся и тарашится на мир скользкими проспиртованными глазками. Ловко подхватив бутылку, паромщик с небрежностью профессионала отработанным годами движением сорвал пробку.

Клон и Тик выбрались из машины. Клон приблизился к воде, опустил на корточки и сполоснул лицо. Тик облокотился о капот машины.

– Коллекционная пушка... – сообщил как бы между прочим Клон Андрею, заметив оружие у того в руках.

Андрей повертел револьвер, прошел на паром и, положив оружие на палубу, стал разуваться.

– Упс! Топиться надумал? – съехидничал Тик, подергивая щекой.

– Нышки, сявка! – оборвал напарника Клон и доброжелательным голосом, в котором, впрочем, угадывалась угроза, обратился через реку: – Пацаны, нужно обкашлять делишки наши. Как вам на это?

Андрей покосился на уткнувшегося в книжку Кольку, на довольного жизнью француза и согласился «обкашлять».

– Нам нужен пацаненок, – отряхивая руки, сказал Клон. – Мы его все равно достанем. И тебя, блин, достанем. Не сейчас, так позже. Ты умный, ты врубаешься. На фига тебе лишние напряги?

– Или ты типа благородный? – недоверчиво вопрошал Тик.

– Ну, это не факт, не факт, что достанете.

Клон и Тик переглянулись... Клон, обернувшись к реке спиной, тихо спросил напарника:

– Ты куда ему сунул спутниковый маяк?

– В сигареты.

– Куда? Ну ты и дятел... – Клон презрительно сплюнул Тику под ноги, – Ты че, не мог по уму эту хреновину занюхать?

– Я тебе не швея -мотористка, в натуре, живому мужику шивать таблетку в воротник рубашки, – взвился Тик.

– Эй, братки! – раздался с другого берега голос Андрея. – Может, поделитесь, зачем вам пацан, а мы тут это дело обсудим.

– Ладно... – Клон подошел к кромке воды. – Там, в Синельникове, ну куда привезли Крюка, они рядом лежали. На носилках. Крюк с пацаном с этим твоим. Твой пацан – последний, кто Крюка видел живым. Крюк откинулся. Но он должен был передать ему для братков. Или кому-нибудь. Важную, эту. Информацию. Или вещь. Или сказать, где она. Короче, спроси у шкета, что ему сказал Крюк перед тем как откинуться?

– Ничего не передавал. Сказал, что у травы сорок запахов... – произнес Колька, не отрываясь от книжки. – Сказал, что думаешь, будто запах один, а их сорок. У скошенной свой, у свежей свой...

¹ Очень хорошо (фр)

– Ничего существенного Крюк не сказал. Сказал, что пахнет трава. Сказал, что у травы сорок запахов... – донес колькины слова до Клона Андрей.

Клон и Тик переглянулись.

– Козел! Так я и знал! – Тик схватился рукой за щеку. – Все из-за Крюка! Куда он заныкал маляву?! И загнул, сучок! И че теперь Черепу скажем?

– А если пацан заливаает? – Клон почесал затылок. – Крюк – это тебе не фуфел какой, чтоб откинуться и не подумать о братках.

– Не кроши батон! С дыркой в брюхе, при ментах, Крюк будет первому встречному сопляку наводку на товар сгружать?

– А если у Крюка выхода не было? – Клон настороженно огляделся. – И все-таки Крюк с головой дружил. Не может быть, чтоб он что-нибудь не придумал.

Колька оторвал голову от книжки. Ему вдруг стало интересно, что имел в виду Крюк, когда говорил, что у травы сорок запахов. Запах травы после дождя. Свежескошенной травы запах. Увядающей. Прелый. Вот и все запахи, которые Колька смог вспомнить...

Но вместо запахов Колька вдруг со всей отчетливостью вспомнил, как лежал во дворе больницы в Синельниково, и как думал, что умирает, и как цеплялся глазами за затоптанную травинку, и как готов был стать глухим и слепым, только бы не умереть. А вот сейчас он сидит на дощатой палубе парома и может жить, и для этого ему не нужно слепнуть...

И вот в теплых синих сумерках растворяется далекий лес. И это очень красиво. И облака на закате тоже очень теплые и длинные. И от воды тянет прелю. И звенит мошка настойчиво, и издалека доносится петушиный крик и стук вагонных колес невидимого поезда. И это тоже может запросто слышать тот, кто живет.

– Пойдем отсюда... – сказал Колька, поднимаясь.

К этому времени паромщик и хозяин автолавки осушили вторую бутылку и спали, нежно обнявшись...

– Брателло – твоя коллекционная пушка! – Андрей оставил разряженный револьвер на пароме.

Клон вяло отреагировал на это замечание – он как раз по сотовому телефону разговаривал со своим шефом. Объяснив в двух словах ситуацию, Клон получил от шефа инструкции...

– Ну, чё? – напряженно поинтересовался Тик, когда Клон отключил телефон.

– Чё-чё... Лажанулись мы. Надо было сначала смотаться в грёбаное Синельниково. А потом уже пацана шукать. Спросить надо было там. То да се. У пацана нашего амнезия...

– Че у него? – усталился на напарника Тик.

– Болезнь такая. Череп говорит, пацан мог и забить, в натуре, че там ему Крюк наплел.

Тем временем наша тройца, миновав луг, выбралась на грунтовку...

– Nom d'un – eh bien, ma foi!¹ – воскликнул мсье

Видаль, которому, наверное, для полного счастья достаточно было не видеть громил, умыкнувшего его из аэропорта.

– Я забыл, – сказал вдруг Колька.

– Что забыл?

– Точнее, вспомнил. Книжка, – Колька достал из авоськи «Остров сокровищ», – это не моя книжка. Надо отдать.

– С каких это пор мы такие щепетильные в вопросах чужой собственности? – Андрей удивленно поглядел на Кольку.

– Это книжка оттуда... из Синельниково, наверное. Наверное, ее по ошибке засунули в мои вещи. Может, это... – запнулся Колька.

– ...Это они ее и ищут? – продолжил Андрей недосказанную Колькой фразу. – Думаешь, это книжка Крюка? Хм... – Андрей повертел томик Стивенсона в руках.

Колька пожал плечами.

– Что в ней такого?.. – Андрей развернул веером листы книги, опрокинул ее и потряс. Затем пощупал корешок.

– Я только оставляю себе закладку... – сказал Колька. – Зачем им закладка?

Колька аккуратно сложил желтую полоску и сунул в нагрудный карман. Потом потянулся к книжке. Будто попрощаться хотел. Но передумал. Отдернул руку. И быстро пошел прочь...

Мсье Видаль с преувеличенным интересом наблюдал за манипуляциями Андрея с книгой. И вдруг пришел в неопишное волнение. Из непонятных слов, из движений, из мимики в его голове сложилась ясная картина, и он воскликнул;

– Mon vieux! Quell idee! Mais enfin! Est-ce que c'est possible?²

После чего мсье Видаль стал рвать из рук Андрея злополучную книгу.

– Что с вами, мой друг? – в свою очередь, изумился Андрей, не отпуская томик Стивенсона.

Оставив книгу у Андрея, мсье Видаль вдруг принялся расстегивать джинсы.

– Ну это лишнее. Оставьте себе ваши брюки! – пролепетал Андрей, протягивая ему книгу. – Возьмите книгу, только прекратите этот стриптиз! И потом, у вас из-за нее тоже могут быть неприятности!

– C'est impayable!³ – воскликнул мсье Видаль, усаживаясь в трусах на дорогу. Какое-то время он возился с пуговицей на джинсах, но вдруг, почувствовав перемену в окружающей обстановке, поднял голову и, поглядев на вытянувшиеся физиономии Андрея и Кольки, принялся хохотать.

– Roman policier! C'est rigolo! Pardon!⁴

– Черт побери, – протянул Андрей, – хотел бы я знать, что все это значит.

Наконец мсье Видалю удалось справиться с при-

¹ Черт возьми – хорошо, мсье, клянусь (фр).

² Старина! Что за мысль! Ну и ну! Неужели это возможно?! (фр).

³ Это не имеет цены! (фр).

⁴ Детективный роман! Просто смешно! Извините! (фр).

ступом смеха, потом с капризной пуговицей на джинсах, и он извлек на божий свет спрятанную в ней тонкую пластиковую полоску. Развернул ее и протянул Андрею.

– Я должен ее проглотить? – Андрей уставился в пластик. Там черным по белому было написано: «EDMOND». Потом: №1 – 265208. И чуть ниже: 0691410.

– Что это? – поднял глаза на француза Андрей, – Скажите прямо, Эдмонд, вы шпион?

– Найд, ноу, ньет... Ай ам... – француз потянулся было за русско-польским разговорником, но передумал. – Кэйгэби рашэ. – произнес он с трудом, – Тут. Мине. О кей? Эд-монд кэйгэби франсэ, интер – кэйгэби... Это кот! – ткнул пальцем в пластик француз. – Намба ту!

– Какой еще кот, номер два? – устало протянул Андрей. – А впрочем, идемте, на ближайшем хуторе я познакомлю вас с представителем местного «кэйгэби»...

И действительно, на ближайшей железнодорожной станции Андрей оставил Кольку на перроне, а сам упрощил дежурного по станции (Андрею пришлось в пустынном вокзальном зале буквально стать на колени – ссылки на дело государственной важности дежурного не убеждали) позвонить из диспетчерской по телефону. Под взглядами, ироническим – дежурного по станции и восторженным – мсье Видаля, Андрей дозволился до милиции.

...Оставив мсье Видаля вместе с ценной книгой дожидаться официальных представителей в дежурке начальника станции поселка Привокзальный, Андрей предстал перед Колькой.

– Все! – сказал Андрей. – Мне так кажется, что если бы это была повесть, тут, на этом месте, надо было бы поставить точку.

– А вот и нет, – вдруг мрачно произнес Колька, подумав о девочке Яне.

– Да? Тогда скажи, что мне с тобой делать? Колька пожал плечами.

Так ничего определенного не решив в отношении Кольки, Андрей купил два плацкартных билета на ближайший поезд.

И вот такая странная штука. Пока Колька был болен и был другим человеком, жить ему было счастливо и легко. И каждый его день был наполнен смыслом и покойным знанием того, что он на своем месте и кому-то нужен. Но едва он стал самим собой, как тут же стал лишним. Он легко покинул заколдованный круг, из которого, будучи другим, благополучным человеком, не мог выбраться, но это была горькая свобода.

Разглядывая проносящиеся за окном пейзажи, Колька не мог объяснить эту мысль такими правильными словами, но только он чувствовал, что в жизни неправильно устроено, если для того, чтобы быть счастливым, нужно быть больным.

Андрей и Колька уезжали, и вместе с ними в полупустой пачке дешевых сигарет в кармане брюк Андрея ехал миниатюрный прибор, с виду метал-

лическая таблетка, «маяк», позволяющий отслеживать перемещение объекта на местности при помощи спутника. Это обстоятельство, с одной стороны, делает будущее наших героев туманным и не таким однозначно прекрасным, как хотелось бы, а с другой – оставляет надежду на то, что мы еще узнаем продолжение их приключений...

Спасибо, Алиска

– Как же так... – проговорила Сорокина, ни к кому не обращаясь, а просто потому, что пауза стала шире той черты, за которой молчание становится натянута.

Николай Сергеевич будто ждал этого вопроса. Наверное, ему уже тоже было трудно молчать.

– Я где-то читал, что в душе каждого человека живет ребенок, – произнес он. – Только никогда не думал, что это может быть так буквально.

Тут в кармане Николая Сергеевича запел сотовый телефон.

– Прости, – Николай Сергеевич отошел немного в сторону и стал говорить по телефону, а Сорокина уставилась на привокзальную площадь станции поселка Синельниково, распластавшуюся в истоме и неге под вечерним солнышком...

Со времени знаменательных бурных событий, встряхнувших мирную жизнь Белозерска, прошло две недели. Десять из этих четырнадцати дней Сорокина провалялась в кровати. Тетка Антонина, изнемогая под грузом вины из-за того, что не уследила, едва не уморила Сорокину своей беспощадной заботой. Она не отходила от кровати «бедной девочки» и не позволяла Алисе рта раскрыть со своими расспросами. Запуганная мамой Алиса разговаривала с Яной, как с умирающей. Но по ее страстно поддериживающемуся мышинному носику и томным взглядам было件нятно, что она удерживается от расспросов из последних сил, надеясь наверстать упущенное при первой же возможности. Так оно и случилось. Выждав пару дней, Алиса улучила момент и обрушила на Сорокину информацию – о том, что Борону и его подручных арестовали, о том, что Сержанта перевели в больницу в областной центр, хотя и непонятно зачем, так как он почти не пострадал. Глория уехала с мужем...

– Как это Сержант почти не пострадал? – опешила Сорокина.

Алиса пожалала плечами и отпрянула от кровати «умирающей», так как в комнату вошла тетка Антонина.

– Брысь, Алиска! – фыркнула тетка, и Алису смело за порог.

Потом уже, когда Сорокиной разрешили вставать, тетка Антонина однажды разговорилась...

Словно старушки, они вчетвером сидели на лавочке у ворот – тетка Антонина, Алиса, Жакова и Сорокина. Болтали о том, о сем, и вдруг тетка Антонина разоткровенничалась:

– Просто удивительно... – задумчиво прогово-

рила тетка, – Первый такой случай на моей памяти. Четыре выстрела в упор, и ни одна пуля не задела жизненно важных центров. А тут на гнилом яблоке поскользнешься и перелом...

– Зачем же тогда его в область увезли? – поинтересовалась Алиса.

– А черт его... – начала было не педагогически тетка, но спохватилась. – Кто его знает. Может, потому, что феномен. Никогда не видела, чтоб с такой скоростью ткани восстанавливались...

А потом случилось последнее утро – утро отъезда.

Николай Сергеевич приехал ночью. Яну еще заставляли пить маленькие желтые таблетки для сна, поэтому она не слышала, как тот приехал...

Наверное, нельзя, едва познакомившись, так надолго отлучаться – Сорокина смотрела с некоторой растерянностью на Николая Сергеевича, и ей казалось, что все это происходит не с ней, а с какой-то другой девочкой. Теперь Яне даже странно было думать, что она мечтала о том, как поедет с Николаем Сергеевичем смотреть его атолл в океане и вообще удочерится...

Николай Сергеевич не замечал или старательно делал вид, что не замечает, сорокинского отчуждения.

Потом день покатился комкась, и наконец они с Николаем Сергеевичем распрощались с теткой Антониной и двинулись на автобусную остановку, чтоб проехать пять километров до станции Синельниково. В Белозерске останавливались только электрички...

Какое-то время ее сопровождали «бандитки» на велосипедах, но говорить было не о чем. Все уже было сказано. У сквера Алиса и Жакова отстали.

Со странным ощущением приближалась Яна к памятнику Старухе. Ей не было страшно. Ей даже как будто было жалко. Именно со встречи с памятником в ее жизни началось это приключение. Или вот, допустим, этот Колька... Сорокина вспомнила, как во сне ходила с Глорией на Усковскую гору. Как Глория обещала ей, что она встретит принца, только чтоб она не врала. А она все-таки не удержалась, наплела о себе новость бог что, хотя какое это теперь имеет значение...

Конечно, Яна сбегала на Блюхера, четырнадцать. Ее там встретила худая дама в очках. Она скользнула рассеянным взглядом по Яне и сказала;

– Николай? Ушел. Нет его.

– Куда ушел? – не поняла Сорокина.

– Насовсем. Навсегда. И не вернется! – буркнула Галина Валентиновна и захлопнула перед сорокинским носом дверь дома.

«Какая вредная тетка!» – в отчаянье Яне захотелось взять камень и швырнуть в окно. Что ей, в самом деле, жалко по-человечески объяснить?!

Сорокина забралась в чей-то бесхозный сад и там, среди старых яблонь, долго плакала...

Откуда Яне было знать, что колькино исчезно-

вение совершенно выбило Галину Валентиновну из колеи. Она его искала, и тщетно. Мальчишка растворился, словно его никогда не было в ее жизни. А между тем Колька оставил в душе писательницы глубокий след. (Так пишут и говорят, хотя душа разве сугробы?). Галина Валентиновна была одинокой тетенькой. А Колька был одиноким мальчиком. И вместе им было хорошо. Мало-помалу она смирилась с одиночеством, и каждое напоминание о Кольке ранило ее чувствительную писательскую душу... И еще. Через неделю после колькиного исчезновения к ней пришли молодые люди. Представились сотрудниками милиции. Долго и скучно они расспрашивали писательницу о Кольке, а уходя, настоятельно просили не распространяться о характере беседы и вообще о Кольке, так как... Галина Валентиновна писала детективы и понимала, что может значить эта недоговоренная фраза...

Место посреди сквера, которое ранее занимал памятник Старухе, огораживал свежий дощатый забор. Из-за забора доносились голоса рабочих, там что-то лязгало и гремело, и в центре огороженного пространства возвышался скелет наполовину смонтированного подъемного крана. Огибая с Николаем Сергеевичем дощатый забор, Сорокина наткнулась на большой фанерный лист. На нем была нарисована трехкупольная церковь. Под рисунком Яна прочла: «РСУ-19 ведет строительство храма Святого Преображения, в память земляков, погибших на полях сражений в годы второй мировой войны».

...И вот теперь Сорокина сидела на свежеекрашенной лавочке на привокзальной площади станции Синельниково, а Николай Сергеевич разговаривал по телефону. Яна невольно прислушалась.

– Дело не в книжке. Этот Крюк был тот еще фрукт. Я тут поднял его дело – мастер спорта по шахматам, между прочим. Ну, это давно с ним приключилось. Что? Закладка. Ключ наверняка в закладке. Что? Исчезла. Не знаешь, какой бывает закладка? Обыкновенная закладка. А черт его знает, какая именно! Ну, конечно, как у Конан Дойля. Помнишь, они весь дом перевернули, а письмо лежало на столе. Естественно, все оставились на книгу...

Николай Сергеевич помолчал, прислушиваясь к собеседнику. Потом прервал его:

– А потому что никакой координации между службами! Я знаю, что такое «ЭДМОНД» – финансовый Интерпол, не учи меня... И тем не менее, если бы они сообщили вам... да, нам! Какая, черт, разница! Что курьером будет их внедренный агент, этот француз, этого бардака бы не случилось! Изволь теперь искать этого Андрея! Да! По месту прописки он не объявлялся. А закладка у мальчишки. Тот вообще... Ну, конечно, давайте пацана через федеральный розыск, – скептически процедил Николай Сергеевич, – обобщем все помойки. Ладно, до встречи. Салют!

Николай Сергеевич сунул сотовый телефон в карман и уставился в пространство...

– Вы Сержанта имели в виду? – спросила Сорокина, продолжая разговор.

– Что? – очнулся Николай Сергеевич.

– Когда говорили про ребенка, что живет в душе...

Николай Сергеевич покосился на Сорокину...

– Жили-были два мальчика – Сережа и Миша. У обоих рано прорезался талант к рисованию...

– Это я знаю, – сказала Сорокина.

– Ну, тогда ты знаешь про взрыв. Кстати, легенда про сокровища Черещенко не лишена исторической подоплеку. Был такой сахарозаводчик. И действительно эмигрировал налегке. Но вернемся к нашим баранам. Борона после мест заключения осел в Белозерске. Преподавать в школе ему запретили. Устроился в кинотеатр. Попутно халтурил, так сказать, кому бюстик надгробный изваяет, кому рекламный щит. Так бы оно и шло, если бы Сергея в Афганистане не контузило. И началось. Трезвый Сергей – заурядный человек, а выпьет – в нем, даже не знаю, как сказать, поселяется Мишка. Тот мальчик, который двадцать лет назад погиб под развалинами...

– Разве так бывает?

– Если больная совесть... Наверное, Сержант считал себя виноватым в смерти друга: мол, оставил в лабиринте и сбежал. Так вот, от имени своего друга, когда тот был в нем, Сергей стал рисовать. Про это узнал Борона. Ну, а дальше проще: Борона и компания потихоньку соорудили для Сергея мастерскую. Краски, холсты, освещение. Всякое дело можно сделать преступным. Так и эти люди вложили деньги в рекламу нового художника из провинции – Эдуарда Владимировича Борону. И стали от имени Бороны продавать картины, нарисованные... не знаю, как и сказать, умершим Мишкой, что ли. Бизнес рос, а тут ты со своим голосом, похожим на голос прежней подружки Мишки, той девчонки...

– Сашки?

– Ну да. Александры Никищихиной. Этот... который мальчик, поселившийся в Сергее, он ведь ни с кем не хотел говорить. Борона на допросе сознался, что пробовал, да тот ему не верил. У Никищихиной с возрастом изменился голос. А тут ты с голосом его подружки. Тебе он поверил, и... Остальное ты знаешь.

– И что теперь с Сержантом?

Николай Сергеевич пожал плечами;

– Вылечится и будет как все. Вряд ли он сможет рисовать без своего Мишки, живущего в нем.

– Вдруг тот вернется?

– А зачем?

– А клад? – спросила Сорокина.

– Клад? Насчет клада Черещенко ничего не могу сказать, а вообще-то, – Николай Сергеевич улыбнулся, – Мишка его все-таки нашел под развалинами. Клад – это талант. Такое вот... прокля-

тое сокровище. Хотя кто знает цену таланта? Я не знаю. – Он помолчал. – Только вот какая штука... Неужели же смерти действительно нет, пока тебя помнят?

Поезд набирал ход. Николай Сергеевич гремел в купе полками, расталкивая чемоданы. Сорокина в проходе пялилась в окно. Пять километров – расстояние небольшое, сейчас должна промелькнуть платформа Ивотка, маленький, похожий на картонку из-под обуви, белый домик. Именно там высадила электричка Яну и тетку Антонину. И на душе у Яны тогда было уютно. Так же, как сейчас...

Из купе выглянул Николай Сергеевич и протянул Сорокиной книжку:

– Читай. Только не посеи. Чужая.

Сорокина коротко глянула на темно-красную обложку и перевела взгляд за окно. Нет, этого очень мало, даже для самой маленькой надежды. Сорокина медленно опустила глаза – на темно-красной обложке книжки чернел рисунок пирата на протезе и с саблей в руке. А ниже, белыми буквами, фамилия знаменитого автора.

Поезд пролетел переезд, и... Яна не могла ошибиться – по высокой насыпи, вдоль полотна железной дороги, металась девчонка в замечательном алом платье. Размахивала руками, будто грозила кому-то. Или прощалась с кем-то. Ее миниатюрная фигурка отсвечивала на солнце, словно искорка...

И локомотив, словно расстаявший с гаванью корабль, отсалютовал Алисе протяжным сигналом...

– Книжку нужно будет вернуть одному парнишке. Правда, вначале его нужно найти... – добавил Николай Сергеевич.

Сорокина, затаив дыхание, раскрыла книгу – в левом верхнем углу страницы, на рисунке со знаменитой картой острова сокровищ, отсвечивало слюдой знакомое крылышко комарика...

– Спасибо, Алиска... – прошептала Яна.

Включилось поездное радио, звонкий и наивный голос наполнил вагон:

*Кто тебя выдумал,
Звездная страна?*

Наконец-то у Яны появился шанс услышать всю песню от начала до конца.

*Где же вы, где же вы,
Счастья острова?
Где побережье
света и добра?–*

– недоумевал голос. Мелодия, истончаясь, то угасала, то возникала вновь. Но это уже было неважно, так как внутри самой Яны стеклянные молоточки отбивали звонкую, радостную дробь...

Поезд с Сорокиной давным-давно скрылся за поворотом, а Алиса все смотрела ему вслед. Словно надеялась узнать продолжение этой истории...

Июнь 2004 года.

Вадим МИТРОФАНОВ,
фото автора,
из архива журнала

Маршрутом Ермака. Неизвестная Серебрянка

В 2005 году исполняется 420 лет со дня гибели Ермака. Автор очерка планирует пройти более 1700 километров по легендарному маршруту. Представляем вам его первые заметки, сделанные в прошлом году.

Хмурым сентябрьским утром я выхожу из Кедровки в южном направлении. Торная тропа теряется через час, засыпанная желтыми листьями и поваленными деревьями. Перехожу глубокий овраг. Впереди глухой лес, тропы уже никакой, и я держу направление по компасу. Справа видна заболоченная низина с редкими березками, слева — крутые остроги горы Кедровой. Еще час такой ходьбы, когда под ногами хлопает вода — и вот передо мной речка. Небольшой поток чистой воды шириной от трех до пяти метров,

прорвавшись сквозь лесные завалы и кустарник, вливается в реку Серебрянку.

Густой утренний туман скрывает долину Кокуя. Но вот выглянуло солнце, и осень заиграла всеми красками. Вверх по течению Кокуя полыхают красные ветви рябины, желтые березы резко выделяются на фоне темных крон елей и кедров. Вдали виднеются очертания горы Болтун.

Я прохожу немного вниз по течению. Берега здесь труднопроходимы, а в тихих заводях не видно рыбы. Видно вся она ушла в Серебрянку на зимовку. По преданию, именно в этих местах осенью 1581 года останавливалась дружина Ермака. Поднявшись по Серебрянке с большими трудностями, люди решили перезимовать здесь, чтобы весной двинуться дальше за

Урал-Камень.

Из многих притоков Чусовой единственная речка названа именем благородного металла. А ведь когда проходил здесь Ермак, ни о каком металле не помышляли, и как она называлась, знали только вогулы-проводники. Название «Серебрянка» пришло позднее, когда начали добывать серебро. До того вода в реке была чистой и голубой, возможно, из-за растворенного в ней серебра. Сейчас река становится чистой только осенью, а по весне это бурный глинистый поток. Длина реки всего 160 километров, истоки ее находятся на восточном склоне Уральского хребта, на горе Подпор.

В августе 2004 года, увлекшись собиранием белых грибов, я ушел в северном направлении от Кедровки. Низкое серое небо, по-

Стоянно накрапывающий дождик, иногда переходящий в сильный, заставляли меня подумать о возвращении. Найдя тропку, я шагал по ней более часа, надеясь выйти к жилью. Когда понял, что иду в противоположном направлении и надо поворачивать назад, передо мной вдруг появилась проезжая дорога. Через десять минут она привела меня к реке. Передо мной открылся огромный глинистый карьер. Я спустился вниз, к бурному потоку, осторожно пройдя вдоль крутого глинистого берега к упавшему подвесному мосту. Вдруг в отвесном коричневом слое блеснула светлая россыпь. Да ведь это серебро! Видно, эту малую толку песчинок серебра вымыли дождь и река... С опаской перешел по упавшему мосту: перила болтаются, Серебрянка грохочет внизу и потом срывается трехметровым водопадом с белого скалистого гребня.

На другой стороне я оглянулся: вокруг в радиусе трех километров – безжизненные глинистые отвалы. Да, здесь драга поработала на славу. Вот откуда такая мутная Серебрянка. Сейчас работы уже свернуты и самой драги нет. Возле сторожевой будки молодой парень возится под своей «девяткой». Под сильным дождем он даже не заметил меня, хотя на шлагбауме щит – «Режимный объект. Проход запрещен».

До Кедровки река петляет, заполняя выработки и образуя

обширные озера. На крутых глинистых берегах видны слои синей глины, которая, по местным поверьям, очень полезна для лечения суставов. Кедровка – главный поселок в верховьях Серебрянки. Это старинное русское село, через него из Кушвы возили металл на Чусовую для дальнейшего сплава. Лучшие времена Кедровки были в шестидесятые годы, когда работала драга и был леспромхоз. Тогда в поселке было три магазина, школа-восьмилетка, клуб, почта, медпункт. Все осталось в прошлом. Остался один магазин, который снабжает «коренных пенсионеров» продуктами. Но слава Кедровки поддерживается кедровыми шишками, которые на оставшихся кедрах в урожайные годы висят гроздьями. На отвалах

в августе обилие рыжиков, а в ямах и на перекатах Серебрянки не плохо ловятся окунь, голавль и хариус.

Когда осенью едешь из Кушвы на автобусе – а дорога до Кедровки крепкая, грунтовая – прекрасные открываются картины. Вдоль дороги тянется золотая аллея, а на высокой точке перевала стоит обелиск Европа-Азия в виде часовенки. Отсюда открываются далекие виды Предуралья.

За Кедровкой река Серебрянка принимает притоки: речку Кедровку, которая образует красивый пруд, и Бобровку, чистую и холодную. На извилистой Бобровке есть несколько заводей, перероженных плотинками бобров. В крутом берегу есть хатки и норы.

Я много читал о бобрах и

уважаю этих умных и трудолюбивых зверьков. Но неоднократные попытки увидеть их воочию были безрезультатными – бобры очень осторожны и не любят, когда их тревожат. Местный паренек рассказал мне интересную историю о том, как его отец «воевал» с бобрами. Бобры перекрыли речку, куда рыба заходила на нерест и была хорошая рыбалка. Отец мальчика неоднократно разрушал плотину, но бобры каждый раз восстанавливали ее, и человек отступил. В марте я ходил на лыжах вдоль Бобровки и на крутом снежном откосе, где внизу бежал незамерзающий ручей, увидел нору. Поперек ручья лежала поваленная береза, выше

я не мог найти партнера, чтобы пройти этот участок осенью.

Возможно, во времена Ермака реки были полноводнее, леса были больше. Но трудностей было много, а хода назад дружине Ермака не было, опала Ивана Грозного и предательство Строгановых заставляло идти вперед.

Весной Серебрянка оживает, половодье затопляет все русло и выработки. Обилие уток. Иногда слышны крики лебедей и журавлей. Ниже Кокуя вливается приток Журавлик. Когда-то здесь тоже был поселок, сейчас стоит кордон для лесников и охотников.

Участок от Кедровки до поселка Серебрянка исхожен ста-

дружины Ермака. Сплав начали от поселка Серебрянка. Мне запомнилась глухая тайга, обилие прижимов и остановка на притоке Шурыш, куда в мае заходит хариус на нерест.

В настоящее время Серебрянку охотно посещают туристы, особенно по весне. Они плывут на лодках, катамаранах, байдарках.

В 2005 году будет 420 лет с момента гибели Ермака. В память этого события хотелось бы спуститься по реке Тагил до Туры, где начались первые сражения Ермака с войсками Кучума, а в перспективе – пройти по Тоболу и Иртышу до мест, где когда-то была столица Сибирского ханства Искер.

норы на снегу были видны следы широкого хвоста бобра и уже подпиленная острыми зубами солидная береза. Нарвав веток, я осторожно положил их возле норы. Пусть полакомятся хозяйева ручья.

После Кедровки Серебрянка течет по долине сильно петляя. Бурунчики на солнце так и серебрятся. Осенью стайки уток начинают готовиться к отлету, зайцы разрешают подойти поближе, ондатры и выдры шумно плещутся в выработках. Сейчас река довольно мелкая, хотя разрушенные прудики делают ее шире. Но все равно осенью подняться вверх по Серебрянке от Чусовой могут только смелые и отважные люди. Даже сейчас

рателями, оставившими после себя многочисленные шурфы. Много рассказов тайн они могут поведать о судьбе старателей. Здесь находили и серебро, и золото, и платину.

Впервые я прошел Серебрянку весной 1981 года. Тогда отмечалось 400-летие прохода

ЧИТАЙТЕ В ОКТЯБРЕ:

РЕКА ВРЕМЕНИ

...Мы уже привыкли к необычным памятникам. Во всяком случае, трудно представить, чтобы памятник мог сам по себе иметь интересную судьбу. Чтобы его история была хоть как-то сопоставима по значимости с событием, которому он посвящен. Тем не менее памятник разведчикам-мотоциклистам заслуживает отдельного рассказа.

АЗЛИТА

Повесть «Ледяное сердце Златовера» Наталии Ипатовой, которую мы предлагаем вниманию читателей в следующем номере «Уральского следопыта», – пятая из серии «Большое драконье приключение». Впрочем, каждая из пяти достаточно автономна и представляет собой отдельное законченное произведение. В каждой упоминаются прежниехождения героев, что позволяет всему циклу быть единым. Все события, как между разными сказками, так и внутри одной, связаны строгой логикой, но не ждите при чтении сложения сухих конструкций. Каждое произведение Н. Ипатовой – это чудесная смесь фэнтези, рыцарского романа и любовной мелодрамы. Попробуйте ЭТО на вкус!

Сергей Казанцев.

Хочешь двигаться – ищи попутчика!

Свердловский областной
клинический психо-
неврологический госпиталь
для ветеранов войн

УРАЛЬСКИЙ
МЕБЕЛЬНЫЙ ЦЕНТР

ХИМТЕХ
СТРОЙ

ISSN 0134-241X Индекс 73413 «Уральский следопыт», 2005, №9 (579)